

OCEANUS SARMATIKUS

Литературный альманах

*Где некогда приходилось умолкать искусству,
Вступали в свои права мудрые учения о
государстве и философии;
Там, где сейчас государственный муж
и философ бессильны, –
Снова вступает в свои права художник.*

Рихард ВАГНЕР

1

2016

КАУНАС * РИГА

* * *

Руководитель проекта – *Эяна Суодиене*

Главный редактор – *Альберт Снегирев*

Заместитель главного редактора – *Вера Виногорова*

Ответственный секретарь – *Анна Снегирева*

Компьютерная верстка – *Екатерина Холявицкая*

Что такое – **Oceanus Sarmaticus**?

Это – то, что сегодня называется Балтийское море, которое географически объединяет создателей этого издания и подавляющее большинство его авторов – по их проживанию, происхождению и ментальности.

Кто такие сарматы?

Это сообщество воителей и земледельцев, вобравшее в себя десятки разноразных племен, проживавших на огромном пространстве от Одера до Урала и положившее начало многим языкам и культурам, ныне определяющим значительную часть европейского и мирового ментального фона.

Авторы этого издания живут в разных странах, думают и пишут по-разному, но их объединяет стремление поведать о своем месте в мире общечеловеческой культуры, о своей решимости быть нужными ей, своим языком, ибо конечной целью любого мыслящего человека всегда была и есть необходимость высказаться.

Каждый сам выбирает степень своего откровения, но это и есть смысл и мера творчества.

e-mail: sarmaticos@inbox.lv
e-mail: snegiri77@rambler.ru
e-mail: e.suodiene@gmail.com
e-mail: anna.snegirjova@gmail.com

* * *

Мы — как мы!
Всегда мы наготове
Продолжать, волнуясь и смеясь,
Ту беседу, что на полуслове
Года три назад оборвалась.

Вновь и вновь
Встает не подлежащий
Никаким сомнениям вопрос,
Но подросток, в комнату вбежавший,
Года на три все-таки подрос.

И старик
В безмолвии суровом
Года на три постарел еще...
Ну, а мы опять о чем-то новом
Продолжаем спорить горячо.

Леонид МАРТЫНОВ

Алена Антипова

Франция

Родилась в Москве. С 1977 года жила в Каунасе. Преподавала иностранные языки в каунасской Дайнавос средней школе. С 2003 г. руководила школьным театром иностранных языков, автор сценариев для его постановок. В 2001–2002 гг. с группой учеников перевела на литовский язык повесть А. Приставкина «Кукушата». В 2006 г. вышел сборник повестей и рассказов «Оставляя след». Книги «Фэтон и Отель» (Проза и стихи, 2009) и «Счастливчик» (Роман, 2010). Живет во Франции.

ДВА КОНЦА, ДВА КОЛЬЦА, ПОСЕРЕДИНЕ – АНГЕЛ

Ну, вот и опять трава осталась нескошенной. Вечно у него нет времени. Впрочем, не очень-то и надо. С легкостью меняю жесткую щетину обритого газона на симпатичную картинку, что так радует меня сейчас: нетронутая дикая лужайка в желтых веснушках одуванчиков; из сочной зелени торчит белая, худая коленка, время от времени покачивается. На месте ее обладателя я не стала бы столь беспечно прикрывать локтем глаза и выключать уши, потому что еще минута – и тот, кто сидит в секрете, сбивая макушкой желтую пыльцу, сделает мгновенный рывочек и плюхнется прямо на живот Большого Брата. Держите пресс, сэр.

Отвернувшись, продолжаю чистить луковицу, слыша за спиной пыхтение, повизгивание и еще какие-то странные звуки, будто на лужайке возятся два зверька. Так они общаются. Почти без слов, потому что младший еще только учится вербальным премудростям, а старший... Хотела бы я знать, отчего он молчит. Я понимаю: ему трудно. Но не оттого, что он подзабыл родной язык.

Протестующий вопль за моей спиной. Знак того, что первый загребной «голубых», знаменитой оксфордской команды академической гребли, не поддался щенячьему натиску. И вот уже побежденный, как водится, ищет утешения у меня подмышкой. Нос весь желтый. Чихнул, хихикнул от удовольствия, сунул в рот изрядную дольку луковицы, сгреб в горсть сколько уместилось, обернулся в сторону брата.

– У? – с немим вопросом ко мне.

– Да нет, Кирюша. Это ты у нас, как Буратино, луковицы грызешь и не морщишься. Андрюша любит сладенькое. Правда, Андрей? – жалкая попытка подкатиться.

– Нет.

И глубокий *silence*.

Мой старший сын никогда не страдал от недостатка коммуникабельности, с самого раннего детства. Глаза небесной голубизны и мордашка нараспашку, незадиристый и необидчивый, готовый к любым контактам, было бы с кем. Если же компании никто не поддерживал, играл один, но неизменно отворачивался ко всем спиной и отчего-то выглядел в такие моменты очень несчастным. Со временем дружелюбие и открытость стали характером, а вот глаза немного выцвели, сделались цвета чистого льда, как у его отца. Вообще, становясь старше, он все больше внешне повторял Игоря и всегда тянулся к нему. Тянулся и не дотягивался.

Когда у нас родился Андрейка, муж был на взлете своей карьеры: профессорская должность на кафедре, успешный бизнес, востребованность и деньги. И все это было для нас, любимой жены и сына, которые той любви-то как раз и не чувствовали. Подчас мне казалось, что Игорь любит нас восторженными вздохами моих подруг, чужими глазами, в которых отражалась зависть к тому, чем он нас окружал.

По мнению мужа, все должно быть самым лучшим (читай – дорогим): от коляски до автомобиля, от детских носков до коллекции немислимых английских шляпок. И дом, разумеется, он решил строить вопреки общим тенденциям обустройства частного жилья подальше от города. Мало того, что он, потратив дикие деньги, ухитрился приобрести участок в самом престижном микрорайоне – правда, тихом и очень зеленом, – но на его территории еще и красовался старый особняк с двумя колоннами, в котором некогда размещалась целая контора «Землеустройство». Здание было полуразвалившимся и мрачным, как дом с привидениями.

Вышеназванные колонны вдохновили моего мужа на новые подвиги, и в ближайшем будущем пугающе ясно засветилась перспектива жить в резиденции *a la крестный отец* в окружении фальшивой позолоты, громоздкой и вычурной мебели, тяжеловесных штор с кошмарными болванками подхватов со стразами. В еще больший ужас я пришла, когда застала супруга изучающим на странице какого-то сайта безобразные гипсовые вазы и раскрашенные фигуры для приусадебной территории. Надо было спасать ситуацию, судьбу несчастного строения и будущее житье-бытье нашей семьи. И хотя я не архитектор и не дизайнер, зато, будучи искусствоведом, обладаю кое-какими знаниями в этих областях, а, кроме того,

у меня отличное чувство пространства. Поэтому все получалось, а муж вскоре убедился, что простота и изящество, легкость и естественность стоят значительно дороже, чем слепящая глаза роскошь. И успокоился. Тем более, что его любимые колонны остались нетронутыми, а само здание сохранило несколько вычурный, но таинственный и романтический облик. При этом интерьер его был очень прост, удобен, функционален и работал исключительно на комфорт и прекрасное самочувствие его обитателей. Была в этом некая интрига, этакая для окружающих непонятка, которая мне лично очень нравилась.

А настоящей отрадой моей стала прилегающая к дому территория, которую я спасла от раскрашенных гипсовых монстров и экзотической растительности. Я засадила участок самыми любимыми своими деревьями и кустами, проросшими, пробившимися в окрестных лесах, перелесках и оврагах. Так и появилась наша простенькая лужайка с двумя соснами, теперь почти сросшимися медными стволами, изящный франтишка-клен и девчонка-рябинка. Они не требовали особого ухода, им не надо было служить – это они служили нам, каждое ожидая часа своего торжества, своего права выступить на сцену и сыграть главную роль. Так, сменяя друг друга, они поочередно праздновали свой триумф, возможность быть самым прекрасным в каждой новой мизансцене каждого нового времени года. Радовались тому и радовали нас – то червонным золотом резного листа, то лаковым палехским блеском жарких кистей, то желанной зеленью посреди до отчаяния однообразной снежной декорации. А весной в нашем дворе становилось светло от бело-розовых свечей, расцветавших на Андрейкином каштане.

Саженец вырос у меня в цветочном горшке, хотя этому никто не верит. Как-то, гуляя в парке, я подобрала небольшого, темно-шоколадного дитеныша каштана с треснувшим бочком и сунула дома в пустующий горшок на окне. Это было двадцать четвертого сентября. А двадцать пятого родился Андрейка. За заботами я почти позабыла о найденыше, а семечко взяло и проросло. Два года я растила деревце на подоконнике, а потом мы с сыном высадили саженец в грунт. Прошлой осенью ему исполнилось восемнадцать.

Если вы думаете, что два года я занималась только тем, что растила двоих малышей, то заблуждаетесь. За это время я успела закончить университет, но долго выдержать отсутствия в своей жизни *alma mater* не смогла и решительно принялась карабкаться на новую гранитную скалу науки, к новой вершине.

Я всегда любила учиться. Учиться для меня не означало, как для большинства моих одноклассников, позднее – однокурсников, сдать, проскочить, сдуть, скатать, забомбить, отвязаться, свалить. Помнится, когда мне

исполнилось шестнадцать, в нашем немаленьком семейном кругу было устроено грандиозное торжество по поводу двух дней рождения: мой двоюродный брат и я – ровесники с разницей всего в четыре дня. Тогда среди множества пожеланий родственников мне запомнилось только одно, озвученное нашей бабушкой, личностью весьма примечательной. В свои шестьдесят шесть была она живой, легкой на подъем придумщицей и фантазеркой, жадно любопытной до всего нового и молодого, которое она не пассивно и беспомощно созерцала, но внимательно изучала, вникая и усиленно используя.

Одним из наших семейных преданий была история о том, как на заре туманной юности бабуля ухитрилась поступить сразу в два вуза одновременно, на геофак в педагогический и в геолого-разведочный, и даже проучилась в них каким-то образом целый семестр, пока однажды коварно сдублировавшиеся экзамены не раскрыли ее секрета. Последовало категоричное требование распрощаться с одним из учебных заведений, и бабуля предпочла профессию учителя. Поэтому, конечно, неудивительно было услышать от нее следующее:

«Может быть, не сейчас – значительно позже, но вы обязательно поймете, что самое прекрасное занятие на свете – учиться. Учитесь с удовольствием, учитесь радостно, учитесь долго и хорошо.»

Сидевший за столом наискосок от меня кузен с трудом корректировал кислую, как зимняя клюква, гримасу, а у меня от этих слов на спине будто выросли крылышки, маленькие и легкие, которые так приятно трепетали где-то в области моих лопаток. И щекотали. Эта щекотка сопровождает меня всю мою жизнь. Наверное, это наследственное.

Думаю, что все вышесказанное вполне объясняет тот факт, что, когда в нашей семье встал вопрос о том, куда определить для дальнейшей учебы девятилетнего Андрюшку, без пяти минут выпускника лучшей в городе начальной школы с углубленным изучением английского, я задумалась и о своих возможностях.

После долгого и придирчивого изучения закрытых школ Великобритании, наш папа остановил свой выбор на элитном пансионе Бромсгроув, и на две недели летних каникул мы решили отправить сына в летний языковой центр, действующий при этой школе.

Мне Андрейка казался еще совсем маленьким, мучили страхи и сомнения, поэтому, распрощавшись с сыном, я втайне от него поселилась в небольшой гостинице в Бирмингеме, откуда до Бромсгроув можно было доехать на такси за десять минут.

Две недели мой мальчишка гонял в хоккей и крокет на зеленых спортивных площадках, учился благосклонному отношению к овсянке и с

восторгом тархтел только по-английски (даже со мной по телефону). А я ездила то в Лондон, то в Оксфорд, в который влюбилась с первого взгляда, окончательно и безоглядно решив, что буду здесь учиться.

С неописуемым наслаждением, жгучим, подмывающим холодком в груди и трепещущими от нетерпения крылышками за спиной ходила я по его паркам и улицам, почтительно замирая перед строгим фасадом Тринити колледжа, улыбалась забавной каменной фигуре Гротеска, бродила в торжественной тишине библиотек и гулких галереях церквей. Но самым моим любимым местом стал внутренний дворик Магдален колледжа, похожего на мистический воздушный замок. Здесь я забывала обо всем. Это был другой мир, это был *мой мир*.

В течение следующего года Андрейка заканчивал четвертый класс, а я занималась документами, сдавала необходимый языковой минимум и, ни на секунду не сомневаясь, что одержу победу, осуществляла задуманное, после чего мы с сыном отбыли осваивать премудрости и жизнь туманного Альбиона.

Должна сказать, что отъезд прошел ожидаемо спокойно и безболезненно. Вообще же, ситуация, сложившаяся к тому моменту в нашей маленькой семье стала одной из причин моего скороспелого решения уехать из дома, где стены медленно покрывались сероватым инеем, мерзко шлепала губами тоскливая плесень, а сквозняки с присвистом уносили остатки тепла и очарования уюта, созданного нашими руками.

И чем жарче горел огонь в камине, который мой муж так любил разжигать в любое время года, тем холоднее становилось в доме, болезненно знобко было где-то глубоко внутри него, внутри нас, где как будто спряталась тяжелая болезнь и неумолимо разрушала все то, что внешне еще выглядело прочным и красивым.

Так думала я тогда, сейчас отчетливо сознавая, что думать так было просто значительно легче, чем понять и принять простую истину: разрушителями были мы сами. Что мешало это понять? Лень? Бессилие?

К сожалению, применительно к семейным отношениям придумано множество штампов, начиная примитивным «ревнует – значит любит» и кончая всевозможными кризисами (кризис первого года, кризис третьего года), послеродовая депрессия и так далее, и тому подобное. С завидным упорством, вероятнее всего из-за тех же лени и бессилия, мы успешно нивелируем все и, прежде всего, себя, свою неповторимость и неповторимость своих отношений с близким человеком вместо того, чтобы вспомнить, что в супруги мы избрали его именно потому, что рассмотрели в нем что-то особенное, и надо просто быть внимательным к этой его исключительности. Ведь известно, что ничто так не радует человека, как внимание

к его личности, и почему-то особенно признательны мы бываем за внимание к тому, что штампы презрительно называют мелочами. Всего-то чуть-чуть тепла, всего-то. Однако нам легче вывести некую формулу, сочинить правило, при этом же, что поразительней всего, опираясь на свой личный, неповторимый опыт отношений.

– Ты знаешь, почему так много несчастных женщин? – горько рассуждала одна моя знакомая, крайне неудачно сходяв замуж в третий раз. – Каждой из нас хочется иметь рыцаря. Не мужа, не любовника – рыцаря. Но не каждый мужчина хочет быть рыцарем, да и не каждый может. И вот ты пытаешься опереться о его руку, а он внезапно убирает ее, и ты теряешь равновесие. Или просто стряхивает твою руку, как надоедливое насекомое, и ты лети-и-ишь. В свободном падении, в отсутствии парашюта и защитного скафандра, рискуя быть разорванной в клочки. Приземляешься, наконец, украсив синяками, шишками и шрамами свое обветренное и огрубевшее женское начало...

Согласитесь, есть что послушать, есть о чем поразмышлять. Да и собственный застарелый шрам заныл.

Хотя, на самом деле, я никогда не задумывалась, способен мой избранник на рыцарское поклонение Даме или нет. Просто меня обычно как ветром сдувало, если я чувствовала в мужчине хотя бы намек на пренебрежительное отношение к женщине вообще. В Игоре этого, слава Богу, не было, и он с самого начала признавал и принимал мое желание строить партнерские отношения. Подозреваю, что для его мужского *его* это было непросто, пожалуй, даже стало своеобразным вызовом, с которым он справлялся весьма достойно. Мое тогдашнее желание быть сильной, независимой и равной нас не разбросало в разные стороны. Думаю, он мне подыгрывал, и эта игра его даже веселила.

Нам вообще было весело вдвоем. Мы ужинали в маленьких, демократичных ресторанчиках, где платить за себя я позволяла только в том случае, если на кредитной карточке у меня не оставалось ни гроша; сидели в театре в буквальном смысле слова под потолком, где Игорь не выпускал моей руки, так как у меня от высоты кружилась голова, и были завсегдатаями шикарных парфюмерных бутиков, душась нахаляву образцами дорогих брендов.

Игорь корпел над докторской диссертацией, получал копейки за четверть ставки в университете, попутно пытаясь заработать какими-то смешными коммерческими проектами; я – на тот момент студентка-второкурсница – подрабатывала разными видами промоутерства, хотя и получала за отличную успеваемость повышенную стипендию. Как раз в супермаркете в вечерний час пик мы с Игорем и познакомились.

Отчаянно голодный, он не смог устоять перед насаженными на зубочистки кусочками вареной колбасы, которые я услужливо предлагала покупателям попробовать, сдобривая их не слишком аппетитную наружность обаятельной улыбкой. Не утруждая себя расспросами о качестве продукта, молодой мужчина в мешковатом темном костюме с ходу слопал четыре розовых кусочка, а минут через пятнадцать нарисовался снова. На сей раз я отметила невыразительное, усталое и бледное лицо и запрятанную где-то очень-очень глубоко, но все же заметную в светло-серых глазах печаль.

– Понравилось?! – радостно и громко, в расчете на окружающую толпу, воскликнула я и протянула ему еще две зубочистки. – Угощайтесь!

Он взял, но есть колбасу не стал, задумчиво покрутил ее в пальцах и поинтересовался, что я собираюсь делать, когда закончу рекламную кормежку населения.

Искра между нами не пробежала, мгновенного озарения не случилось, взаимное чувство не пронзило – простите, штампы. Было любопытство, интерес и возможность просто и легко общаться. Хотела бы я посмотреть на того, кто решит поспорить с тем, что это важно, возможно, важнее всех искр, вспышек и пламени вместе взятых. Любой пожар рано или поздно затухает, искры гаснут, вспышки тускнеют. И тогда при обычном, естественном дневном свете вдруг становится ясно видно, что увлеченно пускавший в глаза фейерверки партнер желает выступать по жизни исключительно в легком весе, а фееобразная партнерша – на самом деле некая разновидность саранчи, энергичнодвигающей хищными челюстями в непрерывном хавательном режиме. И это ли еще метаморфозы!

К счастью, мы не играли в подобные игры, не прятали друг от друга ни истинных своих лиц, ни прошлого, ни настоящего. Игорь после развода с женой продолжал проживать в семейной общаге университета. У меня была неплохая квартира, оставленная бабушкой, где спустя примерно месяц после знакомства мы стали жить вместе, причем Игорь немедленно потребовал освободить моих родителей от ежемесячной повинности в виде платы за коммунальные услуги.

Единственной материальной ценностью, которой обладал Игорь, была новенькая, купленная в кредит «Ауди», предмет его гордости и моего восхищения. На ней мы гоняли на рыбалку, на озера, пикники с многочисленными друзьями, пересекали полое пространство ночного города, развивая недозволенную скорость. На ней мы впервые решились отправиться в Европу.

Спустя несколько лет, при наличии абсолютной финансовой свободы, мы могли позволить себе все: любую страну, просторные номера в шикарных отелях, изысканные рестораны, дорогой шоппинг, но никогда не

забудутся мне острота ощущений и восторг от того первого путешествия в голубую мечту Швейцарию с багажником, набитым пластиковыми банками с быстрорастворимыми супами и китайской лапшой; маленькая комнатушка самого скромного в предгорной деревеньке шале с конюшней во дворе и коровой, которая по утрам любила тереться мягким боком о стену, куда выходило наше окно. И свежие яйца, которыми потчевала нас по утрам хозяйка, поглощаемые нами как самый фантастический деликатес.

Мы сэкономили на всем, и все же еле наскребли нужную сумму, чтобы оплатить подъем на Юнгфрау по знаменитой горной железной дороге. 200 франков – ого! Это была для нас огромная сумма.

В ожидании поезда в шумной толпе туристов на перроне в Гриндельвальде мы по очереди обкусывали одну порцию мороженого, жадно фотографировались на каждой смотровой площадке промежуточных станций и абсолютно неправильно одетые и обутые отчаянно мерзли в длинных, сырых тоннелях и ледяных галереях. Рестораны и бары, пестрое разнообразие колокольчиков, флажков, бокалов и шарфиков было нам не по карману. Нашими сувенирами были обгоревшие на солнце носы, ощущение крупных хрустальных зерен таяющего снега в ладонях, непроходящие благоговение и восторг причастности.

А еще моя память хранит Люцерн, самый романтический на свете город, очарованный город, город-сказку, город-свидание, город-откровение, его сводники-мосты с их крытым интимом полумрака и запущенным в толпу вирусом любви. И веселые и хмельные мы слету подхватили эту волшебную инфекцию, которая подарила нам новую, хрупкую жизнь.

Главные линии нашей жизни очень непостоянны: то идут параллельно, ровные и правильные, то закручиваются вензелями, создавая хитрый и запутанный рисунок, то расходятся, разбегаются и вдруг пересекаются в некой точке, откуда стартует новый отрезок или виток. Следуя этим линиям, мы резво бежим по рельсам, плутаем в лабиринтах, удаляемся, сближаемся, расходимся и снова встречаемся.

Шел шестой год моего замужества, а я не могла с полной уверенностью сказать, что у меня есть семья. Ладилось ремесло. Мы с мужем оба с головой уходили в любимое дело, каждый в свое детище, поднятое собственными идеями и усилиями. Оба были полны амбиций, оба, оставив в прошлом безденежье, увлеченно зарабатывали деньги, не замечая, как затягивает, не замечая, что обоим нам интереснее и лучше вне дома. Характер и темперамент по-прежнему не позволяли мне отставать от мужа, и вскоре у меня уже была своя фирма, которая занималась дизайном и общим присмотром лестничных клеток в элитных домах. Проект оказался

прибыльным, клиентура расширялась, и гораздо скорее, чем я предполагала, я превратилась в успешную, независимую бизнес-леди (будь она сто раз проклята эта независимость, молчаливо одобряемая моим мужем).

При очевидной однонаправленности целей (расхожее «муж и жена смотрят в одном направлении»), которой следовало обеспечивать семейное счастье, линии этого самого счастья кочевряжились, корячились и расходились иксом, не желая соприкоснуться. Но признавать этого мы не хотели.

В мире, созданном совершенным, нет ничего фальшивого, кроме нас самих, производящих в огромных дозах фальшь, которая коверкает нашу жизнь и превращает ее в кривое зеркало, поскольку в большинстве случаев мы лжем сами себе. Так фальшивили и мы, говоря, что обеспечиваем достойный уровень жизни семьи. Но за вечной занятостью и усталостью прятались отсутствие душевного тепла и одиноко переживающий это отсутствие ребенок. Наш открытый, живой мальчишка почти перестал улыбаться – нас радовала серьезность. Время, свободное от школы и тренировок, он проводил в своей комнате, избавляя нас, эмоционально иссякших, от вопросов и разговоров, не требуя шумных игр. Он рано научился читать, и мы не жалели денег на книги, которые он глотал запоем, создавая свой мир на основе придуманного кем-то.

Периодически у меня случались сильнейшие приступы угрызений совести. Я злилась на себя, изливала досаду на мужа, почему-то всегда больше на него, возможно оттого, что он был отцом мальчишки, который нуждался в большем мужском внимании, нежели брошенное мимоходом «Привет, малыш!», хотя пора уже было заметить, что Андрей уже давно вырос из малышового возраста. В конце концов, будучи вполне уверенными (или уверив себя) в том, что поступаем правильно, мы решили доверить дело профессионалам, тем более, что это укладывалось в придуманную нами схему жизни.

Первые полтора месяца, проведенные в Англии, меня измучили, чего я, если честно, не ожидала. Я отчаянно скучала и чувствовала себя, как человек, которого вдруг лишили того, что он считал неотделимо-привычным, осязаемым, обоняемым и зримым в любой момент. Я скучала, понимая, что не смогу ни сегодня, ни завтра толкнуть дверь в комнату сына и увидеть его стриженую пепельную макушку, золотящуюся под светом настольной лампы, не накину плед на ноги отключившегося от телевизора мужа и через час не обнаружу свою голову, упавшей на те же мягко укрытые ноги. А еще мне страшно хотелось оказаться на своей кухне и приготовить моим мужчинам что-нибудь примитивно ими любимое, вроде тушеной картошки с невероятным количеством лаврушки или утонув-

ший в подливке беф-строганов, хотя такую некреативную готовку я всегда терпеть не могла.

Разумеется, мы постоянно созванивались, но, в конце концов, я не выдержала, не смогла удержаться от соблазна и за два месяца два раза ездила в Бромсгроув, якобы для того, чтобы справиться об успехах сына. Со мной очень любезно общались, и Андрюшка был отпущен в «увольнение», и мы поболтали по городку, и съели в ресторане обед, на восемьдесят процентов состоявший из десерта. Однако во второй мой приезд мне в такой же любезной форме дали понять, что родители периодически получают информацию об успеваемости, поведении и даже состоянии здоровья ребенка, поэтому не стоит беспокоить себя столь частыми визитами. С этим трудно было не согласиться. Я сама далека была от мысли сделать Андрея в глазах окружающих маменькиным сынком, и, конечно, мне хотелось видеть его самостоятельным и сильным, иначе – зачем вообще было посылать его учиться так далеко от дома. И тогда у меня как будто переключился рычажок, адаптация закончилась, и я окунулась в свободу.

Если вам когда-либо доводилось побывать в Оксфорде, вы не могли не проникнуться удивительной атмосферой легкости и свободы этого академического и внешне строгого городка.

Из-за недостатка жилых помещений в здании *Exeter* колледжа его магистрантам предлагалось жилье в городе. Я согласилась и не пожалела об этом. Наоборот: каждое утро, выходя из дома на углу *Alfred* и *High* улиц, я с наслаждением предвкушала свой путь по улице *Cornmarket*, и направо, вдоль бывшей крепостной стены на улицу *Turl*, вливаясь здесь в веселое шествие, беспричинно спеша, радостно ускоряя шаг, ответно улыбаясь незнакомым лицам, жадно ловя обрывки летучего сленга и все более понятные словечки. И с каждым днем я освобождалась все больше: от мрачных мыслей о наших с мужем отношениях, от вечной тревоги за сына, выходящего за порог дома в опасный водоворот городских улиц, от расчетов и подсчетов, от тяжелого, как пудовая гиря на языке, *safe English*, от обязывающих возраста и статуса. Тогда мне даже думалось, что это самое счастливое время в моей жизни.

Поскольку я рано вышла замуж и родила ребенка, мимо меня пролетел период беззаботного порхания по юности. И любимые занятия всегда ограничивались заботами, и любимая учеба сопровождалась бессонными ночами, часто дикой усталостью и подчас малодушными мыслями о том, чтобы все бросить. Я не жаловалась, это был мой выбор, но теперь мне казалось, что я честно заслужила время, посвященное только себе. И я наслаждалась им, наслаждалась свободой и легкостью. *Leave me alone!*

Знаю, о чем вы сейчас подумали, но нет, я не пускалась во все тяжкие, хотя недостатка в мужском внимании не испытывала никогда, и шумные

ланчи в огромном холле *Exeter* колледжа щедро сдабривались заинтересованными взглядами, улыбками, застольными сервис-ухаживаниями и откровенными предложениями завязать более тесное знакомство. Особенно мне запомнился исключительно настойчивый уроженец Уэльса по имени Джей, не выпускавший из рук ноутбук, и из поля зрения меня. Сей надоедливый сэр был обладателем устрашающе блестящего голого черепа и таких же блестящих черных лаковых штиблет, что позволяло мне быстро считать его появление на горизонте и по возможности избегать общения.

Все это меня забавляло, не более. И хотя на тот момент я считала себя обделенной той любовью, о которой «так много песен сложено», и сердилась на мужа, обвиняя его в холодности и отстраненности, я не собиралась портить ему жизнь. А, кроме того, я вообще думаю, что обречена на верность.

В жизни ни для кого из нас нет выведенных формул, нет протоптанных дорог, но есть некий алгоритм, есть компас, которые помогают нам идти, не заблудиться и дойти, и которые определяют нашу принадлежность роду и во многом наше поведение. В нашем роду, что по женской, что по мужской линии, совсем не было множественных браков, и даже в случаях рано ушедших из жизни мужей женщины не предпринимали попыток повторного замужества. Хорошо это или плохо – судить не мне, да и гены делают свое дело вне зависимости от того, нравится оно нам или нет.

Предвижу ваш следующий вопрос. Отвечаю честно: «Не знаю». Ни тогда, ни позже я не пыталась дознаться «было или не было». Более того, я так устала от гнетущей напряженности отношений, что (хотя в это трудно поверить) мне даже хотелось, чтобы нашелся кто-то, кто разрулил бы ситуацию без моего участия. Я была готова уступить. Так ищут хозяина домашнему питомцу: «отдам в хорошие руки».

Как бы то ни было, но прожили мы тот год как в разводе, и расстояния здесь ни при чем: в наше мобильное время видеться можно столько, сколько хочется. А если нет?

– Дела?

– Дела.

– Не получится?

– Нет, опять не получится.

Внешне все, как всегда, было вполне оправдано занятостью.

Однако Новый Год мы встретили втроем, но не дома, а в Копенгагене. Это была наша давняя, до сих пор по разным причинам неосуществленная мечта – окунуться в Рождественское тепло этого милого северного города, нарядного, как сияющая елка, доброго, как старая сказка, шумного и уютного, простого и изящного одновременно.

И было все в этой белой сказке: и веселая толпа, и тоненький смех бесконечного множества колокольчиков, и блеск, и мишура, пряный, горя-

чий глинтвейн, и соскучившиеся тела мужчины и женщины... И ничто, и никого всем этим было не обмануть, и менее всего обманывался наш сын, который внешне ничем не отличался от окружающей счастливой детворы: ни круглыми от восторга глазами, ни радостным возбуждением. Только я-то чувствовала его постоянное внутреннее напряжение, и мне хотелось освободить его от него, и чтобы праздник скорее закончился.

Накануне отъезда, гуляя по городу в Орхусе, мы зашли в магазин елочных украшений от кутюр, и застряли там надолго, очарованные фантастической красотой изделий ручной работы. Я пыталась что-нибудь выбрать, но сделать это было непросто, глаза разбегались, и тут я услышала, как у меня под боком что-то бормочет Андрюшка.

– Два конца, два кольца, посередине – ангел, – мальчишка раскачивал подвешенную на серебряном шнуре игрушку, задумчиво приговаривая нечто странное. Вообще-то Андрейка с раннего детства был придумщиком, демонстрируя способности к абстрактному мышлению, и я вслушалась, а потом всмотрелась в то, что его заинтересовало.

Конструкция, на первый взгляд, действительно чем-то напоминала ножницы с фигуркой ангелочка в центре. За спиной ангела золотились остренькие крылышки, а внизу тончайшая проволока заворачивалась ажурными кольцами.

Седоватый, импозантный датчанин упаковывал купленные игрушки подчеркнуто медленно и заботливо, видимо, чтобы у покупателей не оставалось никаких сомнений в эксклюзивной ценности покупки. Хотя в том, что ваша игрушка существует в единственном экземпляре, усомниться было трудно, цены были весьма красноречивы. Поэтому в нарядный льняной мешочек была положена только одна игрушка – выбранная сыном.

Остаток каникул Андрейка провел у меня в Оксфорде. Я усиленно занималась наукой, а он, по своему обыкновению, запоем читал, валяясь на диване. На тот момент он болел Конан Дойлем (нечто вроде книгоглотательной лихорадки) и с трудом выдирался из окружения пляшущих человечков, пестрых лент и болотных чудовищ, когда я почти насильно выгоняя его погулять по городу, который за пару дней он изучил и исходил вдоль и поперек.

Купленную в Дании игрушку Андрей повесил в комнате на окне. Однажды я возвращалась с лекций в сумерках и, подойдя к дому, заметила в освещенном оконном проеме фигуру сына. Оперевшись локтем о низкий подоконник, голова на руке, Андрейка сидел на полу и разговаривал со своим ангелом. Губы шевелились. Если это была молитва, хотела бы я знать, о чем он просил. Хотя, может быть, мне все это только показалось.

Как бы то ни было, игрушку он увез с собой в школу, и если его молитвы чему-то и помогли, то только тому, что весенний перерыв в учебе он

провел дома. Я готовилась к защите дипломной работы и приехать не смогла, но была уверена, что мужчины справятся и без меня. То, что папа пропадал на работе, катастрофой не стало: Андрюшке уже не нужно было особое внимание, а кроме того, он с удовольствием кочевал по бабушкам, которые всю старались накормить, ублажить и обласкать изгнанного «на чужую сторону» внука.

А мое время летело. Летело быстрее, чем мне хотелось. Больше всего я боялась, что по окончании учебы не захочу возвращаться домой, и подсознательно старалась убедить себя в том, что не очень-то там и нужна.

С момента нашей последней встречи с Игорем ничего не изменилось. Оба мы не склонны были выяснять отношения, то есть просто преступление совершали с точки зрения семейной психологии, но натура – это то, что не поддается дрессировке. В конце концов, я, уже почти в панике раздумывая о том, куда же мне деваться, всерьез решила податься в волонтеры и даже стала подыскивать в Интернете подходящий проект.

А к середине апреля забомбили дела, ситуация на фирме потребовала моего срочного присутствия, и я, купив билет на самолет, позвонила мужу. Игорь на известие о моем приезде не отреагировал никак, голос был безразличным, и мне показалось, будто бы ему хотелось побыстрее закончить разговор. Не спросив, сможет ли он забрать меня из аэропорта, я отключилась. Ну что ж, судя по всему, мы наконец расставим все точки над *i*.

Несмелая, нерешительная и болезненная, измученная разбойными набегами зимы встретила меня в аэропорту до боли знакомая наша весна, родная сестра цветущей хохотушки, будоражащей сейчас Старый Свет. И все же в плотной и теплой сырости непрозрачного воздуха, в так долгожданной светлоте вечернего времени ощущалась трудная ее победа, уже совсем близкое торжество живой жизни.

Двор был чисто прибран, только под дровяницей серел грязный горб нарастающего снега. Я отперла замок, в доме было тихо, пусто и так холодно, что я, едва сбросив пальто, кинулась в кухню, чтобы включить чайник.

Зеркало в ванной отразило замороженный рыбий взгляд и посеревшее от холода лицо.

Громко щелкнул вскипевший чайник, я нервно вздрогнула, тут же разозлилась на себя за это, стиснув зубы, скинула одежду и, грохнув дверцами душевой кабины, наподдавала там такого пару, что заколотилось сердце. Завернувшись в халат, а сверху накинув огромную теплую шаль, с кружкой кипятка в руках я двинулась в каминную. Включив свет, первым делом бросила взгляд на дровяную корзину – полна, слава Богу. Решив прежде заняться растопкой, я повернулась, чтобы поставить на столик кружку и замерла. На диване у стены, с головой укрытый пледом, спиной

ко мне лежал... муж, наверное, кто же еще, хотя на всякий случай версия требовала уточнения. Я склонилась к его лицу и сразу почувствовала неладное.

Голова – как огонь.

– Игорь! – я вцепилась в его запястье – сердцебиение сумасшедшее, тронула за плечо – он даже не пошевелился, не открыл глаз. Под пледом полный комплект верхней одежды, на столике у дивана – пусто, ни флаконов, ни таблеток, даже чашки с питьем нет. Ну, понятно – вирус. Тот, что моментально валит человека коварным выстрелом из-за угла, вцепляется крошечным весенним клещом в ослабленный организм именно тогда, когда кажется, что все зимние гадости уже позади.

Так, первым делом – разбудить и раздеть, уложить по-человечески. Я вскочила, поспешила в спальню за постельным бельем.

– Тань-ка...

Я обернулась. С дивана из-под пледа на меня смотрели глаза, больные и беспомощные, растерянные и слезящиеся, смаргивающие копящуюся влагу, каплями сбегавшую к уголкам, на висок. Глаза, которые раскрылись на мой голос, на мое движение и тепло. Родные.

Жалость жгущей разрывной пулей прошла меня всю насквозь.

– Тань-ка... – просипело еще раз, с едва слышимой ноткой радости, и из-под пледа высунулась рука, которой нужно было сейчас только одно – моя рука, а потом уже все остальное.

Мужа я, конечно же, любила, как человека, к которому испытывала искреннюю симпатию, радовалась его присутствию, порой восхищалась его способностями, бывала требовательной, порой придирчивой, критичной, порой просто теряла от него голову как от мужика, без сомнения уважала, но НИКОГДА НЕ ЖАЛЕЛА. И теперь жалость и сочувствие к нему буквально вывернули меня наизнанку; ничего более острого, потрясающего душу и очищающего ее я не испытывала. Все смылось ею: обиды, претензии, метания, сомнения, – одна мысль билась во мне: как плохо, что меня здесь не было, как хорошо, что я здесь, рядом...

С того дня прошло девять лет. В наш дом с колоннами вернулись тепло и уют. И любовь, ставшая мудрее. А меня навсегда покинуло раздражающее беспокойство и неудовлетворенность амбиций. Я просто жила и радовалась.

Андрей продолжал обучение в Англии, возобновил тренировки. Ежегодно мы получали от администрации школы благодарственные письма, и точно знали, что это не вранье, не лесть: Андрюшка действительно учился серьезно и с удовольствием (слава всемогущим генам!). Все было просто замечательно.

Нам с мужем хотелось еще ребенка, даже, может, не одного, но случилось так, что Игорь, который просто одержим был страстью к путешес-

виям, собрал компанию таких же фанатиков и отправился на месяц в африканские джунгли. Помню, мы долго спорили по этому поводу, но, в конце концов, я дала добро, хорошо понимая, как важно это для него, мужчины в вечном состоянии самоутверждения.

А по возвращении, несмотря на всю, сделанную перед отъездом, вакцинацию, его свалила какая-то жуткая лихорадка. Лечение было долгим и неприятным, а потом мы столкнулись с неожиданной проблемой. Трудно сказать, было ли это следствием перенесенной им болезни, но с зачатием у нас отчего-то ничего не получалось. И вот, когда казалось, что надеяться уже не на что (время в этом смысле неумолимей неумолимого), наверное, не без помощи Неба, вдруг крошечным ангелом у нас появился Кириушка.

Мы были невероятно счастливы, но, видимо, по каким-то высшим законам справедливости, должны были заплатить за это счастье несколькими месяцами тяжелых переживаний. Неудачно сделанная в роддоме прививка через некоторое время вызвала complication. Пятимесячного ребенка ждала операция под общим наркозом.

Я никогда не забуду, как сцепившись, будто сиамские близнецы, мы сидели в коридоре перед операционной, готовые отдать все ради крошки за дверью. Как изо всех сил я старалась держаться, позволив плакать мужу и не позволив себе. Еще помню мелькнувшую в голове мысль: если правда, что беда сближает людей, пусть мы завтра разбежимся, раздеремся, пусть все летит в тартарары, только бы был здоров маленький.

Но, слава Богу, все обошлось, а я перестала узнавать мужа. Сын был для него центром Вселенной, в ежедневном и важном – первым номером. Для него, кажется, не было большего удовольствия, чем поговорить о ребенке, и большего наслаждения, чем потаскать его на руках. Конечно, он всегда заботился об Андрейке, но это была отстраненная забота, почти бесконтактная. – Неужели, – думала я, – надо родить ребенка в сорок семь лет и пережить что-то страшное, чтобы понять, что дети – это живая частица тебя, что нет никого ближе и роднее.

Размышлять на эту тему было больно, тем более, что я хорошо понимала, что, как бы ни было мне обидно за старшего сына, я не в состоянии восстановить справедливость, да и не в праве, да и нет никакой справедливости в этом вопросе. Просто у каждого человека есть своя история рождения: история зачатия, ожидания, прихода в этот мир, того, кто и как встречает его на выписке из родильного дома, как переступает он порог дома, где будет жить и расти. От этой истории зависит многое, да что многое – все.

Андрей всегда был нашей гордостью, мы искренне радовались его успехам в учебе, в спорте, его взрослости, ранней мужественности. Но, несмотря на то, что мы виделись довольно часто, он давно жил своей отдельной,

самостоятельной жизнью. И даже если бы мы захотели, мы не смогли бы уже ничего изменить... Да и надо ли было? Родители должны быть последовательны, ведь начало такому воспитанию дали мы сами.

Окончив Бромсгроув, Андрей без труда поступил в Оксфордский университет, учился в Пэмброук колледже на отделении биохимии. Его выбор не стал для нас неожиданностью, так как в последних классах он сильно увлекся этой наукой и в последний приезд домой буквально не вылезал из Интернета, выискивая новые статьи об исследованиях и открытиях в области нанотехнологий по выращиванию тканей мозга.

Став студентом, Андрей еще сильнее отдалился, и так сложилось, что мы не виделись почти два года. Занятия, работа в лабораториях, подготовка к ответственным соревнованиям, потом регата, потом сессия – что ж, такой режим занятого делом человека был мне понятен. Потом у нас были проблемы с Кирюшкой, потом на все лето Андрей с друзьями отправился в Австралию. И вот теперь, после долгого отсутствия сын, наконец, дома, совсем взрослый мужчина, по-английски сдержанный и пугающе отстраненный. Абсолютно не в контакте.

Пытаюсь найти причину. Отвык? Непривычно и странно, что у него теперь есть братишка? Разница почти восемнадцать лет... Кирюшка к нему липнет, большой брат ему интересен. Он таскает ему игрушки и даже доверяет любимого мишку с мягким пузом и блестящими карими глазами, ждет ответной реакции на предложение дружбы. Ее нет.

Ревность? Он не может не замечать любви отца к братишке, и я пытаюсь по его лицу прочесть, что он чувствует, наблюдая, как вернувшийся с работы Игорь прямо в прихожей подкидывает и ловит визжащего от восторга Кирюшку, как прижимает его к себе, как возятся они, борясь на полу. Прочесть никогда не успеваю, сын отворачивается. Он странно неразговорчив. Еле вытягиваю из него какие-то незначительные подробности его жизни и учебы, пытаюсь шутить. Через силу улыбается, на лице постоянная тень непонятной озабоченности, как будто его что-то гнетет.

Я все время что-то пытаюсь делать: наладить, починить, помочь. Безрезультатно. Теряюсь, прихожу в отчаяние, потихоньку плачу по ночам, и так же, как девять лет назад, чувствую, что в моей семье опять что-то неладно.

Сегодня пятница.

– Господа и дама, – возглашает Игорь за ужином, – собирайтесь, завтра едем на взморье. Солнце, воздух и вода! Эх, и понежиться на песочке! Я отгул взял на два дня.

Я смотрю на Андрея. Никаких эмоций, глаза в тарелке. Ищу восклицания пободрее, чтоб выразить радость, но тут сын вдруг подает голос:

– Папа, извини, но я не смогу поехать с вами, – и отвечая на мой немой вопрос, извиняющимся тоном. – Я же ничего не знал о ваших планах. Я просто улетаю в воскресенье, уже билет заказан.

Просто! Проще не бывает! Нет, больше я так не могу!..

– Игорь, – прошу я мужа, – возьми Кирюшку, поиграйте. Нам с Андреем надо поговорить.

Кирюшка с блаженным выражением на мордашке по-обезьяньи повисает на отце, хитренько смотрит на нас. Удаляются.

– Почему так скоро, Андрюша? – мягко начинаю я. – Целое лето впереди, и мы так давно не виделись.

– Мне нужно, – сдвинув брови, он смотрит прямо перед собой.

– Дела?

– Нет, но я должен вернуться.

Он наконец поднимает на меня глаза, слегка потемневшие от напряжения. Я знаю, он не умеет влиять и выворачиваться, что-то скрывать. Да и что ему скрывать-то?

– Я не смогу остаться дольше, извини, мама...

– Почему?

– Я обещал. Меня ждут.

– Кто? Друзья?

– Жена.

– Кто?! – я была уверена, что ослышалась.

– Моя жена. Я женился, мама.

После этих слов ясно вижу, как он расслабился, как его отпустило. Он наконец улыбнулся, впервые за две недели светло и спокойно.

Все еще не веря, я бросаю взгляд на его руки. На безымянном пальце правой – тоненькое, красноватое колечко. Ну конечно, я его заметила раньше, но я думала, это игрушка, из тех смешных колечек, фенечек, тесемочек, браслетов дружбы, в которые играют и верят мальчишки. Мальчишка!

– Женился? Когда же ты успел?

– Полгода назад.

– Да кто же она? Откуда?

– Ее родители – индийцы. Она танцовщица... индийский танец... Живет в Лондоне.

О, Господи! За что мне это? Танцовщица! Ну конечно. Мне ли, изучавшей в Оксфорде культуру Южной Азии, не знать эту завораживающую магию чарующих движений, колдовскую красоту, опутавшую, одурманившую моего сына, задурившую ему голову.

– И ты женился на первой попавшейся девице, которая красиво танцует?

И опять улыбка тронула его губы, улыбка, адресованная вовсе не мне, а той, далекой, мыслям о ней, ни на минуту не покидавшим его все это время.

– Да нет, танец я увидел потом, гораздо позже... Мы познакомились на улице в разгар тех диких погромов в Лондоне. Она просто оказалась там, случайно, получила камнем по голове, упала, вывихнула кисть. Я помог ей, довез до больницы. Потом решил навестить. Она удивительная девушка, и я ее очень люблю.

Он снова улыбнулся, но буквально через мгновение снова став серьезным, в упор глядел на меня. А я – на него, все еще пытаюсь найти в его взгляде подтверждение тому, что все это придумка, бред, фантазия, легкомыслие. Мальчишка! Но нет, на меня прямо и строго смотрели стальные глаза не мальчишки – мужчины. Мужчины, который никогда не выпустит руки доверившейся ему женщины.

– Ну, хорошо. Танцы, любовь, неземная красота... Но зачем ты на ней женился?!

Я сорвалась на крик. Но какая-то часть моего сознания, видимо, еще оказалась способной просигнализировать, что то, что переполняет меня сейчас, то, что вызвало этот гадкий крик, грязно и мерзко. Я почувствовала такое отвращение к себе, что меня затошнило, а через секунду мучительная тошнота изрыгнулась рыданиями.

– Мама, послушай. Послушай меня, ма-ма! – Андрей резко отодвинул стул и встал передо мной. – Я хочу семью. И у меня обязательно будет семья, в которой никто не почувствует себя одиноким, и мы всегда будем вместе. И мы будем вместе растить детей и ценить каждую секунду, проведенную с ними, каждый шаг, каждый жест, каждое слово. И домашнее тепло. А все остальное, мама, в нашей жизни – только жалкий придаток.

Он замолчал, а для меня остановилось все, исчезло все вокруг, и были только глаза моего Андрейки, моего мальчишки... В них не было осуждения – только глубокая, захлестнувшая и утопившая меня грусть. Грусть о времени, которого нам никогда не вернуть.

– Мама, посмотри же... Мама...

Я очнулась. Сын протягивал мне какое-то фото. Даже сквозь пелену слез я смогла рассмотреть фантастический, как на полотнах Рериха, пейзаж. Будто под прозрачной крышей розовато-сиреневых перистых облаков, прямо на траве сидели трое. Слева – Андрей, справа – большеглазая, волшебной красоты девушка в алом сари. Пелена все еще застилала мне глаза. Я торопливо растерла их обеими ладонями и всмотрелась в снимок.

Между Андреем и девушкой одетый во все белое сидел малыш, поразительно похожий на Кирюшку, но с круглыми, блестящими глазами, точно такими, как у любимого мишки моего сына.

Валерий Бочков

США

Родился в Латвии. С 2000 г. живёт в Вашингтоне, США. Выпускник художественно-графического факультета Московского полиграфического ин-та. Основатель и креативный директор творческой студии «The Val Bochkov Studio». Профессиональный художник. Член союза журналистов Москвы, горкома художников-графиков. Автор нескольких книг прозы, выпущенных в России, Германии и др. странах. Публиковался в журналах «Знамя», «Волга», «Новая Юность», «Настоящее время», в сетевых изданиях.

НИКОТИН

Мачека взяли в пятницу. Я промаялся до вторника, в среду утром позвонил Курту, хотя прекрасно знал, что делать этого нельзя. Договорились на девять вечера у западного входа в Центральный парк, на 72-ой, там где «Дакота».

Предстояло убить целый день, я решил сделать это снаружи. В лифте столкнулся с мисс Гейл, старая стерва кивнула мне, не разжимая губ, в её рыбьих глазах стояла обычная настороженная муть, но чутьё мне подсказало – мырра знает, что меня вычистили.

Ноябрь, плотная серая морось, входная дверь, взыв пружинной, с грохотом закрылась, оставив мисс Гейл ковыряться в своём почтовом ящике. Я поднял воротник, зонт я не забыл, зонта у меня отродясь не было. Сунув кулаки в карманы, свернул на Амстердам Авеню, бодро отшагав два квартала, понял, что так я за пару часов отмахаю через весь Манхеттен. Сбавил темп, запутался с ногами – оказалось, что медленно ходить я не умею. На углу промокший негр, сияя баклажановым лицом, торговал зонтиками, я выбрал английского фасона, длинную трость с кривой ручкой из фальшивой слоновой кости. Зонт, если его не раскрывать, оказался вполне занятной вещицей. Я шагал, звонко цокая стальным наконечником в асфальт, подставив лицо колючей мерзости и не думая совершенно ни о чём. Желтые фонари то ли ещё не погасили, то ли их уже зажгли.

Прохожих было мало, ядовито-желтое такси, с мятым бампером, притормозило и без особой надежды проводило меня до угла. Я маршальским

жестом отсалютовал таксисту зонтом, он уныло библикнул в ответ. Страшно хотелось кофе, но обжорки открывались теперь не раньше полудня: после перевода столицы в Даллас, в Техас переехала и Биржа (по привычке продолжавшая именоваться Нью-Йоркской), за ней поспешили банки, ну а после этого весь бизнес потянулся на юг.

Амстердам Авеню незаметно перешла в Десятую, за кованой оградой Челси-парка торчали голые сучья, мокрые и чёрные, похожие на гнутые резиновые трубы. На лавке спал бродяга, упакованный в чёрную клеёнку – я машинально потянулся за телефоном, но вдруг вспомнил, что меня это уже не касается. Собор святого Кристофора, где меня крестили сорок семь лет назад, снова трансформировался в Божий храм – на моей памяти в этом здании последовательно размещались католическая библиотека, потом какая-то inferнальная галерея, увешанная красными фонарями, неизбежная дискотека в восьмидесятые, потом ночной клуб. Теперь снова церковь. О возобновлении службы, причастиях и отпеваниях оповещал раскисший самодельный плакат на стене.

В просвете между домами тускло сверкнул свинцовой водой Гудзон, я повернул на запад и направился к реке. С набережной открывался вид на Уолл-стрит и заново отстроенный Бизнес-Центр. Сияющие утёсы опустевших небоскрёбов втыкались в мохнатую изнанку серых туч, поражая своей циклопической ненужностью. Вспомнилось помпезное открытие Центра – я руководил оцеплением у Либерти Плазы, – слепящая медь военного оркестра, красные ковры на ступенях, из-за приезда Президента все словно походили с ума. Я тогда видел её совсем рядом, она прошла мимо, бойкая, с прямой спиной, я мог запросто дотянуться до неё. О'Рэйли стоял у трибуны, ему повезло больше, Мишель пожала ему руку и похлопала по плечу, вечером он врал по пьяни, что она нечаянно даже ткнула его бюстом. Брехня, конечно, но, если честно, там было чем ткнуть.

У пирса внезапно потянуло подгоревшим кофе, под жёлтым навесом скучал араб со своей тележкой. Из хромированного титана он набуровил мне большой картонный стакан чёрной бурды, спросил про сахар, я отрицательно мотнул головой. Жидкость напоминала кофе лишь запахом и температурой. Я оставил арабу сдачу, сунул зонт подмышку, ледяная струя с навеса угодила мне прямоиком за шиворот. Это, наверное, мне вместо спасибо.

По набережной гнал ветер, он упрямо толкал меня в спину, где-то бряцала по железу цепь, унылый звук проводил меня до теннисных кортов. Сетки были оборваны, перед входом мокла гора мусора. По мусору бродил некто в рыжем спасательном плаще с островерхим капюшоном, он тыкал

палкой в вонючие кучи, что-то подбирал, внимательно разглядывал. Иногда опускал находку в грязную наволочку, притороченную к поясу вроде сумки, чаще небрежно бросал через плечо.

Первый раз я пришёл на эти корты в пятнадцать лет, тогда я только начал бриться, только начал привыкать к своим неожиданно раздавшимся плечам. Я приводил сюда Лорейн – я только начал встречаться с ней, калифорнийской девчонкой с золотистыми конопушками. Она смеялась всем моим шутками, её губы пахли сладкой лесной земляникой, и я всегда выбирал себе в соперники Большого Эда, он был на голову выше меня, да и играл получше, но именно это заставляло Лорейн хлопать ещё громче, когда мне удавалось влепить удачный мяч.

– Партнёра ищем? – капюшон повернулся и кивнул в сторону кортов. На конец палки он подцепил спортивный ботинок. Из капюшона торчала пегая борода в блёстках дождя.

Я остановился, в мусоре валялись сплюснутые жестянки из-под колы, пёстрый пластик смятых упаковок, спутанные наушники, тряпьё, старые журналы, концом зонта я поддел драную майку. Ветер тут же сорвал её и кувыркком погнался по мокрой набережной.

– Всё правильно! – капюшон крикнул в сторону небоскрёбов. – Всё правильно... Жадность... Жадность и глупость. Но природа пустоты не терпит. Не-ет! Природа обожает размножаться, плодиться, расти. Туда придут мыши и крысы, птицы, сорная трава, маленькие шустрые жуки. Как только вся эта банкирская сволочь съехала, в тот же миг туда уже вселялись новые обитатели. Всё правильно! – Он погрозили небоскрёбам палкой.

Я пнул ногой мокрый «Эсквайр», журнал раскрылся на рекламе «Абсолюта». Я присел на корточки, расклеил сырые страницы, стал листать. Пальцы дрожали и липли к мокрой бумаге.

– Дореформенный, – капюшон присел рядом. – Странно, что не сожгли. За такой запросто в Канзас можно загреметь.

Бумага промокла насквозь, текст было не разобрать, фото стали пятнистыми, девица в бикини из-за потёков казалась больна какой-то страшной кожной болезнью. Капюшон крикнул и довольно засопел. Я перевернул страницу, на задней обложке была реклама «Кемела».

Я дошёл до Баттери Парк, дальше идти не стоило даже днём. Сгоревшее два года назад здание яхт-клуба, пустая веранда, из грязной воды торчала мачта с болтающимися на ветру снастями. В маслянистых волнах среди мелкого мусора качалось плетёное дачное кресло. На горизонте, в дождливом мареве я разглядел Статую Свободы. Воняло каким-то гнильём, я огляделся, сплюнул, во рту было сухо и горько. Нужно было что-то съесть, иначе, до вечера мне не дотянуть.

Начался Чайна-Таун, Канал-Стрит прямая, как труба продувалась насквозь, китайские лавки так и стояли заколоченные, ни уличных торговцев, ни прохожих. На серой стене здания почты краснела корявая надпись аэрозолью «Крысы – вон!» и Реформаторский крест. Я свернул в сторону Сохо.

Бар по-прежнему назывался «Глория», только само слово «бар» на вывеске было замазано белой краской. Я толкнул дверь, шагнул в сумрак, кроме хозяина никого не было. Он полулежал на стойке и пялился в телевизор. За его спиной, там, где раньше выставлялись бутылки, висел флаг Конфедерации и плакат братства «Чистый Город».

– Пожевать что есть? – спросил я, гремя табуретом и влезая за стойку. Вытер ладони о штаны – все вокруг казалось влажным на ощупь, будто в холодном поту.

– Сэндвич. Сыр, ветчина... – не отрываясь от экрана, буркнул хозяин. Там крутили вчерашний «Колокол Свободы». Мак-Ларен, блестя жирным лбом беседовал с каким-то бледным аналитиком. Хозяин нехотя сполз со стойки и пошаркал на кухню. Мак-Ларен напористо спрашивал, аналитик открывал рот, Мак-Ларен тут же перебивал его и сам отвечал на вопрос.

– ...вернулись к истокам... – попытался встрять аналитик, безуспешно.

– ...к истокам истинной демократии, завещанной нам отцами-основателями и закреплённой в нашей Конституции...

На кухне что-то с весёлым звоном грохнулось на пол, хозяин выматерился.

– ...Основанном на... – аналитик без особой надежды начал.

– ...Христианских ценностях, христианской морали. Патриотизм, нравственность и демократия – вот три столпа Реформации...

– ...Чистота...

– ...Нравственная и физическая чистота, без физической чистоты нет чистоты нравственной, без нравственной чистоты нет государства. Страшно представить, что мы стояли на краю пропасти... – камера наехала на Мак-Ларена, он выпучил глаза. – ...На краю пропасти! Мы едва не потеряли Америку! Страну, которую основали наши предки, которую любили и завещали нам...

– ...Едва не потеряли... – аналитика даже не показали.

– Либерализм, терпимость... – Мак-Ларен скривил рот. – Терпимость к чему? Что какие-то дикари приезжают в мою страну и устанавливают здесь свои дикарские порядки? Строят тут свои мечети, капища, молельни?

С кухни неожиданно запахло жареным хлебом. От желания курить у меня заломило в висках.

– И не надо стесняться! Да, это крестовый поход! Да, это борьба! – Мак-Ларен разошёлся и стал пунцовым. – Америка была основана белыми

для белых, такой она и останется! – он стукнул кулаком в стол. Аналитик молчал.

Сэндвич оказался неожиданно вкусным.

– Молодец мужик! – лениво восхитился хозяин, кивнув на экран. – Молодец.

Пошла реклама каких-то медикаментов.

– Вчера Вашингтон показывали. – Хозяин хохотнул. – Не смотрели?

Я, жуя, отрицательно мотнул головой.

– Да-а... Как всё быстро это... – хозяин погрузился, спросил. – Может, имеет смысл тоже в Техас, вы как думаете? Или во Флориду?

Я пожал плечами.

– Хотя кому это сейчас продашь? – он мрачно посмотрел на потолок.

– Раньше надо было... Раньше.

Отодвинув тарелку, я полез за бумажником.

– Сорок пять, – буркнул хозяин.

Я достал триста, он долго отсчитывал сдачу, ворча, что эти новые деньги все на одно лицо. Тут он был прав, на всех купюрах был напечатан Рейган, разнились лишь цифры.

Я оставил на стойке пятёрку, запахнул плащ, хозяин окликнул меня у дверей.

– Зонтик забыли!

Я вернулся, сунул зонтик подмышку. Хозяин перегнулся через стойку, посмотрел сенбернарьими глазами:

– Хотя с бухлом они переборщили... На мой взгляд.

– Если бы только с бухлом, – я кивнул ему и вышел.

Дождь почти перестал, до встречи оставалось три часа. Пальцы пахли маслом и жареным хлебом, я поднял воротник и пошёл в сторону Мидтауна. Ближе к Таймс-сквер стали попадаться прохожие, мокрые и торопливые. Уже совсем стемнело, небо вдруг стало грязно-розовым, каким-то осязаемо шершавым. Я вышел на площадь, от фонарей и рекламы поднималось вверх молочное марево, с гигантского вертикального билборда мне улыбался циклопический Рейган, румяный и белозубый, под ним сияла неоновая надпись «Господи, благослови Америку!». На углу Сорок Второй настырно гремел колокольчик, там пара толстоногих девиц собирала пожертвования для «Белого Креста», я отмахнулся. Откуда-то пахло подгоревшими сосисками.

На Медисон я перешёл на другую сторону, не хотелось столкнуться ни с кем из наших. В Управлении горели почти все окна, в моём кабинете тоже... В моём бывшем. Я прикинул, кого посадили на моё место, скорее

всего, Гордона. Или этого зануду, Расмуссена. Я удивился, с каким безразличием, я подумал об этом, без злобы, без зависти. Пожалуй, Джуди была права – моя лояльность может соперничать лишь с моей наивностью.

«Настоящий мужик должен знать, за что он готов умереть», – говорил мне отец. Отец был настоящим мужиком, ему точно было известно за что он готов отдать жизнь: за нас с матерью, за друзей, за родину. Он служил в Безопасности, мне было тринадцать лет и отцовские убеждения тогда казались мне бесспорными. Сегодня ситуация не выглядит так просто – Джуди, забрав дочек, уехала в Канаду четыре года назад, друзей у меня не осталось, с родиной тоже всё не так гладко.

Я не идеалист, скорее, прагматик. Человек должен иметь цель, если у него нет её, он должен стать частью чего-то большего, примкнуть. И тогда появится и цель, и смысл. Благослови Господь моё наивное сердце, но я, в отличие от других ребят из Управления, никогда не думал о справедливости, чтобы это странное слово не значило. Единственное, ради чего я работал, была истина. Если очистить шелуху, то окажется, что истина – это та основа, на которой всё держится. Истина это порядок, который противостоит хаосу. Порядок всегда структурирован, хаос деконструктен по своей природе. Упорядоченная система может делать ошибки, заблуждаться, но в ней заложено главное – структура. Гарантия поступательного развития в верном направлении. А ошибки будут исправлены рано или поздно.

Западный вход в Центральный Парк, без двадцати девять. Чёрное на чёрном, путаница голых сучьев на фоне грязного неба, парк похож на глухую тёмную стену. Бледные фонари вдоль Парк-Авеню делали темень парка ещё непроглядней. У входа в «Дакоту» на углу стоял патрульный «форд», на другом углу я заметил топтуна, он делал вид, что ждёт автобус, разглядывая расписание. Поднялась изжога, я сглотнул тягучую слюну. Появилось желание уйти, но я знал, что не сделаю этого и дождусь Курта.

Я перебежал через улицу, встал в тень и огляделся, после прошмыгнул в парк. Влажный холодный воздух, тут пахло мокрой землёй, гнилыми листьями. Над головой пронеслась стая невидимых птиц, так низко, я даже пригнул голову. Курт опоздал на двадцать минут, мерзавец не торопился, знал, что я никуда не денусь. Тем более, после того как взяли Мачека. Я тихо свистнул, Курт вздрогнул. Я моргнул фонариком сквозь карман.

– Это тебе не корейская трава! Турецкий табак, настоящий! – от Курта разило чем-то молочным, приторным, как от грудничка. – Как в «Кемеле», помнишь?

Я помнил. Ещё я был уверен, что Клаус сдаст меня, вопрос заключался – когда. Зная его практичность, я решил, что всё-таки после того, как

я расплачусь за товар. Я ухватил его за локоть, потащил за собой в темноту, по петляющей вниз дорожке. Глаза привыкли, я мог разглядеть решётку ограды, просветы между деревьев.

– Ты что? – он дёрнулся, попытался упереться, я сильнее сжал его локоть. – Больно! Куда ты тащишь?

– Не на улице же. Заткнись.

Где-то на Ист-Сайд, за чёрной громадой мокрого парка, завывала полицейская сирена, дикий, повторяющийся снова и снова звук.

– Всё! – Клаус ухватился рукой за ограду. – Я дальше не пойду.

– Я тоже, – я отпустил его.

Видел лишь его силуэт, он согнулся, расстегнул куртку, послышался звук молнии, что-то зашуршало.

– Посвети... – сдавленно проговорил он. – Осторожней...

Сигареты были совсем короткие, не длиннее мизинца, каждая аккуратно завернута в прозрачный целлофан, как рождественская конфета.

– Шестьсот «ронов». За обе.

Мачек получал свой товар из Канады, его «пахитоски» были длиннее на дюйм и стоили в два раза дешевле. Но это уже не имело никакого значения. Я отсчитал деньги, осторожно убрал сигареты во внутренний карман.

– Приятно иметь бизнес... – скороговоркой проговорил Курт, торопливо застёгиваясь. – Ч-чёрт. В любое время...

Я ощущал кожей, что вот именно сейчас взвоят сирены, вспыхнут галогены, кто-то прохрипит в мегафон: «Не двигаться! Вы окружены!». Но ничего не произошло. Курт, быстро шаркая подошвами, растворился в чернильной тьме. Я задержал дыхание, прислушался: за пределами парка вздыхал и ворочался город, в этот звук вплетался гулкий стук, частый и упругий. Я не мог понять, потом догадался – сердце.

Я сделал шаг в сторону выхода и застыл – они меня ждут там! Поэтому никто и не прыгал из кустов, не заламывал руки. Они уверены, что я не попрусь через Центральный Парк ночью. То, что Курт сдаёт своих клиентов я знал наверняка, от Лоренца из Пятого.

Включать фонарик было нельзя, меня будет видно из Бруклина. Фонарик оставим на крайний случай. Я решил пойти в сторону главного входа, к Коламбус. Сбиться с дороги я не мог, прямо по курсу в небе клубился сизым маревом Таймс-Сквер. Шагал быстро, почти бесшумно, изредка хрустела под башмаком ветка, мокро шуршали опавшие листья. Парковая темень и тишь делали меня невидимым, я слился с деревьями, стал частью ночи. Мерный шум за оградой успокаивал, город дышал, как ночной океан. Не суетливый прибой мелких торопливых волн, а могучий многомильный накат сонного великого океана. Я трогал карман, ощущал грудной клеткой сигареты, мне пришла сумасшедшая мысль закурить прямо сейчас.

Кто-то наступил на палку, слева, совсем рядом от меня. Я сжался, замер, тот в темноте, наверняка слышал грохот моего сердца. Я ухватил зонт за середину, отвёл руку назад, выставив острый конец как копьё. Бить нужно в самый низ горла, там ярёмная впадина между ключиц.

– Кто тут? – мой голос прозвучал плоско и глухо.

Слева что-то зашуршало, словно кто-то теребил пакет с чипсами. Пялясь, до ломоты в глазах, в черноту, я беззвучно достал фонарь. В круге света возникло испуганное бабье лицо. Она заслонила ладонью, я выключил фонарь.

– Ещё кто-нибудь есть? – угрожающе проговорил полушёпотом. После света всё вокруг погрузилось в чернильную темень.

– Никого... – ответила она, скорее устало, чем испуганно.

– Что ты тут делаешь? В парке находиться с наступлением темноты запрещается.

– Да тут и днём страшно...

– Как зовут? – тем же глухим голосом спросил я. Над головой снова пронеслась стая невидимых птиц.

– Глэдис.

Зрение постепенно возвращалось, после притока адреналина накрыла усталость, кулак, сжимавший зонт, затёк и онемел.

– А вы не из легиона?

– Нет, – я ответил брезгливо, грубо. – Нет, Глэдис, – повторил я мягче. – Конечно, нет.

– Они забрали Криса, – устало произнесла она. – Я знаю, это Стюарты из тридцать первой. Я говорила Крису, что дома нельзя. Он – в ванной вентиляция, всё в трубу, никакого запаха. Вентиляция.

Она выругалась безразлично, будто читала текст с бумажки. На Ист-Сайд завывала пожарная сирена, машина быстро двигалась на юг, унося с собой вой. В начале октября премия за одного токса выросла вдвое. Двадцать тысяч вполне могли соблазнить не только Стюартов из тридцать первой. Тем более, в тяжёлые годы возрождения экономической мощи – как остроумно называют наш экономический крах лидеры из Новой Коалиции.

– У вас закурить нет? – спросила Глэдис. Спросила обыденно, последний раз так меня спрашивали лет пять назад, до Реформации и Обновления. До закона «Чистая Америка», над которым поначалу даже смеялись. Смеялись до тех пор, пока Легион не начал устраивать облавы на лавки, продающие курево из-под полы. Контрабандой и торговлей занимались преимущественно китайцы, они быстро смекнули и стали торговать на улицах. Продавали, в основном, старушки – сморщенные китайские бабушки. Тогда ещё оставались местные запасы, пачка вирджинских шла за тридцать-сорок баксов. Это ещё до новых денег.

Вспоминая это, меня неожиданно поразило, насколько стремительно, а главное, незаметно всё произошло. Наши споры с Джуди, когда я ей доказывал, что политика, как маятник, что через несколько лет общество проголосует снова за либералов. Если нам дадут голосовать, кричала она, ты посмотри вокруг. Мы, очевидно, обращали внимание на разные аспекты. Я, по долгу службы, знал о росте этнической преступности, о мексиканских бандах в Калифорнии, китайском и русском влиянии на Восточном побережье. Джуди видела лишь ответные меры. После убийства Обамы в стране объявили особое положение, но на следующих выборах победила Мишель. Мне кажется, нет, я уверен, что именно чёрная баба в Белом доме стала той самой последней соломинкой. Республиканцы поняли, что при постоянно тающем проценте белого населения, им никогда уже не выиграть. Не выиграть на выборах.

Где-то наверху, в путанице чёрных сучьев, чирикнула невидимая птица. Просвистела пару осторожных нот, словно пробуя голос. Я залез во внутренний карман, достал сигарету. Зашуршал целлофаном.

– Господи... – прошептала Глэдис. – Можно?..

Я дотронулся до её руки, пальцы были ледяные. Она поднесла сигарету к лицу, осторожно втянула воздух.

– Господи... – повторила она. – Как вкусно.

– Табак... – зачем-то сказал я.

Импичмент Мишель разыграли ловко, был август, мёртвый сезон в Вашингтоне. В ту же ночь вспыхнули беспорядки, начались погромы в крупных городах. Джуди была уверена, что это крупномасштабная провокация. Тогда она объявила, что уезжает в Канаду, забирает дочек и уезжает. Со мной или без меня. В ту ночь мы впервые разругались вдрызг, я обзывал её либеральной истеричкой, анархисткой и хиппи. Что я буду делать в этой чёртовой Канаде? – кричал я. Ловить форель и собирать гербарий? Мой отец был нью-йоркским копом, он гордился этим, я тоже полицейский, для меня порядок – не пустой звук. И я не меняю родину, как башмаки. Ей удалось выехать, а через неделю Америка вышла из ООН и закрыла все границы.

Я нащупал спички в кармане, картонка промокла сквозь плащ. Достал, попытался чиркнуть.

– Дохлый номер, – я слышал, как Глэдис часто дышит, спросил её. – У вас нет огня?

Она помотала головой, я не видел, догадался. Она нашарила мою руку, вернула сигарету:

– Спасибо вам.

– Да что там...

Я хотел уйти, неожиданно для себя я замешкался и позвал её:

– Глэдис?

– Да?

– Вот. Держите. Спички высохнут скоро... – я сунул ей в руку сигарету и картонку спичек. – Их о волосы можно высушить. Мы так в школе делали. Держите.

Впереди замаячили огни площади Колумба, сквозь деревья вспыхивали фары машин, сворачивающих на Бродвей. У статуи первооткрывателя континента была отбита голова, мраморная группа аборигенов, чёрная от копоти, протягивала Колумбу каменные цветы и фрукты. Здесь четыре года назад были баррикады, восставшие держали парк почти неделю, «дельта» под конец применяла огнемёты..

Прямо перед входом расположился патруль Легиона, человек семь-восемь, до меня донёлся говор, потом хохот, зычный, мужской. Я нырнул в просвет между кустов, нога угодила в лужу по щиколотку, шёпотом матерясь, я пробрался к ограде, пошёл вдоль стальных прутьев. Нашёл лаз, несколько прутьев были выломаны. Подождал, на Шестьдесят Пятой зажёгся красный, Парк Авеню опустела, я быстро проскользнул на тротуар. Подошёл к обочине, опёрся на зонтик и стал ждать такси.

В такси воняло рыбой. Я попытался выключить телевизор, безуспешно тыкал, давил пальцем в сальный экран, электронная тварь не слушалась.

– Не трудитесь, – водитель приоткрыл щель в салон. – Звук тоже заело.

Я втиснулся в угол, перекинув ногу на ногу, стал пялиться в телевизор. Шёл прямой эфир «Патриотов» с Бобом Дейли. Среди крепких ветчинных лиц и ярких галстуков затесалась худосочная дама с ванильными волосами, дама чуть косила, камера сразу переехала на соседа. Им оказался супер-интендант Краутхаммер, мой бывший начальник. Боб что-то спросил его, мой экс-босс, пучась по-рачьи, отвечал. Почти альбинос, Краутхаммер, когда нервничал, моментально краснел и шёл пятнами.

– Уличный мониторинг, камеры и смок-детекторы, – нервно говорил он. – Это не нарушение конституционных свобод, это защита общества от врагов свободы и конституции...

– Да что вы меня агитируете? – смеясь, махнул рукой Боб. – Я ж не какая-то там либеральная профурсетка! – гости вежливо захихикали. – Довольно нам этой манной каши – либерализм, сострадание! Довольно! – Боб нахмурил лоб. – Сострадание я вижу в том, что полиция обязана очистить наши города от мрази. И как патриот я даю вам карт-бланш. Действуйте!

– Мы и действуем... – неуверенно откликнулся Краухаммер. – Действуем. Новые смок-детекторы обладают не только большим радиусом, но главное – они улавливают не только дым, но и сам никотин.

За окном в мокрой черноте пролетали жёлтые и красные огни, мы пересекли Пятую. От рыбной вони меня мутило, я попытался открыть окно, надавил кнопку, в двери что-то натужно зажужало, но стекло на сдвинулось.

– Допустим, в одежде токса, в волосах, – он провёл веснушчатой лапой по своему белобрысому пуху на голове. – Мы планируем установить детекторы в подземке, такси, в кинотеатрах.

– Вот! Вот! – Боб заёрзал, потирая руки. – Пошёл в кино, а оказался в Канзасе!

Все снова засмеялись. Я сглотнул, во рту было сухо, мне казалось, что меня вырвет. Я, стараясь не дышать, застучал в перегородку.

– Остановите! Я тут выйду.

Таксист лихим виражом прижался к бордюру, я сунул деньги в щель. Выпрямившись на тротуаре, глубоко вдохнул сырой стылый воздух. Машина фыркнула, моргнув красным, исчезла. Разумеется, я забыл свой зонт.

До Челси добрался без приключений. У Пен-Стейшен толпилась братва из Легиона, наверное, на вокзале устраивали облаву. Их бело-красные автобусы с синими звёздами я заметил издали и от греха подальше свернул в переулки.

У моего подъезда стоял патрульный «форд». Я нырнул в тень, вжался в пролёт между витринами. Под ногами хрустело битое стекло, одна витрина была разбита. К подъезду подкатил второй патруль, из машины вылез полицейский, подтягивая сбрую, подошёл к первой машине и наклонился к окну. Остаться тут нельзя, я попятился назад, потом побежал, стараясь не попадать в жёлтые лужи света под фонарями. Где-то впереди завывала сирена, звук быстро приближался. Я рванул в сторону Челси-парка, но одумавшись, остановился – полицейский наряд прочешет этот сквер за пять минут. Перебежал через улицу, толкнул дверь в церковь Святого Кристофора. Дверь тяжело подалась, я беззвучно прошмыгнул внутрь.

Церковный запах – свечи, старое дерево, горькая восковая мастика – дверь захлопнулась, повисла тишина. Я прислушался, тишина напоминала осыпающийся песок, едва уловимый шуршащий звук. Я слушал, затаив дыхание, потом понял – звук исходил от свечей. В церкви никого не было.

Мягко ступая, я прошёл боковым нефом, втиснулся на скамейку. Коленки упёрлись – никто не сказал, что в церкви должно быть удобно. От усталости и нервотрёпки руки дрожали, мелко, противно – я ухватился за край скамьи. Только сейчас я понял, насколько вымотался за день.

Над алтарём висел распятый Христос, он был покрашен розовой краской с капельками рубиновой крови. Я вспомнил, как в детстве до мурашек боялся встретиться взглядом с его деревянными глазами. Отец в сверка-

ющей парадной форме, каждое воскресенье было как праздник, мы всегда сидели во втором ряду. Я попытался вспомнить маму, её лицо. Ничего не получалось, она ускользала, оставляя лишь солнечные блики и радостный запах горячего лета. Запах травы, когда падаешь на футбольное поле после победы, синие тени неподвижных деревьев, за ними – озеро, крики и смех, смачный плеск от удачной «бомбочки», неповторимая сладость ванильно-го пломбира, текущего по пальцам.

Достал бумажник, там, под пластиком была карточка двухлетней давности, сейчас девочкам уже двенадцать и девять. Я провёл пальцем по фото, эти лица я помнил наизусть. Испуганные лица – когда я привёз их в аэропорт, Джуди кусала губы, она смотрела мне в лицо и ничего не говорила. Ни слова, только смотрела. От её взгляда мне хотелось удавиться. Они прошли через паспорт-контроль, младшая всё оглядывалась, потом заревела. Джуди поднялась на цыпочки, я поймал её взгляд поверх голов. Потом они исчезли в толпе.

Я подался вперёд, уткнул подбородок в спинку первого ряда, только сейчас я заметил, что сел именно там, где мы всегда сидели – второй ряд, слева. Перед алтарём горели свечи, много тонких свечей. Они уже догорали, некоторые коптели, подрагивая рыжим пламенем, по деревянному телу Христа бродили красноватые отсветы.

– Вот такие дела, брат, – я посмотрел в лицо Иисусу. – Такие вот хреновые дела.

Бог безразлично глядел сквозь меня. Впрочем, ни Он, ни Другой, который высекает законы в камне, никогда не обещали мне награды за примерное поведение. Я всё решил сам. Джуди предвидела, она предупреждала меня – я считал, что мой долг перед обществом, – я усмехнулся, сейчас звучит как ахинея, – патриотизм, – тоже отличное слово! – моя работа, служба, нет, Служба! – гораздо важнее всего на свете. Уж точно важнее дочек, Джуди, нашей семьи. Я всё решил сам!

На улице снова взвыли сирены, в истеричный полицейский фальцет вплеталось нервное санитарное контральто. Я закрыл глаза, до боли начал тереть их пальцами. Если бы ты дал мне шанс, один, последний шанс! Поплыли жаркие круги – лимонные, красные, белые.

Я лукавил, на самом деле шанс был: два месяца назад Мачек дал мне человека, который переправляет через озеро Онтарио. Я никуда не собираюсь, засмеялся я тогда. Мачек написал телефон, сложил бумажку пополам и совершенно серьёзно сказал: «Откуда тебе-то знать? Сохрани».

Я убрал бумажник, на дне кармана нащупал сигарету. Развернул целлофан, сладковато запахло хорошим табаком. Аккуратно размял, табак сухо зашуршал под пальцами.

– Не возражаешь? – кивнув Христу, я сунул сигарету в рот. Вспомнил, что отдал спички. Стукнувшись коленом, выбрался в проход, подошёл к алтарю. Помедлив, наклонился и прикурил от крайней свечи. От первой затяжки поплыла голова, словно в детстве, когда мы курили на чердаке украденный у отца «Честерфильд». Я опустился на лавку, устало, как грузчик. Перед глазами поплыли лица, дождь, какие-то огни. Я глубоко затянулся, деликатно выпустил дым в сторону.

– Господи, – улыбнулся я. – Если б ты только знал, какая благодать...

С улицы слышался шум, топот. Я замер. Кто-то приказал: «Сэм! И ты, придурок, быстро сюда!». В дверь забарабанили, тот же голос крикнул: «Да там открыто, уроды!». Дверь с грохотом распахнулась, зашаркали сапоги, гулко отдаваясь, прыгающим под сводом, эхом. Я вжался в спинку, бежать было поздно, бежать было некуда. Сигарета прилипла к губе, дым, щекоча нос, голубой ниткой струился вверх. По стенам заплясали лучи фонарей, уродливо засуетились крабы тени.

– За алтарём проверить! И проходы! – раздалось сзади. Мимо меня прошагал легионер, с удовольствием гремя коваными ботинками. Он ткнул свет фонаря в Христа, хмыкнул, пошёл вдоль алтаря, нагибаясь, и светя по низу.

– Тут свечи всякие, господин капрал! Горят! – заорал он. – Может, это на них детектор сработал?

Капрал сзади выругался и приказал не ловить ворон. Легионер тихо огрызнулся, повернулся. Он стоял совсем близко, я чувствовал вонь его новой портупей. Свет фонаря прыгал по скамьям, потом уткнулся мне в грудь.

– Никого! – крикнул легионер и зашагал к выходу.

– Всем построиться! Быстр-ро! – зычно заорал капрал. – Шевелись!

Фонари погасли, часто зашаркали сапоги, кто-то споткнулся, выругался. Грохнула дверь.

Я уронил окурок на пол, придавил малиновый уголёк подошвой. Витражные стёкла в узком стрельчатом окне тускло светились тёмным ультра-марином. Я сунул руки в карманы, прижался к твёрдой спинке деревянной скамьи и застыл, вглядываясь в окно. До рассвета оставалось несколько часов...

Нина Гейдз

Дания

Поэт, прозаик, переводчик с датского, журналист. Выпускница ф-та журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. Живет в Копенгагене. Председатель Европейского творческого союза «Огниво». Лауреат литературного конкурса «Русский стиль – 2009» (Вена), победитель конкурса русской поэзии «Под небом Балтики – 2015» (Таллинн). Стихи и проза публиковались в журналах «Звезда» (С.-Петербург), «Берег» (Дания), «LiteraruS» (Финляндия), «Роза ветров» (Израиль).

В ЛЕСА-ЧУДЕСА МЫ ПОЕДЕМ С ТОБОЙ

В комнате невыносимо душно. Окна закупорены, шторы задвинуты даже в солнечный день. По-больничному пахнет лекарствами, несвежим постельным бельём, застоявшейся безысходностью.

Приходя с работы, Ира сразу же пытается открыть форточку, впустить в помещение хотя бы на несколько минут струю свежего воздуха. Но тут же слышит недовольный материнский голос.

– Ты что, хочешь, чтобы я простудилась и валялась тут с воспалением легких?

– Мам, ну я только на минутку открою окно, ты же под одеялом. Вообще если у тебя повышенное давление, нужно чаще проветривать.

– Ну конечно – ты всё за всех знаешь! Самая умная нашлась. Я сама буду решать, что мне нужно.

Ира начинает раздражаться:

– Я, между прочим, тоже живой человек. И это тоже мой дом. У меня голова в этой духотище раскалывается.

– Ну извини, что я ещё не умерла. Как бы тебе хорошо было! Квартирку бы всю заполучила. Но это, милая моя, только Господь Бог решает – кому сколько отпущено. У каждого своя судьба.

Ире часто снится один и тот же сон: школьный двор, залитый майским солнцем, большая перемена. Скоро последний звонок. Ира выбегает в школьный сад – на белый фартук падают яблоневые лепестки. Мальчик

из параллельного класса, по которому Ира уже целый год сходит с ума, идёт ей навстречу. Его улыбка – и есть источник неиссякающего солнца. Он и она одни в яблоневом саду, в счастливой первозданности бытия, в сладостной муке любовной неразрешимости – непроизносимости слов.

Хрупкую акварель сна разрывает недовольный голос:

– Ира, ну сколько ещё мне ждать? Можно матери стакан чаю принести? И ноги уже давно пора перебинтовать.

Ира встаёт, надевает халат, включает электрический чайник. В ванной торопливо отводит взгляд от своего отражения в зеркале – под глазами тёмные круги, кожа нездорового оттенка, в волосах всё заметнее седина. Нет ни сил, ни желания, ни средств заниматься собой. Не ради чего, не ради кого.

Ещё, казалось, совсем недавно была потребность одеваться, выходить в люди. Ещё, казалось, вчера овладевала ею иллюзия – сколь возрождающая, столь и безнадёжная – встретить мужчину своей мечты, спрятаться в маленьком уютном семейном мирке от чужого и равнодушного окружающего мира.

Но и эта иллюзия погасла, как последний уголёк в стремительно отгоревшем костре молодости. Вдохновенная первозданность жизни обернулась прахом бессодержательно истёкших лет, радость цветущих яблонь – белизной нежеланной седины. Предвкушение счастья – горькой оскоминой разочарования.

У Иры не осталось подруг – у всех семьи, дети, хлопоты-заботы. Сразу после работы – многочасовой вереницы цифр перед глазами – Ира спешит домой. Матери надо приготовить еду и дать лекарство, обработать трофические язвы на ногах, сделать перевязку. Если остаётся час-другой перед сном, Ира читает или смотрит телевизор, окутывает себя туманом изобретённых в сериалах страстей, погружается в чужие жизненные сюжеты. Своих у неё давно уже нет. Есть лишь одно необъятное лобное место дочернего долга, куда Ира ежедневно восходит с покорностью и отчаяньем, не в силах убежать и не в силах оставаться.

Комната матери напоминает экзотическую свалку. Подоконник, письменный стол и стулья завалены книгами, старыми газетами, листками отрывных календарей, открытками, фотографиями, пустыми пузырьками из-под лекарств. Любая Ирина попытка навести порядок и выбросить ненужные вещи вызывает у матери яростное сопротивление.

- Не смей здесь распоряжаться. Я ещё пока не умерла.
- Ну зачем тебе пустая коробка из-под конфет?
- Не твое дело – может, ещё пригодится.
- Давай я постельное бельё тебе поменяю.
- Не надо, я пока мыться не собираюсь. Мне что грязной головой на чистую наволочку ложиться?
- Так давай я тебе сегодня помогу помыться.
- Нет, только не сегодня. Я плохо себя чувствую.
- Ты никогда не можешь!
- Да, не могу. Ты забываешь, сколько мне лет. Дай Бог тебе не дожить до такого возраста.

На тумбочке рядом с изголовьем возвышается святая святых – большая деревянная шкатулка с документами. По сотне раз на день мать проверяет, не исчез ли из шкатулки паспорт, сберегательная книжка, пенсионное удостоверение, документы на квартиру. Здесь же тетради, в которых, не полагаясь более на свою память, она записывает всё подряд: какое сегодня число, сколько денег потрачено на продукты, какие лекарства предписано принимать, в какое время должна вернуться с работы Ира и номер её мобильного телефона.

Если Ира где-то задерживается, мать звонит ей каждые пятнадцать минут и упрекает, что Ира оставила её одну. Ира уже знает, что весь вечер после этого мать будет особенно раздражена и придирчива. Поэтому, заходя в подъезд, уже заранее чувствует тоскливую пустоту в солнечном сплетении и страх, что опять, как на mine, подорвётся на материной упорствующей истеричности и улетит за все мыслимые пределы в беснующуюся черноту.

В такие мгновенья Ире хочется ударить мать, укусить, оцарапать – вместо этого она в исступлении пинает ногой стулья, швыряет на пол диванные подушки. Мать стоит посреди комнаты, опершись на палку иссохшим корневищем руки – маленькая, сгорбленная, почти утонувшая в своем необъятном байковом халате до пят, но её взгляд полон гневной силы:

– Ишь как ты бесишься, что за старой матерью надо ухаживать! Ах как тебе было бы легко и просто, если бы я могла нажать на кнопку и самоликвидироваться. Но уж прости – не могу. Самоубийство – страшный грех. А я человек верующий. А вот ты побойся Бога – так над матерью беспомощной издеваться. Известное дело – у сильного всегда бессильный виноват.

– Да кто над тобой издевается? – Ира срыгается на крик. – Это ты над всеми издеваешься. Посмотри на себя, в кого ты превратилась: капризная злобная старуха, ненавидящая весь свет. И меня в первую очередь!

– Не смей так с матерью разговаривать. Я что пила-гуляла? Мужиков водила? Тебя вырастила – в детдом не сдала и на пятидневку не отправила.

– Да зачем ты меня вообще родила – чтобы всю жизнь потом попрекать тем, что ты меня в детдом не сдала? Я тебя вообще не просила меня рожать.

– Ты нелюдь. Ты просто нелюдь.

После этих скандалов Ира не может спать. Как будто кто-то бьёт молотком по вискам. Трудно дышать, немеют руки. Ира кладет под язык таблетку валидола, старается поскорее ускользнуть в сон. А перед сном снова погружается в прошлое.

Там, в кинотеатре памяти есть несколько прекрасных фильмов. Ира пересматривает их вновь и вновь, переживает счастливые события детства и юности – почему-то всегда преувеличенно яркие, солнечные. Но именно в этой преувеличенности – всё долженствование, именно такой и представлялась когда-то жизнь.

Ира давно уже разминулась с настоящим. Ей больше нравится пребывать в красочной событийности сна, чем в блёклой, бессодержательной реальности. Ей кажется, что во сне она возвращается к себе самой, уже не существующей в яви.

Во сне Ира снова видит маму молодой. Они гуляют по лесу, собирают ягоды. Ире года три или четыре, в её косички вплетены бантики такого же цвета, как и земляника. На маме – старомодное синее платье с белым кружевным воротничком, Ирино самое любимое. Волосы собраны на затылке в пучок.

Ира вкладывает маленькие пальчики в тёплую мамину ладонь, и они идут вдвоём по лесным тропинкам. Ира предвкушает, как вечером они с мамой будут вместе варить земляничное варенье и слушать пластинки на стареньком шипящем проигрывателе. И Ира будет, как взрослая, подпевать: «Дорогой длиною, да ночью лунною...»

А потом заберётся к маме под одеяло, будет вдыхать родной запах маминых волос, выпущенных из плена шпилек.

А ещё Ира попросит, чтобы мама почитала ей на ночь книжку. У Иры есть несколько любимых книг – больших, с яркими картинками. В этих

книгах написано о том, как не бывает в жизни. Но очень хочется, чтобы было именно так.

Мамин певучий голос произносит: «В леса-чудеса мы поедem с тобой, там бродит над озером лось голубой...» Ира закрывает глаза и оказывается в краю розовых озёр и голубых лосей. Она уверена, что всё это где-то есть на Земле. Надо просто подождать, и когда-нибудь они с мамой, действительно, окажутся в этих дивных сказочных лесах, где живут только добрые звери, и куда охотники не допущены.

У Иры нет ни папы, ни бабушки, ни братьев, ни сестер. Есть только мама, в которой заключён весь мир. Она не любит ходить в детский сад – боится, а вдруг мама не придёт.

Ира знает, что мама у неё очень красивая, но почему-то печальная. Ира хочет развеселить маму, поёт ей детские песенки, рисует для неё смешных зверушек. И мама отвлекается от грустных мыслей, улыбается и обнимает Иру: «Радость моя, счастье моё ненаглядное...»

Ире хочется поскорее вырасти, пойти работать и купить маме много-много красивых платьев, туфель и сумочек. Всё-всё ещё впереди, и Ира знает, что её жизнь будет особенной – радостной и солнечной, как тёплый июньский лес, напоённый земляничной сладостью.

Звенит будильник, и Ира заставляет себя встать в холодную зимнюю темноту, в полное отсутствие интереса к наступающему дню.

В соседней комнате что-то падает на пол и разбивается. Ира бежит туда, включает свет и обнаруживает на полу осколки от стакана с водой, который оставляла матери на ночь на тумбочке. Мать сидит на кровати в ночной рубашке, как нахохлившийся воробей:

- Видишь, какая я стала неловкая. Что ж – пришло время.
- Ничего, мам, я уберу.

Ира считает осколки на совок, замечает под кроватью старую, уже пожелтевшую открытку: синичка прыгает по снегу, летят снежинки, маленький домик в лесу со светящимися окнами, ёлочки. На обороте – крупными буквами написано:

«Птичка моя-синичка, дочечка Ирочка! Мама по тебе очень соскучилась. Слушайся Лидию Ивановну. Я скоро приеду. Передавай привет Мишке-шалунишке и Зайке-зазнайке. Очень тебя люблю. Мама.»

Почти полвека назад это было. Один-единственный раз мама решилась уехать в командировку и оставила Иру на соседку этажом ниже – одинокую пожилую женщину. Мама посылала домой открытки каждый день, места себе не находила – какая там работа! А Ира целыми днями стояла у окна, высматривала маму. Когда мама, наконец, вернулась, Ира бросилась к ней, обняла, залепетала: «Мамочка, пожалуйста – никогда больше не уезжай...»

И мама больше от Иры не уезжала. Они не расставались ни на один день до Ириноного поступления в институт, когда всем новоиспечённым студентам пришлось в обязательном порядке уехать на картошку.

Взрослая жизнь накатила неожиданно, и преддверием её был тот майский полдень перед последним школьным звонком, когда Ира решила, что сама придёт к мальчику из параллельного класса – позвонит в дверь его квартиры, и будь что будет. Вечером она надела своё самое красивое платье и новые туфли на каблуках, потом бесконечно долго поднималась по лестнице на третий этаж, наконец, поднесла руку к кнопке звонка.

Предмет Ириноного обожания стоял на пороге, и глаза его были огромны от удивления и бездонны, как два синих моря.

– Привет – сказала Ира. И услышала из глубины кваритры голос своей лучшей подруги:

– Кто там пришёл?

Ирины каблучки так сильно стучали по ступеням, когда она сбегала вниз, что ей казалось, что рядом с ней бегут сотни ног. Этот звук оглушал её, сводил с ума. Всё было не так, всё было не с ней.

Мама сказала ей тогда:

– Где же твоя гордость? Да он мизинца твоего не стоит. И подруга тоже хороша. Вычеркни их из своей жизни. Забудь.

Ира забыла. Юность щедра на новые встречи и впечатления, её корабли легко меняют курс. И всё-таки с того последнего школьного дня началась для Иры череда любовных несовпадений. Она нравилась тем мужчинам, которые вызывали у неё скуку. И влюблялась в тех, которые быстро исчезали из её жизни, мимоходом выпустив отравленную стрелу иллюзорных обольщений в её чувствительное сердце.

К тому же никто из молодых людей не мог заслужить расположения Ириной матери. Они приходили к ним в дом, словно на экзамен. Мать и не скрывала иронии в разговоре с Иринными поклонниками, и едва за ними закрывалась дверь, произносила неизменное:

– Когда же ты научишься себя ценить? Посмотри на себя в зеркало! Красавица. А это что – свиной хрящик.

Так проходили годы. И Ира стала замечать, что мужчины на улице перестали бросать на неё заинтересованные взгляды. Её ровесники давно уже имели семьи, детей. Дети подрастали, оканчивали школу.

Ире казалось иногда, что она – та самая Серая Шейка из грустной сказки, не сумевшая вовремя улететь вместе со всеми в тёплые края – в настоящую, полную смысла и содержания жизнь, и вокруг всё неумолимее стягивается ледяная полынья.

У Иры оставалась только мама, которая вдруг начала стремительно стареть, болеть и раздражаться по любому поводу. В конце концов Ирино одиночество тоже стало предметом материнского недовольства:

– Ну что ты всё сидишь перед телевизором? А годики-то тикают...

Ира огрызалась:

– Да вот – ценю себя. Купаюсь в своей гордости.

– Зачем ты передёргиваешь? На меня теперь всё сваливаешь? Это твой ужасный характер во всём виноват. Я хотя бы тебя родила. А ты что? Пустоцвет.

Ира часто задумывалась – могла бы она стать матерью-одиночкой? И понимала, что нет, не могла бы. Какой бы тяжелой ни становилась для неё со временем дочерняя роль, в ином качестве она себя не представляла. Ей часто казалось, что она лишь веточка на стволе материнской жизни – у них один общий корень, своего собственного корня Ира так и не пустила в жизнь.

Ирино рождение и её детские чувства – всё это было так мучительно уникально, так прекрасно и так непереносимо, что ни повторения, ни продолжения этому быть просто не могло.

...Ира смотрит на мать. Та лежит с закрытыми глазами. На лицо надета страшная маска старости. Серые пряди волос разметались по подушке.

В каких далях скрылось то время – мгновение назад – когда маленькая Ира забиралась к маме под одеяло, зарывалась лицом в водопад каштановых волос, гладила мамины руки, не хотела отпустить от себя ни на минуту?

Ира давно уже знает, что на Земле не водятся голубые лоси и нет розовых озер, что охотники властвуют над миром, а старость – один из самых безжалостных охотников, чьей пули избежать невозможно. Она ранит

всех и наверняка, загоняя сильных, самоуверенных, победоносных в западню физической немощи.

А потом является самый Главный Охотник – самый беспощадный – и осуществляет свой итожащий выстрел.

Мать открывает глаза, и Ира видит, как слеза серебристой змейкой скользит по её щеке.

– Прости меня дочка за всё. Я же знаю, как тебе сейчас со мной трудно.

– Ну что ты мам – всё у нас с тобой хорошо, всё в порядке. Хочешь я тебе книжку прочитаю?

Ира берёт с полки книгу, присаживается к матери на кровать:

В леса-чудеса мы поедem с тобой.
Там бродит у озера лось голубой.
Там чащу хвостом подметает лиса,
чтоб чистыми были леса-чудеса.

...Висит объявление у самой опушки:
«Вам, пистолеты, рогатки и пушки,
вход в эту сказку закрыт навсегда!»
Скорей собирайся, поедem туда!..

Зельчин Гусейнбейли Азербайджан

Писатель, публицист, драматург. Главный редактор журнала СП Азербайджана «Улдуз» («Звезда»). Автор нескольких книг прозы и публицистики. Многие из них переведены на русский, английский, грузинский и другие языки. Печатался в журнале «Дружба народов», в «Литературной газете», в изданиях МАПП. Обладатель многих престижных литературных и государственных премий. Перевел на азербайджанский язык произведения А. Платонова.

ПИСЬМА СЕРОГО ОСЛА

(«Сколько ни кричал я, никто на зов не отзывался...»)

Письмо, без адреса отправленное мною в село, попало к нашему ослу, оставленному там впопыхах во время повального бегства при нашествии армян. Получив от нас весточку, осел довольно долго кричал от радости и тоски, вместе взятых, но ни звука не было ему в ответ. Тогда-то он и решил написать мне пространное письмо.

Прежде, чем перейти к его содержанию, должен сказать вам, как уже и раньше говорил, что мое особое отношение к ослу имеет много причин. Во-первых, я родился в один день с прадедом нашего осла. Во-вторых, мать, отец и осел во дворе – это первое, что видит ребенок, появившийся на свет в нашем селе. В-третьих, спина осла, так же, как и спина матери нередко служит для него колыбелью. Четвертое, и самое главное, у нас в селе на человека, не имеющего осла, смотрят как на вышедшего из тюрьмы...

Свое особое отношение к нашему ослу я уже описывал в рассказе «Баллада об осле», потому не вижу необходимости останавливаться на этом подробно, чтобы не отнимать вашего драгоценного времени. Так что перейдем к письму, написанному мне нашим ослом. Посмотрим, что он пишет.

...Гага*, («Гага» – это слово наших мест), со времени вашего отъезда, то бишь бегства, я перестал быть ослом. Теперь я уже и не осел вовсе, ничего

* Гага (диал.) – уважительное обращение к старшему брату, дяде.

во мне от осла не осталось. Причиной тому все, приключившееся со мной за это время, и если я не поведаю тебе этого, то сердце мое разорвется на части. Значит так, проснувшись однажды утром, я, как обычно, прокричал один раз, потянулся, повалялся с боку на бок и стал принохиваться к оставшейся с вечера траве. Но тут появился твой старший гага, положил передо мной охапку сухого сена, причем не заперев калитки забора, за которым стоял стог сена. Потом он погладил мне спину, ничего не сказал, то есть не оседлал меня, отвязал с шеи моей веревку и ушел. Обычно, когда меня угощают травой, я брыкаюсь от радости. Но дело в том, что мне дали сухой травы, тогда как есть свежая. Это было очень странно. Такое поведение гага меня удивило настолько, что я забыл о своем важном ритуале – взбрыкнуть от радости. Обычно, отвязав веревку с шеи, отводили пастись на выгон, где привязывали за ногу. На этот раз такого не было. Будто почувствовав неладное, я, слегка вытянув голову, понюхал пахнущие сеном руки гага. Только он не заметил этого и ушел.

На какое-то время я занялся едой, не двигаясь с места. Меня, правда, отвязали, но я ведь забыл об этом, потому как никогда не разгуливал с неповязанной головой в свое удовольствие. Я же мусульманский осел.

Так и стоял я до полудня, и лишь когда, решив поваляться по земле, опустился на правый бок, почувствовал, что голова моя не на привязи. И снова я был поражен, и долго размышлял над этим. Но ты ведь знаешь: где у меня голова, чтобы думать? (Шучу) Даже если и есть она у меня, то думать терпения нет. Я вышел во двор, взмахнул ресницами-метелками и огляделся вокруг большими глазами. Чтобы нарушить окружающую меня тишину, сделал еще пару шагов к середине двора. Честно говоря, тишина эта меня ужаснула. Среди бела дня вспомнился волк, и я закричал. Но ответа не было. Тогда я повалялся во всех самых приметных уголках двора, слегка пощипал листву с тутовых деревьев, и снова никто не кинулся ко мне, не прогнал. Понюхал цветы во дворе – опять никого. Страх и беспокойство охватывали меня все больше.

Гага, осел без привязи, без веревки и не осел вовсе, а что-то вроде взбесившейся собаки. Аллах создал осла для того, чтобы человек с него не слезал, бил, ругал, ни на минуту не оставляя в покое.

Чтобы развеять полнившую сердце грусть-печаль, я вышел на дорогу. Взбрыкнул пару раз, поднимая себе настроение, и в четыре ноги поскакал к мосту, где прокричал раз в одну сторону села, и раз – в другую. Ни звука. Вдалеке как будто слышалось что-то, напоминающее ослиный крик, но тут же пропало. Я потрусил через железную дорогу и долго бегал по футбольной площадке, куда водил ты меня пастись. Побегая – покричу, постою – покричу, – все без ответа... Вокруг ни души. Свесив уши, опустив голову, вернулся я к себе во двор. На вожделенный стог сена даже глазом

не повел. Прилег потерянно, пытаюсь разобраться. Такое внезапное исчезновение всех не могло быть хорошим знаком.

Отец как-то рассказывал мне, что в былые времена люди, перекочевывая из долин в горы и с гор в долины, всех забирали с собой, в том числе и ослов. Он говорил об этом с гордостью, песнею пел, в доказательство демонстрируя стертую спину и старое седло. Особенно голосисто он пел о том, что люди не могли обходиться без ослов, что эти два создания живут вместе с сотворения мира и, даже умирая, не разлучаются. А как-то он с грустью рассказал мне о том, как его двоюродный брат остуился в горах и рухнул со скалы вниз вместе с седоком, так что оба приказали долго жить... Но теперь ведь не могло быть так, что вы ушли в горы, а меня оставили здесь. Долго размышлял я обо всем этом и, может, ты не поверишь, но в тот день я ничего не ел и не пил.

Когда рассвело, обошел двор, глянул на мяч у забора, с которым играли дети. Поддев его ногой, выкатил из-под забора, провел по нему носом, вдыхая сохранившийся аромат детских игр и забав. Потом, робея, прошел в открытые двери сарая, где стояли открытые мешки с мукой. Садж прислонен к столбу, и место костра еще теплое. Подошел к дому, и упершись передними ногами в основание веранды, заглянул вовнутрь; палас, оставшийся от вашей бабушки, расстелен посреди веранды, но комнаты пусты. Подумалось, что вы, вероятно, переехали. Расстроившись так, что сердце черной кровью изошло, вышел на середину дороги и в поисках собеседника направился в верхнюю часть села. Неохотно напился воды из родника Симузяр, тогда как всю жизнь мечтал об этом. Оглядел пастбище, лужи, где обычно нежились буйволы. Никого не видно. Лишь пестрые вороны, каркая, чуть вдалеке кружили над еще не подсохшими коровьими лепешками...

Прошло два дня, не знаю, вечер то был или полдень. Как вы сверяете часы по моему крику, так и я время дня определял по тому, когда отправляли меня за травой. Надо сказать, день был солнечным, и вдруг словно гром загремел, сверкнула молния, небо разверзлось, и что-то большое, со страшным звуком упав к нам во двор, взорвалось.

Двор содрогнулся.

Собака Тамаши, оказывается, пряталась под домом и теперь, повизгивая, выскочила оттуда, отбежала к арыку, и вдруг, повалившись набок, упала в воду. Я ничего не понимал. Но то, что упало с неба, не было градом или чем-то еще, оно было очень большим и на земле оставило огромную воронку.

По версии одноухого осла Кархулу Гуламали это нечто, неожиданно свалившееся с небес, было карой Аллаха, посланной людям за неразумность. А позже в село пришли люди, говорившие не на вашем языке. Они осмотрели меня со всех сторон, даже под хвост заглянули, потом по очереди сидели на моей спине. Наконец, угостив меня пинком под зад, ушли.

И больше не пришли. Я уже готов был их принять за хозяев. Судьба у нас такая: чтобы быть ослом, нам нужен хозяин. Как бы ни было тебе обидно, должен сказать, что наш патриотизм определяется хозяином. Все равно сейчас нас никто за ослов не держит. Даже волки близко не подходят. Да и ты, если увидишь меня, не узнаешь. Совсем упали в цене...

Иногда, скучая, мы беседуем о том, о сем с одноухим ослом Кархулу Гуламали, о котором я тебе говорил (оказывается, он долгое время не отвечал на мои крики по причине глухоты своей). О прошлом говорим, делимся наболевшим. Вспоминая, как дети, радуясь, ездили на наших спинах за травой, печалимся. Что может быть лучше, чем порадовать ребенка. Оказывается, осел Гуламали глух от рождения. Говорю от рождения потому, что он никогда не слышал своего крика и даже не знает, как он звучит вообще. А сам так орет, что все живое вокруг разбегается. Он хоть и глухой, но очень умный и мудрый осел. Говорит, что с детства так пристрастился к газетам и столько их прочитал, что в конце концов Кархулу Гуламали отрезал ему ухо. Но ему это нипочем, потому как зачем глухому ухо, только мешало, если в колхозный сад там зайти или еще куда...

Каждый день я слушаю и не могу наслушаться его сказок о прошлом и соображений о будущем. Ты ведь знаешь, как я сказки люблю и этим похож на прадеда своего. «Весна придет, клевер прорастет» – эта мудрая поговорка посвящена нам, но и вы порой ею пользуетесь. Ну и на здоровье. Чем мы лучше вас... Из одного родника воду пили. Сказал «родник» и вспомнил, что родник Симузяр пересох, на днях пустил последнюю слезу.

Но не будем о грустном, чтобы не расстраивать тебя.

Осел Гуламали, то есть мой друг и брат, рассказывает очень интересные вещи. По рассказам его наши с ним прадеды дружили чуть ли не с сотворения мира.

Твоя мысль о том, что «все зависит от судьбы», часто приходит мне на ум, и я судьбой своей доволен, раз дети двух старых друзей, наконец-то, нашли друг друга. Не стану утомлять тебя рассказами об их дружбе, но иногда осел Гуламали рассказывает такое, что трудно поверить. Гага, он говорит, что мы, ослы, раньше могли плавать и парить в небесах. Не знаю, правда ли это. Да еще каждый день повторяет, что сможем летать и сейчас, если захотим. Иногда, показывая на гору Моллалы, говорит, что уже долгое время тренируется и придет время, он оттуда взлетит. Если тело тяжестью своей потянет вниз, дух его взмоет к небесам.

Был бы ты рядом, спросил бы у тебя, правду ли говорит он. Надо сказать, у осла Гуламали нет имени. Ослам так и так не дают имен. Но я, пользуясь случаем, то есть отсутствием людей, назвал его «Тайгулаг»*, и он не обиделся, потому как не слышит. Бедный Тайгулаг не слышал и звука по-

* Тайгулаг – одноухий.

сланной Аллахом кары. А Кархулу Гуламали, уходя, даже не отвязал его. Как услышал я это, сердце сжалось, так жалко его стало. Ты ведь знаешь, какой я жалостливый, еще с тех пор, как был осленком. Бедняга, три дня и три ночи он молчал в страхе перед волками. Наконец, пришла собака Гуламали, перегрызла веревку и выпустила его на свободу. Он тоже долго бродил в поисках живой души, пока случайно не встретил меня. Клянусь, гага, если б я не встретил его, то сейчас забыл бы, как кричать по-ослиному. Ведь мы кричим, в основном, встречая друг друга, от радости, потому что боимся одиночества. К тому же, зная, что его никто не услышит, ослу и кричать не хочется. А еще наш род кричит для того, чтобы уверить и себя, и других в том, что мы есть на этом свете.

Гага, душой твоей клянусь, я забыл все свои обиды. Только бы вы вернулись. Без вас эти края утратили вкус. Дразнясь, вы называли меня приданным Муртузы, так и осталось за мной это имя – «Джехиздик»^{*}... Помнишь, когда у старшего гага родился ребенок, Муртуза подарила меня внуку, и вы все подсмеивались надо мной.

Я тогда только-только стал возить поклажу и, гордо вышагивая, не подавал виду, что мне тяжело, когда дети все разом садились на меня или же впрягали в тележку. Обижался на то, что вы так дешево меня цените. Поверь, теперь я не обижаюсь. Такое бывает. О вас же я помню только хорошее. Помнишь, как-то везя с ребятами сено, вы решили ехать наперегонки. У меня тогда болела нога, не мог бежать, как следует, а тебе, родной, это не нравилось. Ты всегда хотел быть первым и ударил меня серпом по голове. В глазах у меня потемнело, ноги стали спотыкаться, и я, не удержавшись, повалился на землю. Ты сразу прыгнул с моей спины, открепил телегу, поднял меня, поставил на ноги и обнял мою голову. Этого я никогда не забуду. Я тебя так полюбил тогда. Вспоминая те дни, я страшно тоскую. А однажды, помнишь, ты так гнал меня, что оглобли телеги вдруг оказались впереди меня, и ты, перелетев через мою голову, упал на землю. Еле сдерживаясь от смеха, я тотчас остановился, чтобы телега не раздавила тебя. Да, хорошие были деньки.

Гага, я сильно скучаю. Хожу по селу из конца в конец. Вволю брыкаюсь, катаюсь по земле с боку на бок, кричу, в общем, делаю все то, чем наградил меня Господь. И еды вдоволь. Я даже поправился, морда округлилась и выровнялась. Теперь я похож на вашу породистую корову, которой всегда завидовал. Надеясь здесь и поправляясь, я словно предаю вас, съедая вашу долю. В общем, мне есть о чем написать да рассказать тебе...

А мечта осла Гуламали сбылась. Как я не просил, не послушался он меня. Сказал ему, не лети, кто на земле тогда останется, кто будет моим собеседником? Не послушался он и прыгнул вниз. Сколько ни дергал ру-

^{*} Джехиз - приданное.

ками-ногами, взлететь не смог и со стуком упал на землю. Открыл глаза, улыбнулся и сказал мне: «Хорошо я летел, не так ли, дух из тела вон. Иду искать своих. Вспоминай меня, глядя на небо, ищи среди звезд». Сказал и закрыл глаза. Не объявлялся ли он в ваших краях?.. Если кто видел или слышал о нем, так сообщи сюда...

Теперь я один. По утрам смотрю, как солнце всходит, по вечерам – на закат. Ночью играю с луной. Глаз от ворот не отрываю. Как какой стук, ушки на макушке. Жду вас, скучаю...

Недавно отправился я в Ял-оба, пощипывая травку, прошел сад Гурбан-алы, и вышел к Одинокому тутовому дереву. Помнишь, ты приводил меня туда пастись. Я дремал в его тени, лакомился его листвой. Делился с ним своей печалью. Рассказывал о твоём озорстве... Одинокий тут тебя очень любит. Ты ведь в детстве часто спал под ним. Мама твоя собирала хлопок, а ты у его подножия, сладко посапывая, спал. Помнишь? Теперь то гордое дерево, что гостеприимно принимало всех в своей тени, стоит понуро. Постарело, выцвело. Будто стыдится своего вида. Престарелый Одинокий тут. Ты, наверное, знаешь его историю. Все понял из шелеста, шепота листвы его: как грудью встал он перед врагом, как прятал в своем дупле Гачага^{*} Гара... Гага, сказал «гачаг», и кое о чем подумал. Скажу, даже если обидишься. У нас говорят: храбрость – десятка, девять из нее – платье, один – бежать. Наши, кажется, выбрали десятый вариант. Однако сейчас не время осуждать.

Бедный Одинокий тут. Хотел заплакать я, он не дал. Чего, говорит, плачешь, я ведь не умер. Бедный старый Одинокий тут, постарел совсем, устал и потихоньку стал желтеть да вянуть. Кому нужно дерево, тень которого никому не нужна...

Пересох и мельничный арык, где вы купались в детстве, и рыбы в нем поумирали от тоски. Какая цена воде без рыбы, арыку без воды...

И птицы улетели отсюда навсегда. Словно и нет здесь ни весны, осени. Деревья не цветут. А для кого им цвести... Для одного осла что ли. Кто с ним считается...

Гага, пишу это не для того, чтобы тебя расстроить, а просто, чтобы сообщить о положении дел в селе...

Гага, ответа от тебя не хочу. Знаю, что, как всегда, у тебя много работы. Лишь одна у меня просьба. Закончив письмо, я пару раз прокричал в вашу сторону, по-нашему, по-ослиному. Если есть такая возможность, прокричи и ты нам сюда...

Февраль 1999.

Перевод Медины Эльдаровой

^{*} Гачаг – беглец, ведущий борьбу против угнетателей в Азербайджане XIX–нач. XX вв.

Антанас Суодис

Литва

Магистр эдукологии.

Автор книги «Vienas», изданной под псевдонимом J. G. По сценарию Антона Суодиса на литовской киностудии поставлен короткометражный фильм «Perlas», номинированный на приз первого конкурса литовских фильмов «Серебряный журавль» («Sidabrines gervė») в трёх номинациях. В главной роли фильма «Perlas» снялся главный режиссёр Русского драматического театра Литвы Йонас Вайткус.

ПРОРОК

Отрывок из романа

Я ползу по низине медленно, как собака. Дрожат колени. Влажная ночь опускается на выжженные чёрные просторы. В холодной полутьме вечера едва различаю оголённую, почерневшую землю. Падаю на спину. Вся рубаша взмокла и прилипла к спине. Зажмуриваюсь. Вижу физиономию Ореховаса:

– Мы хотим выяснить, как выживают нелегалы.

– Хм... А я хочу разобраться с вопросом о кроликах Мадагаскара. Особенно меня интересует своеобразие их совокупления.

– Не смешно!.. Ты!.. – глаза Орехова заливают краснота бешенства, – Империя хочет выяснить, каким образом на радиоактивных территориях выживают нелегалы.

– Опять боюсь Вас, господин Ореховас, опять боюсь!

Ночь вот-вот опустится на меня. Смертельная, звенящая, давящая на плечи, как тяжёлые гири.

Моих волос не колышет ветер, моих ушей не убажает пение сверчков, и райские птицы не сидят у меня на голове. После ядерной войны мир умер. Он как бы и жив, но в нём нет души. Он пуст, как выпитая бутылка коки, как бессмысленный разговор, как случайный секс и украденные деньги.

Он просто БЕССМЫСЛЕН.

Переворачиваюсь на живот. Поднимаюсь на ноги и ползу дальше. Мысли сбиваются, как мелодия с поцарапанного компактa. Хлюпают мокрые

кеды. Ночной холод обволакивает всё моё тело и своими острыми иголками колет, как наркомана.

Слабость. Хочется есть. Думаю, что, чего доброго, здесь и кончусь. Что ещё может со мной произойти?

Переставляя ноги, бреду по равнине, окружённой горами.

Понемногу успокаиваюсь. Начинаю ясно осознавать, что, невзирая на весь абсурд, этот спектакль ужаса преисполнен смысла. Словно охотничья собака-слепопыт, интуитивно ищу ответ, почему я оказался здесь. Перед глазами – калейдоскоп жизненных сцен.

Пробуждается странная уверенность, что смысл есть. Есть цель.

Ошеломлённый, встаю как вкопанный: «Есть цель?..»

В моей экзистенции есть цель. Уныние как рукой сняло. Включаются какие-то дополнительные ресурсы моей личности. Внезапно чувствую себя своим, желанным и необходимым в этой пустыне. Усиливается осознание того, что я ещё поживу, что сотворю что-нибудь хорошее, что остался жить не просто так и Скайсте ещё дожждётся меня дома.

Интуитивно пробую понять, что же это? Какова она, – цель моей экзистенции? Какова цель моего существования? Мне начинает казаться, что и впрямь в этом мире я нужен, что если есть эта жалкая муха в моём облики, ползущая по Вселенским отходам, то она действительно нужна и принесёт кому-нибудь пользу. Оттого, что не удаётся полностью убедить себя, начинают слезиться глаза. Чувствую себя таким ничтожным, глупым, жалким и униженным, что внезапно становлюсь счастливым. Осознаю, что моя слабость – это ключ к успеху.

Это пока никак не сочетается ни с Ореховасом, ни с Империей, ни с моим опасно рискованным житием, однако нащупываю важную линию, нужный сюжет, хватаю мысль за хвост, зажимаю крысу в капкан. Чувствую, что пока это наивысшее из всего, что могу. Ребус жизни понемногу разрешается, моя склонность к наплевательству и перманентное нежелание прилагать усилия к тому, чтобы стать «достопочтимым гражданином», мой постоянный нигилизм были подсознательным стремлением поставить себя в позицию слабого, которая, как мне сейчас кажется, и есть самая правильная в этой жизни.

Холодный воздух ночи изнизал мои бронхи. Ноги насквозь промокли. Чувствую, как к пяткам прилипает моя дешёвенькая спортивная обувь, как потеющее тело впитывает в себя радиактивные пары ночи, как этот новый отравленный мир обступает со всех сторон своими убийственными ипостасями, и мне от этого ничуть не страшно.

Охранная, защитная близость ночи баюкает меня, как мать дитя. Мистерия опасности открывается передо мной неожиданным ракурсом.

Ошеломлённый, испытываю близость ночи. Кажется, она живая, сочувствует мне и поддерживает меня. Кажется, она ступает рядом, как давняя подружка, партнёрша из прежней жизни, о которой я позабыл, более того – даже не знал её.

Вспоминаю свою смерть. Может, это она – рядом?

Осознаю нежелание во что-либо углубляться.

Шагаю блаженно до самого утра, пока, отяжелевший, усталый, иссякший, свернувшись в «утробной» позе, как ребёнок, не засыпаю прямо на холодном пепле, который теперь называют землёй.

Судорожно открываю глаза. Поднимаю свинцовую голову. Солнце уже над горизонтом. Оглядываюсь на пройденный мною путь и понимаю, сколь жестоко надо мной подшутила моя ночная эйфория, насколько далеко я продвинулся по равнине – и ни пищи, ни воды, ни, что всего хуже, – сил.

Собираю остатки воли и встаю. Кружится голова. Пошатываюсь. Одеревенелое тело ясно свидетельствует о том, что заболеваю. Глазами, объётыми воспалением, сканирую равнину. Ничего утешительного или настраивающего на оптимизм не вижу.

Жажда. Шагаю механически. Трудно выдерживать равновесие. Быстро высыхает одежда и снова прилипает к телу. Опухшие ступни вздуваются в кедах. Даже не хочу об этом думать.

Теряю ощущение времени. Начинает казаться, что я сюда послан за свои грехи. Навязчивая идея о том, что за свою жизнь я натворил столько, что попал сюда, начинает лезть в голову, как вор в дом богача. Она сверлит мой мозг, как сверло высочайшей марки, как оса, влетающая в пчелиный улей, как спецотряд, штурмующий объект.

Нет покоя. Тело тащится по земле последними остатками воли... Вдали вижу подножие горы. Кажется, там есть несколько зелёных клочков. Но действительно ли это так, я не знаю.

Внезапно, примерно метрах в ста, вижу чёрные тени – словно участники карнавала, чёрные тени танцуют в пустыне. Они, сцепившись, ходят по кругу, и время от времени радостно вскрикивают. Это они – мои грехи. Они собрались призвать на меня несчастье. Во всём теле нарастает неодолимое напряжение. Хочу отделаться от мерзкого ощущения предчувствия несчастья, пытаюсь уверить себя, что это всего лишь галлюцинации, что подхватил какой-то вирус, или это – просто повышенная восприимчивость к воздействию радиации... Однако, всё это не срабатывает – насчитываю двадцать чёрных силуэтов в одеяниях до земли.

Чувствую их взгляды, их насмешку, их агрессию. Они презрительно хоят мне зла, и я сам виноват в этом.

Приходит понимание, что я должен, во что бы то ни стало, перейти равнину. Что эти галлюцинации спровоцировала радиация. Обязан собраться,

иначе Ореховас, потирая руки, будет рассказывать охранке, как я обделался от страха – за одну ночь скопытился в обыкновенной долине нелегалов.

Собираю остатки воли, и, невзирая на танцующие напротив фигуры, двигаюсь дальше. Краем глаза замечаю, что солнце словно садится. На задворках сознания прожёвываю мысль о том, что, чего доброго, я иссяк, и у меня температура 39°, не менее.

От голода и жажды в моей груди образуется странная пустота. Это реальная энергия, пустота эта, определённое количество энергии. Не ведая, что творю, отсылаю эту энергию куда-то в космос. Чувствую, что знаю, что где-то далеко-далеко существует центр управления Вселенной, своеобразный операторский пульт, управляющий всем, словно некой игрой. И там мною недовольны.

Не представляю, откуда ко мне приходят такие идеи, но явственно сознание того, что я провинился и должен как-то выкарабкаться, что помочь мне могут только те, кто управляет Вселенским действием, что нужно до них достучаться и вытребовать разрешения жить – дают силы, чтобы попытаться уцелеть.

Атмосфера накаляется. Пустыня словно наэлектризована. Теперь это долина моей смерти. Капкан, минное поле... Вспоминаю ночное блаженство. Как быстро может всё измениться!

Над головой слышу пластание. Поднимаю глаза. В небе вычерчивают круги гигантские грифы. Раньше в нашей стране эти страшные птицы не водились. Но теперь всё иначе.

Споткнувшись, падаю лицом в подсохшую грязь. Слышу, как впереди смеются чёрные фигуры, как трепещут крылья грифов, и понимаю, что должен подняться, что обязан «подтянуться», и из последних сил попробовать перейти равнину. Успокаиваю себя тем, что это только галлюцинации, что я просто шагаю по пустыне, и никаких птиц здесь нет, что чёрные тени – это всего лишь мои страхи, а сам я только немного болен, и ничего очень уж плохого со мной не произойдёт.

Поднимаюсь. Колет в коленных суставах. Они всегда были моим слабым местом. Однажды, перед Катастрофой, мне предлагали их оперировать. Тогда я ходил на биржу труда, и государство покрывало мои врачебные расходы. Но я был молод и отказался.

Во рту разбухает язык. Хочу высунуть его, ибо кажется, что во рту он уже не вмещается... Кажется, что я – собака мчащаяся... Вот высуну язык – и мне сразу же полегчает... Корю себя, что не сбросил с ног обувь – теперь пятки настолько распухли, что, без всякого сомнения, я кеды уже не смогу стянуть, сил и на это совсем не осталось.

Распухло и лицо. Глазные щели сузились до предела... Вижу мир словно из башни танка...

Бреду дальше... Немного успокоился. Уверил себя, что те фигуры никакие не грехи, а попросту наблюдатели, как говорится, оптические иллюзии, такое им название, это просто граждане, собравшиеся поддержать мне компанию.

Внезапно во мгле вечерней что-то блеснуло. Может, метрах в пятидесяти в этой нескончаемой черноте замечаю нечто странно-серое. Сердце сковывает лёд:

– Волки!

Насчитываю шесть серых силуэтов. Они обступают меня в круг. Чувствую расширяющееся мокрое тепло между ног. От страха обмочился. Из последних сил пытаюсь что-то придумать, однако в голове совершенно пусто.

Чёрные фигуры громко, раскатисто гогочут. Распластывая крылья, в воздухе описывают круги грифы. Скованный истерикой, громко кричу. Однако опухшее лицо не позволяет широко разинуть рот, поэтому из горла вылетает обыкновенный агонизирующий стон. Никогда я не был слишком религиозен, но теперь упал на колени и лихорадочно крещусь.

Словно стрелы, выпущенные из лука, серые шкурки приближаются ко мне. Зажмуриваюсь. Внезапно чувствую ледяной холод за спиной. Шея просто коченеет от холода.

– Как собираешься жить, не расплатившись за всё, что натворил? – промелькнула мысль.

Это снова она. Моя Смерть.

И вдруг чувствую покой: хоть одна подруга рядом...

Мощный удар швыряет меня на живот в грязь. На меня накидывается существо, преисполненное исполинской силы. Кое-как удаётся его скинуть, и тут же левую ногу пронзает дикая, жгучая, остро убивающая боль. Слышу хруст своих костей.

Приоткрывается рот, и, разрывая уголки губ, я ору.

Внезапно сердце пронизывает осознание – та энергия, которую я послал в центр управления Вселенной, та мольба о помощи, то дисперативное SOS достигли адресата.

Послышалось несколько выстрелов, волчий визг, слышу – волки убегают... Боюсь даже шелохнуться... Не понимаю, почему я всё ещё в сознании... Проклятая радиация!

По моим джинсам стекает тёплая кровь. Улетают прочь грифы, исчезают чёрные фигуры. Знаю, что мне нужно перетянуть ногу жгутом, иначе я изйду кровью до смерти. Ко мне подбегает одетый в чёрное морщинистый человек.

Его обветренное лицо свидетельствует о нестигаемой воле, а крепко сжатые губы и выпуклые скулы над впавшими щеками говорят о том, что человек этот действительно не переедает.

Словно ребёнка, он поднимает меня на руки, а потом забрасывает на плечо.

Быстро бежит.

Стемнело. Снова наваливается Ночь. Думаю, что человек в черном запачкался моей мочой и кровью. Слышу, как открывается железная шахта, чувствую укол шприца в бицепс...

...Вижу себя тринадцатилетним подростком в школе. Передо мной – гроза класса – математик. Вычерчиваю цифры на доске и никак не могу решить задачу. Пишу, пишу – столбец за столбцом, слышу презрительные смешки одноклассников, пышет злобой лицо учителя.

Атака паники.

– Я, – лепечу, – йааа не знаю...

– Как это «не знаю»?! – кричит он, – Что скажешь Ореховасу?

– Йааа... не знаю...

– Какое чувство ты сейчас испытываешь?

Округлое лицо пятидесятилетнего учителя, украшенное особо романтической «заячей» губой, прямо-таки вдавливается в меня.

– Не знаю... – уже со стоном, – не зна-а-ю-ю...

– Сочувствие! – рычит он, – говори: «сочувствие»!

– ...Итак... – Ореховас озаряет меня ослепительной улыбкой, – вы утверждаете, что ничего не можете сказать о нелегалах на сожжённых землях?

– Абсолютно ничего...

– Они вам оказали первую помощь, спасли и оживили, а вы, значит, не можете ничего сказать?

– У меня были глаза завязаны.

– Ты видишь как, а? Завязали глаза? А задницу они тебе не заткнули?

– Никак нет, господин Ореховас. Регулярно опорожнялся сам...

Он поднимается с места и вышагивает по кабинету. На зелёных, облезлых обоях «сияют» пятна плесени. «Лампочка Ильича» распространяет тусклый кладбищенский свет. На столе тикает жёлтый будильник. Кружка горячего чая с лимоном. Понятно, для одного только хозяина кабинета...

– Нас интересует их количество, материальное обеспечение, их базы. И вообще... Как они умудрились уцелеть!? – в негодовании орёт он.

– Сочувствие... – говорю.

– Что? – истерически вопит он, – Что такое?

– Сочувствие...

– Это тёлки, которые... Имя!?

Вскакиваю со стула. В кость ноги вбит железный стержень. Ещё не научился ходить с ним, и, оступившись, падаю.

Ореховас смеётся.

– Не для того мы летали обратно на Территорию, искали тебя, и тратили деньги на операцию твоей ноги, чтобы слушать твою ересь. Понял?

Внезапно открываются двери кабинета. Внутри входит высокий бородач-службист.

– Падиканскас?

– Да... – отвечаю.

– Вы наказаны. За невыполнение задания на вас налагается наказание – три месяца общественных работ на городской территории без заработной платы и права увидеться с членами вашей семьи. И подчёркиваю, – он наклоняется вперёд, – от расстрела вас спасли только исключительно большие надежды на вас нашего правительства... Которые лично я считаю абсолютно необоснованными...

– Быстрее, быстрее! – кричит надсмотрщик.

Киваю и ковыляю дальше. Ташу тележку с хлебом из стружек – квадратики, может, с пятнадцать сантиметров в длину и десять в высоту, – паёк для легализованных жителей Империи. Слышал, что это корм для крепостных, но, как говорят, заслуженные рабы получают и мясо, и картофель, и водку, а кто не женат, или подруги не имеет, если его выработок соответствует определённому стандарту, получает и девушку Империи.

Думаю о том, что если девушка – собственность Империи, так её качество точно не лучше, чем хлеба, пайки которого накладываю, и улыбаюсь, представляя, как торжественно какая-то девка входит в четыре квадратных метра «апартаментов» героя труда, и тот, увидев свой «приз», от беспомощности начинает горько плакать.

– Что это теперь?! – вырывает меня из раздумий резкий, горловой окрик.

– Ч-ч-ч-то? – удивлённо смотрю на серый шлем надсмотрщика.

– Ты чего сюда приперся, идиот, – работать или ржать? Это что тебе – долбанный вечер юмора? А? Я тебе на клоуна похож?

Помалкиваю, опустив голову.

– Я вопрос задал!

– Нет, не похож.

– Так чего здесь корячишься?

– Смешно стало...

– Что тебе смешно, осёл?

– Анекдот вспомнил.

– Анекдот он, видите ли, вспомнил, – надсмотрщик расслабляется, – Ты, когда работаешь, работай, а не вечер юмора устраивай, Падиканскас!

Я здесь только третий день, а он уже знает мою фамилию. Да, дела никудышные. Хотя, с другой стороны, ещё в старые добрые времена меня всюду

запоминали, хотя не было у меня такой интенции. Судьба – интересная особа. То, чего ты хочешь, от неё никак не заполучить. Вот, всю жизнь я жаждал нормальной жизни. Просто нормальной человеческой жизни. А что получил? Мне не нравится, что я притягиваю внимание. Я – своеобразная вещь в себе, ноумен, так сказать, люблю приватность и личный мир, в котором протекает мне одному понятная жизнь. Но нет, куда бы я ни шёл, всё – «Падиканскас», «Падиканскас»!

– Извините, – тихо говорю надсмотрщику.

– Не надо тут извиняться, – он махнул рукой, – ты лучше работай и не ржи здесь... увидят в камеру, что ты теперь от счастья заходишься, меня вызовут, да и тебе сладко не будет. Отработай три месяца, а там, глядишь, и поржать сможешь.

– Так я даже пайка не получаю, – знаю, что совершаю ошибку. Не надо было этого говорить. Не вижу глаз надсмотрщика. То, что он мне кажется «нормальным», ошибка, поскольку, хоть он на самом деле таковым и является, он сам того боится. Быть нормальным в наше время очень опасно.

Вечереет. Медленно ступаю по городской улице. Под ногами хлюпает грязь. Хрюкая, по мостовой несутся свиньи. Едва успеваю отскочить в сторону. Ноет нога. Всё ещё чувствую в себе холодный металл, чужеродное тело... Обнищавшие и подавленные, мимо проходят легальные граждане Империи. Лохмотья, вонь, бороды и отошавшие тела не внушают оптимизма.

Всё это тяготит.

Получил квартиру в шесть «квадратов», куда теперь и ковыляю. Доктор обещал, что ходить буду, как полноценный человек, однако до сих пор ничего подобного не произошло – хромаю всё ещё заметно...

Останавливаюсь. Спина упираюсь в холодную, каменную стену. Мимо проезжает машина.

Патруль.

Из открытого окна таращится уполномоченный, без шлема, «сканирует» улицу взглядом. На моей шее болтается белая карточка легального гражданина города, которую он и замечает прежде всего.

– Что такое? – спрашивает он.

– Ничего.

– Почему остановились?

– Плохо...

– Почему?

– Недавно перенёс операцию на ноге. Ещё не восстановился.

– Аааа, Падиканскас! – он смеётся, – Смотри мне, не вздумай здесь загнуться, будут у меня из-за тебя неприятности.

– Постараюсь, уважаемый начальник, но гарантировать не могу.

Тот густо хохочет.

– Может, тебя подвезти, Падиканскас?

– Может, не надо, поживу ещё...

Тот ещё гуще смеётся.

– А ты юморист, Падиканскас. Не боишься?

– Боюсь, – говорю, – но каков есть, таким и помру...

– Хорошо, – патрульный посерьёзней, – домой ковыляй.

Бреду домой.

Не могу поверить в то, что происходит.

Неужели в руководстве возникло какое-то брожение? Что это? Почему они разыгрывают эту партию? Выперли меня в какую-то дыру, но в то же время следят за каждым моим шагом. Следят со страхом, чтобы не окочурился...

Мой взгляд споткнулся на медной коробочке на стене. Коробочка Покаяния! Помню, в старые времена люди подходили к ним, прикладывались лбом и рассказывали, что нехорошее сотворили, потом стояли каких-нибудь полминуты, после чего считалось, что они прощены.

Кто им прощал? Зачем нужны все эти глупости?

Опять прислоняюсь к стене. Идёт полуголая деваха. А я-то думал, что они запретили проституцию...

Деваха улыбается мне и что-то нежно лопочет.

Трясу головой ей, узкоглазой.

В конце концов, я женат. Вспоминаю оставшуюся дома Скайсте. Опечаливаюсь. Слабак! Теперь даже продуктов не могу им дать, письма написать... Я совершенно от них оторван, одинокий и жалкий, безнадёжный неудачник, вечно вращающий круг своих неудач на жизненном поле. Эта неспособность быть удачливым, постоянные препятствия и проблемы сделали мою жизнь прямо-таки невыносимой.

Нога всё больше ноет, болит голова, отяжелевают плечи...

Чувствую, как от многочасовой работы моё тело ослабело. Не так я крепок, как раньше, не так расторопен, и, по правде сказать, к тому же и инвалид.

Мысль, что я стал инвалидом, что Скайсте сидит там с нашими детьми без куска хлеба, а я здесь, среди проституток с Востока, должен буду три месяца работать, меня добивает окончательно. Понимаю, что я не вынесу. Просто я для этого не создан. Не рождён рабом, и умру – не им. Завтра же пошлю вдоль по Питерской надсмотрщика, пусть он меня прикончит. Знаю, что это эгоистично и пахнет шкурничеством, но человек может столько, сколько может.

Тело механически передвигается дальше. Останавливаюсь возле ещё одной коробочки покаяния и, как древние, упираюсь в неё лбом. Погружён-

ный в свои мысли, бормочу, что, если кому и сделал что-то плохое, прошу прощения. Невероятная печаль, но я держусь, изо всех сил уверяю себя собраться, однако печаль ещё больше усугубляется.

Думаю, как будет жить Скайсте с детьми без меня, как я умудрился обгадить свою жизнь, как вообще умудрился родиться таким непутёвым. Начинают ныть и колени, подташнивает. Усмехаюсь, что будет совсем неплохо, если продержусь хотя бы до завтра... и тут внезапно мне полегчало. Не представляю, что происходит, но ясное внутренне зрение, понимание, предчувствие говорят мне, что в пультовой Вселенной меня опять услышали.

Ошеломлённый, оглядываюсь. Что произошло?

Коробочка Покаяния!

Всё это по-настоящему!

Нерешительно отступаю на несколько шагов назад. В самом деле, я сам виноват во всём, что со мной происходит.

На моей груди звякает болтающаяся карточка гражданина, которая одновременно и датчик приёмника...

– Падиканскас, – отвечаю я.

– Гражданин Империи Падиканскас Пятрас?

– Да...

– Империя пересмотрела Ваше дело и смягчила Вам приговор. Вы переводитесь в отдел документации в пятый сектор города. Обращайтесь к служащему Жилгалавичюсу. Вам также назначается паёк, пятнадцать процентов от которого в соответствии с уставом Империи остаётся Вам самому, а восемьдесят пять будут отчисляться Вашей семье. Вы поняли?

– Да, – говорю, – понятно. А каковы причины?

– Причины постановления не разглашаются. Доброго вечера.

Медленно вышагиваю по улице. Солнце уже опустилось и вечерняя полумгла вот-вот превратится в неприятную тьму. Должен был умереть, чтобы жить. Попасть в ад, чтобы меня вытащили, примириться с проигрышем, чтобы победа сама пришла ко мне. Знаю только, что это выше моего осознания.

И мне становится блаженно и легко.

Внезапно послышался гром, и на меня хлынул красный радиоактивный дождь.

Все, возопив, ныряют кто куда, а я, одинокий, медленно ковыляю по утопающей, очищающей, отравляющей улице. Красный дождь, подобно крови, окунает меня в себя, и, кажется, вымывает, стирает все мои ошибки, обиды и неудачи.

Останавливаюсь, поднимаю руки в небо и громко смеюсь.

И, хотя я вовсе не стремлюсь домой, теперь уже точно знаю, что дойду...

Перевод с литовского Елены Суодиене

Наталья Горбаневская

Франция

(26. 05. 1936 – 29. 11. 2013)

Русская поэтесса, переводчица, правозащитница, участница диссидентского движения в СССР. Автор полутора десятков книг стихов; переводчик с польского, чешского, словацкого и французского языков. Лауреат международного литературного конкурса «Русская премия» по итогам 2010 года в номинации «Поэзия».

СТИХИ – 2011

* * *

Шептанием, бормотом, басом,
охрипнув и осипев,
как Мцыри, сцепившийся с барсом,
душу вспоминанья припев.

Поминки сменив на пожитки,
на ветхую рухлядь вещей,
отпраздную праздник «дожинки»
среди недожатых полей.

И сердце мое не вещует,
не смотрит ни взад, ни вперед,
и лишь недействительность чует
мой скорый – к чему? – поворот.

* * *

По линейке, по правилу
целый век проживя
– что тебя переправило
к берегам без жилья,

без того и без этого,
словом, без ничего,
счастья одномоментного
не щадит существо,

не жалеет эссенция
экзистенции зол,
серый-пепельный светится
под углями подзол,

тянешь плуг или борону,
под отвалом зола,
по ту сторону
и добра, брат, и зла.

* * *

И в сумраке вечернем,
и в мороке ночном
вчераших развлечений
не слышно за окном,

а только слышно-видно
сквозь дырочки тенет:
Виденье, или Вильно,
и тот чудной поэт,

кто, над рекой иною,
«укрывшись под плащом»,
окутает окно мое
плетущимся плющом

* * *

Мои сонные соседи по метро,
белопенные, с пурпурными перстами,
забежав перед дорогою в бистро,
даже дня и не начав, уже устали.

Мои бедные соседи по плане...
по планете, по планетной ли системе,
залегли, как головастики на дне,
а над ними только водорослей тени,

только заросли неведомых следов,
только отзвук, только отзыв, только зов
затянувшийся, занывшийся, затяжный,
как солдатик, никому уже не важный.

Логорифм

«Чело-чево»?
Или «чело-ничево»?

Человече,
бьешь челом
или глотку срываешь на вече?

Окунаешь в Дунае шелом
или слушаешь вещие речи?

Речи и вещи.
Чем вещее, тем резче.

* * *

И заспала стихи, как младенца,
как застиранное полотенце,
как сухарик, растертый в труху.
Значит, снова застрянет повозка
в лабиринте из мёда и воска
с накомарником наверху.

* * *

Похвала ли, похвальба
глоссолатит у столба.
Открывается пальба
с Александрова столпа.

А превыше – черный! черный!
и с главою непокорной,
хитроумный, неученый,
жив-живой, а не покойный,

он взирает на толпу,
протоптавшую тропу.

* * *

Недоведомый,
я Твой ведомый,
горе-бедами
ендова через край,
но на языке
запах медовый,
крошки хлеба на руке
и птичий грай.

Но за зорями
беззакония моя
кто же знает лучше Тебя?
Без надзора мы
сбросим кожу, как змея,
чтоб, себя истребя, спастись.

7 апреля,
Благовещенье – Лазарева суббота

* * *

Шел ночью дождь? Или не шло дождя?
А что ж тогда не шло, но топотало,
рвалось, и рокотало, и роптало,
и на стекло губами припадало
безжалостно, нещадно, не щадя,

не различая, где светло-темно
и где стекло, где неприкрытый ставень,
расшатан, проржавел, богооставлен,
над сыростью, над сыростью проталин.
Да будет он прославлен заодно

с косым дождем, с кривыми облаками
и с их курчавыми овечьими боками...

* * *

Крестики-нолики (нулики?),
безлиственный голенький куст.
Что в твоих ветках, манюленький?
Иссохший цветок или крест?

Шпорника или шиповника
восьмиконечный цветок?
Зачерпывай пол-уполовника
живой воды. Вот исток

родников, и ключей, и источников,
и ручей вытекает отседа
прямо в море, точнёхонько, точненько,
прямо в небо, предвестием рассвета.

* * *

Это – голосом Ахматовой – «голубка»
подлетает с книжного листа,
опалубка переплета
в пятнах пролитого чая.
Видишь: ничего уже не чая,
застываю на пороге прилета,
как модель на плоскости холста,
только это куртка, а не шубка.

* * *

Божественный дар – ты ли меня оставил,
я ли тебя в какой подворотне забыла?
Пошто же ты прежде меня отравил и без правил
учил гарцевать, как гарцует хромая кобыла,

делая присед в конце борозды и плугом
комья слов громоздя друг по-над другом...

Зинаида Дырченко

Испания

*Автор шести поэтических сборников,
многочисленных публикаций в литера-
турных журналах и альманахах.
Награждена Золотой Есенинской медалью.*

Но вдруг приходит не по зову...

Опустошённый, без иллюзий –
Так мир обыденности пуст,
Что кажется уже не будет
Ни светлых дум, ни ярких чувств.

...Но вдруг приходит не по зову
И час нельзя предугадать,
Неясный звук, прообраз слова,
Наитие, как благодать.

Слова о матери, о сыне,
То слышишь вдруг: «любовь», «вина»,
Иль «на ветвях хрустальный иней»,
Иль не забытое – «война»...

Ошеломлён неожиданным даром,
Жалеешь, что стихает шквал.

...Как с телеграфной ленты старой
незримый кто-то диктовал.

Приглашение к чаю

...И с вами было, но признаться
Не каждый сам себе готов,
Что вдруг сознание диссонансом
Тебя уносит вглубь веков.

А-у-у! Ты где? Вернись в сегодня,
В шальную скорость наших дней!
Но ритм иной тебе угоден –
Не рёв машин, а бег коней.

И бесполезны отговорки,
Что это сон с рождением дня –
Не убеждайте, что в Тригорском
В тот вечер не было меня.

То не фантазии, я знаю,
Не дежавю, поверьте мне –
Я вижу, как идут, сближаясь,
Она и Он в саду к скамье.

Не зря их памятники в Риге
Как будто ожили в саду,
Они друг к другу стали ближе,
Пока аллеей я иду.

...А здесь, укрыв салопом плечи,
Зову возницу, чтоб, примчась
На Дачу, что у Чёрной речки,
Предотвратить тот страшный час.

Но как унять мою тревогу,
Предчувствий бедствия накал,
(Ещё и заяц нам дорогу,
Спугнув коней, перебежал)

.....
Куда я мыслью улетаю,
Держа в руках заветный том...

Меня зовут. Наверно, к чаю.
О, Боже, вечер за окном!

Где я – дитя, прижавшееся к маме

Не знала, доведётся или нет,
Дойду ли, пусть во сне, когда не в яви,
До самых-самых засердечных мест,
Где я – дитя, прижавшееся к маме.

Стремилась жизнь – и дух, и естество
К плечу родному в час беды – согреться,
Я знаю, что последнее тепло
Дарилось, как спасительное средство.

И глаз не верит, и робка рука
Дотронуться или погладить стену –
Мне хватит только одного глотка,
Пригубить детства за любую цену!

И зрением сердечной остроты
Проникнуть в скрытый клад десятилетий
И, воскресив ушедшего черты,
Заплакать горьким вскриком междометий.

Теней и пламени игра

В.

А вечерами, вечерами
Густеют тени на стене,
И всё, что было между нами,
В закатном плавится огне.

Так тихо, даже не трепещет
Свечи чадаящая стрела,
И отдаёт шаманством вещим
Теней и пламени игра.

Они и мечутся и пляшут,
От нас скрывая правду дней,

Как будто завтрашнее наше
Не нам с тобой, а им видней.

Загадкой ль этой напрогнать
Хотят предвестие беды,
Иль слово в стих прорваться хочет
И сжечь пророчества следы...

Твоё лицо в неверных бликах,
И в летних сумерках светло,

А жизнь в коллаже многоликом
Вся перед нами –
как в кино.

Ночные игры подсознания

Ночные игры подсознания,
мои диковинные сны,
не вы ль попытки оправданья
мною не осознанной вины?
Не в ваши ль дивные глубины
ночь погружает нас во сне
Во времена, где мы любимы,
в стихи, примнившиеся мне.
Зачем, вернувшись на рассвете
в смещение яви с полусном,
мы отпускаем мысль о лете
и о несбывшемся былом?
И стих, во сне сошедший, тает,
слабеет лад, немеет звук,
и строки, будто вслед за стаей,
как птицы, вспархивают с рук...

Евгения Рузина

Латвия

*Журналист, поэт, писатель, художник.
Печаталась в периодических литератур-
ных изданиях.
Участница нескольких коллективных и
индивидуальных вернисажей.*

* * *

За что подарен мне рассвет
В после-метельном тихом мире, –
где птичьи лапки снег крестили,
и где полетом прерван след?!

Светло отбелена земля –
мир так старался быть хорошим! –
Вот взгляд проснувшихся окошек
в невероятность февраля...

* * *

Спускаюсь в винные подвалы
Увы – не вина смаковать...
Но обреченно и устало
Свою вину переливать –

То из порожнего в пустое,
То из пустого – в никуда...
Здесь благородные настои
И беспородная бурда,

Вина с изысканным «букетом»,
Вина – прозрачнее слезы,

И та – с утерянным секретом –
Бог знает, от какой лозы.

Вина вчерашнего разлива,
И с выдержкой по много лет...
Черпну – что ближе – торопливо
И с тем – наверх, на Божий свет

Бегу из винных подземелий,
Чтоб в свете поднести ко рту
Глоток отмоленного хмеля –
Хоть он и горше на свету...

* * *

Вокруг – полуправд голь
И полукривд прыть...
Полслова – унять боль,
Полслова – стыд прикрыть...
И предчуя День Судный,
Бессонно и с полусна,
Молю Его многотрудно:
«Хоть слово пошли – сполна!»

* * *

Безумство клавиш черно-белых,
Рояля взмывшее крыло...
Попытка пальцев неумелых
В аккорде взять добро и зло...

Смешные маленькие пальцы...
Большой сияющий рояль...
Бегут по клавишам страдальцы,
Бегут сквозь радость и печаль –

Гонимые фантомной болью,
Уже не эти, но не те, –
С тоской дизелов и бемолей
По совершенной полноте...

* * *

Угоден Богу дурачок,
лопочущий небогомольно.
И выше Храма – колокольня,
где в колоколе – язычок.

Озвучивая мир собой,
о стены биться – это больно.
Но разве колокольчик волен
себе искать судьбы иной?

Все выше взвончивает звук
Звонарь – он там, под куполами
и мечется, и стонет с нами,
но не избавит нас от мук...

* * *

Чужого существования
опорами эфемерными
мы бродим по мирозданию,
себе-то – и то не верные.

Надумав смешные корысти,
гонимы одним – мгновение
спасенья от иллюзорности
найти в соприкосновениях...

* * *

Река летит, ревет от боли,
расталкивает лес, луга –
И наконец находит море
и в нем теряет берега.

И морю тоже ведом больший –
забыться в нем, не знать, не быть...
У океана доля горше –
ему-то как себя избыть?!

Ни – впасть, ни – в небе раствориться,
ни – с головой укрыться льдом...
Лишь все принять, унять, смириться
и ждать, не зная – что потом?..

* * *

Мечты бесплодные пустыни –
Отчаянные миражи...
Лежит – одна – под небом синим
И вдруг виденьем заблажит...

И вмиг – взлелеянная тайна,
Ее душа, ее сезам –
откроется чужим, случайным,
обмана жаждущим глазам...

* * *

В непостижимом Далеко,
В Досотворении безлюдном –
Своей танцующей рукой
Он замешал пространство чудно.

Он мял, и, муча, уплотнял.
Он не рассчитывал – «как надо».
Господь играл, Господь играл,
Господь играл себе в усладу!

Ваял подобия свои,
Лепил – себе подобных кукол,
И плоть скользящую змеи –
Богopodobнейшую руку,

Изгиб масличного куста
Вытягивал певучим жестом...
Прожилки клейкого листа
Тянул из млеющего теста...

Дразнящий яблочный овал
В Божественном рождался танце,

И первозданный сок стекал
С Его животворящих пальцев...

Ваяя форменную плоть,
Сминал неглавное, и снова
Лепил себя – познания плод,
рожденный познающим Словом,

И человека – нагишом,
Терновник, пыльную дорогу...
И Он увидел: «Хорошо!» –
Поверь играющему Богу!

* * *

Я пробую иначе жить,
Бесстрашнее и выше –
Быть той, которая бежит
По радуге над крышей.

Семь дней, семь звуков, семь цветов –
Мое седьмое небо.
Семь ускользающих основ
Истаивают в небыль.

Пусть там, куда они ведут,
Надежда не забрезжит –
Бегу по тающему льду
В счастливом безнадее.

* * *

Кого Господь не окрылил –
Безумствуют в мечте о крыльях.
А те, с небес – за крошкой пыльной
Летят к земле... Детей земли –

Почти крылатых и святых,
Почти отторгших притяжение –
В последнем – птичьим унижение –
Свергают крошки с высоты...

* * *

По черным лестницам ведет
Неглавное судьбы пространство.
Вдруг – искушающий пролет
Полетом кратким – в постоянство...

Проскочишь – и опять наверх,
Уже на ощупь: всё темнее...
Чужих, закрытых – мимо – вер –
Дверей, где пахнет не елеем...

Мимо курящихся теней,
Роняющих предсмертный пепел
На поворотах серых дней, –
Наверх! Наверх!... Сквозь чей-то лепет,

Сквозь эти страхи в темноте...
И вдруг – пробьет из полу-транса:
Ведет к неглавной высоте
Неглавное судьбы пространство...

* * *

Ждем маршрутку под музыку...
Минус десять – мороз.
Медяками за мужество
Заплатить – не вопрос.
Этот дед на скамеечке –
Сквозь петельку плечо,
Стылый взгляд сквозь «теперича»
Заупрямлен в «ничо!»...
Взгляд нездешне-некупленный.
Пальцы шарят года
В перламутре облупленном,
Как в околышах льда.
Вдруг охрипшего голоса
Ляжет в снег колея –
Зря, что в инее волосы –
«Виновата ли я...»...

В мелкий летний цветочек
У баяна мехи...
Жаль, припев окорочен
Зимним кашлем сухим...

* * *

Убаюкает вмиг дорога,
Колыбелью вагон качая.
Будет сниться чужая, строгая
Проводница – в гирляндах чая.
Будет сниться чужой, проезжий,
Закононый мир полустанка,
Угол – в тьму-таракань – медвежий,
Незатейливая изнанка
Чьих-то комнат в чужой глубинке,
Патефонное ретро чье-то,
Где по черной канве пластинки
Вышивает игла фокстроты
И мережку старинных танго...
А потом, разжигая краски,
Под вагонное слово – тамбур –
В сон влетит тамбуриный цыганский...
Дверь купе тряхнет поворотом –
Утрясая в тебе чужое,
Ненавязчиво мимолетное,
Мимопутное, небылое...
И проснувшись в качаньях плавных,
Потолку улыбнешься с миром –
Человек, мимо прочих равных
Проносающийся пассажиром...

* * *

Пришла безумная, Любовью,
Сама поверив, назвалась.
Пристроила у изголовья
Свой идольский иконостас.

Подстерегая вдох и выдох,
Вломилась в непорочный круг.
Чертила линии Евклида
Изломом спин, и ног, и рук...

Искала суетно блаженства –
Трехмерный одолеть предел.
Но, тщась слепиться в совершенство,
Удвоила предельность тел.

И без смирительной рубашки –
К чему?! – отмерив жизни пядь,
Ушла – Милосскою милашкой
Века безруко соблазнять...

* * *

А была Магдалина – рыжею,
Непутевою жрицей тела.
Возжелала Христа, бесстыжая,
В нем мужское любить посмела!..

А потом она, дура смелая,
Прислонилась к стене лицом...
И слилось со стеной лицо белое...
Стал Он Сыном ей и Отцом...

Страсть предельная, невозможная –
Чем ей стать, упершись в предел?
Вот... задумалась осторожно я...
Просто мысли – без прочих дел...

Чарльз Симик

США

Родился в 1938 г. в Белграде. В 1954 г. эмигрировал в США. В 1967 г. выпускает поэтический сборник «Что говорит трава». Автор более 60 книг (20 – сборники стихов, остальное – эссе и переводы французских и югославских поэтов). Обладатель множества литературных премий. Редактор ряда поэтических антологий и литературного журнала. В 2007 г. избран пятнадцатым поэтом-лауреатом США.

Конец сентября

Почтовый грузовик везет вдоль побережья
Одно-единственное письмо.
В конце длинного пирса
Заскучавшая чайка то и дело поднимает ногу
И забывает ее опустить.
А в воздухе висит угроза
Творящихся трагедий.

Прошлой ночью тебе казалось,
что ты слышишь телевизор

В соседнем доме.
Ты решил – видно, передают
Какой-то новый ужастик.
Ну, и пошел проверить,
Босиком, в одних шортах.
Оказалось, это просто море ворчит устало,
Прожив столько жизней, полных притворства,
Будто куда-то убегаешь,
Но, на самом деле, остаешься здесь.

Нынче утром было, как в воскресенье.
Небеса постарались на славу,

Не став бросать тень ни на дощатый настил,
Ни на аллею пустовавших коттеджей,
Включая церквушку
С десятком серых надгробных камней, сбившихся в кучу,
Будто их тоже знобит.

Голуби на рассвете

Совершаются невероятные усилия,
Дабы что-то скрыть от нас, мой друг.
Одни глаз не смыкают сутками,
Копаясь в своей душе,
Другие раздевают друг друга,
выключив в комнатах свет.

Этот старый скрипучий лифт
Сперва спустил нас в ледяной подвал,
Чтоб показать нам ведро и тряпку,
Прежде чем, раздраженно вздохнув,
Соизволил опять подняться.

Под пустынным рассветным небом
Тихо лежит перед нами город.
Все замерло:
Крыши и водонапорные башни,
Облака и клочья белого дыма.

Мы сказали себе: терпение.
Посмотрим, заворкуют ли голуби
Для той, кто подходит к окну,
Чтоб покрошить им бисквита,
Для невидимки с нежной, тонкою рукой.

Прочти свою судьбу

Исчезновение мира.

Маленькая улочка,
Слишком узкой была ты,
Слишком уж в тени.

У тебя был один только пес,
И ребенок, один-одинешенек.
Ты скрывала свое самое большое зеркало –
Своих раздетых влюбленных.

Кто-то выкатил их
В бортовом грузовичке.
Так они и поехали, голые,
На своем диване

В сумерках через равнину,
По Бог знает какому Канзасу ли, Небраске,
А гроза уже надвигалась.
Женщина раскрывала красный зонтик

В кузове грузовика. Мальчик
И собака бежали за ними,
Как бегают за петушком
С отрубленной головой.

Посвященный

Святой Иоанн Крестный был в темных очках,
Когда прошел на улице мимо меня.
Святая Тереза Авильская, красивая и строгая,
Повернулась ко мне спиной.

«Родная душа», – шипели они. – «Наконец-то».

Я был слепым ребенком, заводной игрушкой...
Я был одним из красных мячиков жонглера-смерти
На некоем перекрестке,
Где они торговали вразнос барахлом из баулов.

Город как огромный кинозал,
Свет медленно гаснет.
Сеанс уже начался.

Так много стертых лиц в запутанном сюжете.

Великая тайна, что всегда от меня ускользала:
узнать, кто я такой...

Искупитель и Дева
Глядят во все глаза в безлюдной церкви,
Куда зашел, чтоб спрятаться, убийца...

В свежем снегу на тротуаре остались следы,
Как будто бы от босых ног.
Какой-то казнящийся грешник направил меня.
По сути дела, я не знал, куда иду.
Мои ноги заоченели,
Мой желудок урчал.

Четверо юных громил преградили мне путь.
Трое безликих, один с дикой ухмылкой.

Я отдал им свой черный плащ.

От вечных мыслей о Божественной Любви
и Абсолюте меня всего перекосило.
Меня путали с кем-то другим.
Я слышал голоса за спиной, звавшие неизвестно кого.
«Я ищу покупателя на свою душу», –
Шептал увязавшийся за мной пьянчуга,
Деловито осматривая меня с головы до ног.

По адресу, который мне дали,
Был дом с большими иксами на окнах.
Я постучал, но так никто и не открыл.
Дальше черная девушка поднялась ко мне на крыльцо.
Она колотила в дверь, пока не отбила руку.

Имя ее было Альма, хороший знак.
Она кого-то знала, кто решал загадки жизни

Голосом древней шумерской царицы.
Мы долго болтали на эту тему,
Ежась и переминаясь на мокрых ногах.

Я объяснил, что главное – остаться хладнокровным,
Даже если земля трясется,
И продолжать наблюдать за собой,
Словно это кто-то совсем незнакомый.

Например, как-то раз в Чикаго
Я брился и заметил в зеркале мужчину,
С моими голыми плечами и лицом,
Но меня ужаснули его глаза!
Два немигающих, всеведающих ока!

Когда мы расстались, ночь, холод и эта ходьба без конца
Привели меня в какой-то экстаз.
Я шел, как загнанный, пытаюсь разогреться.

И была Ист-Ривер; и был Гудзон.
И воды их блестели маслом в храмовых лампадах.

Подступало что-то великое,
Чему не сыщешь подходящих слов.

Небо, полное резвых туч и высоких зданий,
Кружилось себе в тишине.

Такая в городе тишь – услышишь, как пролетит муха.
Поверь мне.
Похоже, я слышал муху, и я пошел, чтоб ее найти.

Что-то

Вот и пришли мои ночные мысли
На костылях,
Вернувшись с изучения рая.
То, о чем они думали,
Оставалось таким же
Необъятным и непостижимым.

Мать с отцом улыбаются друг другу
О своем над каминной полкой.
Кошка спит себе, и собака
Порыкивает во сне.
Остыла печь, и постель моя тоже.

Итак, препираться не с кем,
Разве что с костылем.
Ну, давайте, смейтесь, пока я его поднимаю
Еле-еле,
Пошатываясь на крыльце,
Показывая на что-то
Там, в серой дали.

Что, ничего не видно?
Да мне тоже, мистер Молочник.
Лучше дам тебе раз или два по башке
Этой славной доброй подпоркой,
Чтобы ты не ушел, бормоча:

Я что-то видел!

Белая комната

Очевидное трудно
Доказать. Многим удобней
Скрытое. Как раньше мне.
Я слушал деревья.

У них была тайна,
Которую они почти
Решились мне открыть –
И не открыли.

Лето пришло. У каждого дерева
На моей улице была своя
Шехерезада. Мои ночи
Были частью их диких

Росказней. Мы заходили
В темные дома,
И снова в темные дома,
Тихие и брошенные.

Кто-то с закрытыми глазами
Был на верхних этажах.
Страх перед ним и любопытство
Не давали мне спать.

Правда голая и жестокая,
Сказала женщина,
Которая всегда была в белом.
Она не выходила из своей комнаты.

Солнце показало пару вещей,
Которые пережили
Невредимыми долгую ночь.
Самые простые вещи,

Трудные в своей очевидности.
Они не шумели.
Был такой день,
О котором говорят «чудесный».

Боги выдавали себя
За черные заколки, зеркальце,
За расческу со сломанным зубом?
Нет! Было не так.

Просто вещи, как они есть,
Без подвоха, лежащие тихо
В ярком свете –
А деревья ждут ночи.

Этим утром

Входите без стука, трудящийся муравей.
Я просто так сижу тут, размышляя,
Что делать в этот мрачный, пасмурный день?
Была ночь, потихоньку играло радио.
Полудрема, тревожные, смутные сны.
Я проснулся в тоске от любви и в смущенье.
Мне слышалось, будто Эстелла поет в саду
И ей вторит какая-то птица.
Но это был дождь. Темные деревья качали
Головами и шептались. «Приди ко мне, желанная», –
Сказал я. И вот она пришла ко мне,
Ее дыхание пахло мятой, и язык
Смочил мне щеку, а потом она исчезла.
Неспешно день настал, чтоб серым светом
Омыть мне руки и лицо.
Шло время, а потом вы проползли
Под дверь и остановились предо мной.
Какой-то траурный у вас костюм,
Господин Муравей. Мне нравится наше молчанье,
Тишина – в ней святость есть, которая известна
И дождю. Послушайте его начало,
Как будто он, закрыв глаза,
Приглушает каждую каплю в своем
бешено бьющемся сердце.

Осеннее небо

Во времена моей прабабки
Нужно было всего-то оседлать метлу,
Чтобы посмотреть мир
И погоняться с гусями в небе.

* * *

Звезды все знают
Вот мы и стараемся прочесть их мысли.
Как бы далеки они ни были,
Лучше уж говорить при них шепотом.

* * *

О, Синтия,
Возьми с собой в поездку часы без стрелок.
Сними мне комнату в отеле «Вечность»,
Где любит иногда остановиться Время.

* * *

Придите, любители темных углов,
Говорит небо,
И садитесь в одном из моих темных углов.
Нынче на ужин блюдо из арахиса
Подадут с аппетитными ноликами.

Перевод с английского В. Окуня

Владимир Окунь

Родился в 1955 году. В 1977 г. окончил Куйбышевский политехнический институт. Работал инженером. Самостоятельно выучив английский и польский языки, в 80-е годы работал переводчиком в Польше. Публиковал переводы зарубежной литературы в периодических изданиях. В последние годы занимается переводами англоязычной и польской поэзии. Лауреат конкурса переводов поэзии Чеслава Милоша в 2011 г. и конкурса переводов поэзии прерафаэлитов в 2012 г.

Борис Старосельский
Австралия

*Бизнесмен и специалист по разработке
крупномасштабных компьютерных
систем. Стихи пишет на русском и
английском языках. Своим серьёзным
достижением считает перевод значи-
тельной части поэтического наследия
Ф. Г. Лорки на английский язык.
С 1981 года живет в Сиднее.*

Голиаф

Монолог обезглавленного тела

Как был, так и остался безголов,
Нет, чтоб зубам попридержать язык,
Так не лежал бы на земле колодой,
Копьем тяжелым кочку уколов,
Но я от меры явственно отвык,
И вот лежу, господствуя природой.

Кровь вытекла и в луже утонул
Злосчастный жук, кляня свою судьбу,
Да стая гадких грифов налетела
На торжество, на пиршества разгул,
Но, камнем став, я так застрял во лбу
Земли, что лишь едва похож на тело.

Ну что ж, дано им бронзу поклевать,
Тупые птицы, ведь куда умней,
Чем вся их обезумевшая стая,
И чем моя испуганная рать,
Забравшийся на шею муравей,
Что быстро ест, соседей созывая.

Другу, приверженцу гностицизма

О, гностик, всезнайка, похоже, забыл ты Сократа –
Чем больше мы знаем, тем больше от нас и сокрыто.
Что, если Вселенная для божества маловата,
И великовата для нашего жалкого быта?

Тебе Еврипид предлагает старинные драмы –
Для новых трагедий еще не нашлось Еврипида.
Увы, одряхлели все греки, как старые драхмы,
Героя не сыщешь с огнём, от Афин до Мадрида.

Я знаю, «Сегодня» темнит и весьма уязвимо,
«Сегодня» духовному неадекватная мера,
Но прошлое – тоже иллюзия, катится мимо
И лепит певцов в собирательный образ Гомера.

Скажу тебе, лжёт философия, друг мой, конечно –
Распаду причастна одухотворённая глина,
Ничто в этом мире – ни дух наш, ни тело – не вечно,
Помолимся Баху на клавишах, у клавесина.

Поля

На поле, где перезревает злак,
Лучи шального света шевелят
Соломенный, пылающий покров
Земли – вдали, улёгшись кое-как,
Расположились несколько телят
В кругу коров.

Как лес прильнул к окраине щекой,
Как поле развалилось на спине,
Как жизнь и смерть здесь противостоят...
Насыщенность, уверенный покой,
И коршуна в холодной вышине
Голодный взгляд.

* * *

Бреду по осенним полям,
Едва замечая тропу,
Где каждый от глины и ям
Лишь чудом спасает стопу,

Где листьев усталых поток,
Кружащий в подножье осин,
Разносит кармин и желток
С растерянных, голых вершин.

Здесь осень хрустит под ногой,
И тополь вечерний горит
Безудержной, грешной свечой
Тому, кто поймёт и простит.

О как, преклоняя главу,
Едва не сложив головы,
Любить этот мир, где живу
С охапкой опавшей листвы...

У моря

Налившись белизною сливок,
Собой довольная сполна,
Летела крепкая волна,
Забросив в облако затылок.

Причалив к берегу залива,
Вода ложилась на песок
И он, пресыщенный, не сох,
Меняя краски терпеливо,

Став зеркалом, и отражая
Глубины неба, где опять
Могла тонуть или взлетать
Неугомонных чаек стая.

И по стеклу, что столь бездонно,
Прошла с ребенком на руках,
По щиколотку в облаках,
Неповторимая Мадонна.

Пронизан брызгами морскими,
И солнцем утренним согрет,
Свет написал её портрет
В слюде воды, спеша за ними.

И вот, когда хвалиться нечем,
Хвалился небом, взяв разбег,
Наш быстротечный, бренный век,
И счастлив был, и был беспечен.

* * *

В. С.

В углу, пристроив наспех стопку нот,
Усаживался я у пианино,
Ты начинал играть, на вид, невинно,
Не зная, что случится, наперёд.

Безумные, летя в водоворот,
Стремилась мы, безмолвны и едины,
К познанию, а может, сгорбив спины,
Так узники идут на эшафот.

Свет, замирая, путался в тенях,
И страх-палач преследовал меня,
И требовал, чтоб троекратно клялся,

Как, может быть, клянутся под мечом,
Что я случайно здесь, что ни при чём,
И клавишей дрожащих не касался.

Клавесин

Цветы в холодной вазе, в полусне,
застыли, отражаясь на паркете.
Свет, падая, запутался в букете,
размяк и замер в бликах на стене.

По всем углам блуждала тишина,
но клавесин звучал неустрашимо,
хоть в нетерпенье пробегала мимо,
боясь запнуться, каждая струна.

Так быстро время ткало сеть причин
и следствий, что часы остановились
в растерянности, в заблуждении, или
наехав колесом судьбы на клин.

В тот миг, не разрешив борьбы за власть
и, примирясь, клавесин подумал,
что жизнь ушла без суеты и шума,
совсем не так, не там, где началась.

Старик

Был слаб старик, но в нём был крепок дух,
(свет вытекал сквозь тоненькую щель
из-под двери), его виолончель
упрямилась, но он играл на слух.

Играл на нервах, полагал сосед –
скорей всего на нервах старых струн,
его смычок, возможно, был игрун,
а руки только попевали вслед.

Звук часто доносился из окна,
прохожие порой теряли дар
бездарных слов, мир был безмерно стар:
«и звёздам нет числа, и бездне дна»*.

А днём, на лавке, возле георгин,
дремал он или, не имея дел,

вне времени, на время каменел,
без друга и семьи, всегда один.

** Из стихотворения М. В. Ломоносова.*

* * *

Мы утопаем в огненной траве,
где шмель – хмельной певец и виртуоз
жужжащих звуков, где поля – наркоз,
под небом возбужденным, как Равель.

Вокруг цветы стоят на голове,
но синим знаком суетных стрекоз
нам время отвечает на вопрос
о вечности – расстанемся навек.

Выскальзывает ящерицей час
из рук, вильнув хвостом и скрывшись где-то
в густой тени, едва заметив нас,
едва заметив угасание света.

В полях, где мы с тобой в последний раз,
садится солнце и сгорает лето.

Полечусь я Русью белою...

Лягут годы спелой караю
мне на плечи, ношей зрелую,
полечу в Россию старую,
полечиться Русью Белою,
забреду я в рощу вешнюю,
где когда-то счастье выведал,
успокою душу грешную,
хоть не выбором, так выводом ...
там березы запиликают
на душе смычками-ветками,
и тоску свою великую
изолью слезами редкими.

Эляна Суодиене

Литва

Поэт, филолог. Доктор гуманитарных наук. Автор восьми поэтических сборников и ряда научных статей о литературе. Поэтические произведения и критические статьи Эляны Суодиене публикуются в литовских республиканских изданиях и за рубежом.

НА ОДНОМ ДЫХАНИИ...

*Стихи, пришедшие сегодня –
12 мая 2015 года...*

* * *

Ты инакий, если мыслишь,
И тем тоньше юмор,
Чем сильнее стремятся втиснуть
Мозг твой в конъюнктуру...

Чтоб духовная культура
Процветала, крепла,
Ей нужна свобода – мудрость
Вызревает в недрах...

* * *

Эзоп дал нам манеру –
Стиль очень ироничен,
Подтекст столь многомерен,
И – напряженье мысли.

Это – уловка рабства,
И прокрадётся ум,
И не страшны препятствия
Любых цензур...

* * *

Иносказание хранит следы борений,
И недомолвка тем точнее,
Чем покрова над ней прозрачней,
И мысль читающий обрящет,

Ну, а слова отыщет сам,
И этот убеждений способ
Включает тот потенциал,
Что спрятан глубоко в подкорке...

* * *

Когда не можешь говорить открыто,
Отыскиваешь те черты
И краски, чтоб доступно было
То, что без слов глаголишь в мир,

К тому же, можешь перспективу
Ты недомолвкой указать,
И в этом ухищреньи стиля
Безмерность времени, пространств...

* * *

Нетерпимость – фанатизм,
Только в мягкой форме.
Нетерпимость сузит мысль,
Исключая множественность

Индивидуальностей,
Есть лишь плюс и минус:
Отрицает разное,
Раз иной – провинность...

* * *

Сейчас – реклама между строк...
Куда исчезли все подтексты?
Чем больше нам дают свобод,
Тем мысль неинтересней...

* * *

В потоке информации
Как истину найти нам?
Что там источник знаний,
Раз нет антонимии?

Стирается граница
Меж правдой и обманом...
События фиксируются,
Но без толкований...

* * *

О, боже мой! О, как она поёт!
Какое красоты свечение...
Душа – сияния комок –
Блуждает по Вселенной...

Как будто нам даёт урок
Потусторонних знаний...
О, боже мой! О, как она поёт!
Взор слёзы застилают...

* * *

Как будто я все воплощения
Свои переживаю –
Вот – птица я, вот – дерево,
А вот – волна морская...

Вот – бабочки крыло,
Зовущейся Психея...
Мелодии полёт
Могуч и запределен...

И отступает плоть,
Душа – как сущность мира,
И сладких слёз поток,
И всех созвездий клирос...

* * *

Вера – внутреннее чудо,
Внутренний потенциал,
Есть помимо быта буден
Жизни внутренней накал,

Если мы его не ищем,
Словно вакуум вокруг...
Музыкой творенье дышит,
Ноты слыша тишину...

* * *

Есть духовная реальность,
Музыка – тому свидетель.
В той реальности мы с вами
Всеблаженны, словно дети...

Роза Шорникова

Россия

Окончила МИСИС и фак-т «Патентование» ИТТыП ВОИР. В 2004–2008 гг. – гл. ред. журнала «Сад & садик». Организатор (совместно с супругом) музыкально-поэтической гостиной «Дубрава». Автор 6 сборников стихов, сборника рассказов и повестей, романа «День рождения семьи». Публиковалась в многочисленных литературных сборниках и СМИ. На стихи написано более 50 песен и романсов.

Ночь приближается...

Ночь приближается, вечная странница,
В окнах лиловые краски сгущаются,
Звёзды лампадками в небе включаются,
Ночь приближается...

Ветер стихает и веет прохладой,
В медленном танце тихонько закружатся
Поле, дома, и деревья, и лужицы,
Сонные улицы...

Звёздные эльфы – десанты полночные,
Лунной дорожкой незримо спускаются,
На фонарях фитильки зажигаются,
Всё повторяется...

Бархатной шторой, усыпанной блёстками,
Тихо подкравшись, уставшая странница
Окна мои занавесить пытается...
Веки смыкаются...

Сонная даль увлекает заманчиво
Непредсказуемостью построения

Правды, фантазий, обмана, сомнения,
Вот – откровение...

И по каким измерениям вечности
Наша душа неустанно скитается?
Плачет, смеётся, теряет, встречается...
Жизнь продолжается...

Когда сойдёт последний снег...

Когда сойдёт последний снег,
Зима в лебяжьем полушалке,
Возьмёт с собой, как оберег,
Подобно той провинциалке,
Что прячет в книжке записной
С лиловым бархатистым кантом
Стихи, пропетые с тоской
Одним заезжим музыкантом...

Возьмёт зима, как оберег,
Пригоршню серебристых льдинок,
И прошлогодний талый снег
На полотне её картинок
Вновь белым цветом оживёт!

Но это будет через год...

* * *

Ещё мне рано уходить,
Ещё не пройдена дорога,
Ещё не всех смогла простить,
И дел незавершённых много,
Ещё не сведены мосты
В последний час перед рассветом,
Ещё не выросли цветы,
Посаженные этим летом,

Ещё кому-то я нужна,
Порой того не сознавая...

В окошко круглая луна
Безмолвно смотрит, не мигая...

Бессонница не даст никак
Откинуть мыслей покрывало...

Простите, если что не так,
Наверно, просто я устала...

Сто зеркал

«В ста зеркалах»
А. Ахматова

Ищу себя,
всю жизнь иду к себе,
Я в полушаге от заветной цели,
Я сто зеркал расставляю по судьбе,
Чтобы понять, кто я на самом деле?

То отражение в профиль и анфас,
Насколько живо и насколько точно?
Насколько то, что вижу я сейчас
Непогрешимо,
чисто,
непорочно?

В ста зеркалах мой лик запечатлён,
Не утаить малейшего изъяна,
Как не сдержать монет печальный звон,
Упавших из дырявого кармана.

Что есть, то есть.
Смотрю глаза в глаза
самой себе.
Узнаю ли себя я?

Как литератор-аналитик,
Наверно, правым будет он...

Но как же быть, когда неймётся?
Рука торопится к перу,
Когда я вижу это Солнце
На Небе ясном поутру,
Когда слова, ручью подобно,
Звенят, клокочут и журчат!..
Хоть это, может быть, нескромно,
Но в этот миг они летят
На крыльях моего творенья,
Я чувствую, что я – Творю!

И я их всем, без сожаленья,
С великой радостью дарю!

Владимир Штокман

Польша

Живёт в Кракове. Перевел на русский язык ряд книг по польскому изобразительному искусству. Автор переводов стихов польских поэтов. Участник Международного фестиваля «Вернуться в Россию стихами и прозой: русскоязычные писатели вне России» (2012). Член Международной федерации русских писателей, координатор международного сетевого альманаха «Litera».

* * *

Меняю дискурс и «базар фильтрую»,
Все реже щебечу на птичьей мове,
Все чаще с бесконечностью флиртую
На невербальной цифровой основе.

Куда ведут туннели световодов?
О чём молчат столбы релейных башен?
Хоть мир в грядущем грязнет год за годом,
Я в нём до неприличия вчерашен.

На языке простом и человечьем
Пишу стихи – сонеты и эклоги,
И с вечностью общаюсь каждый вечер.
При помощи высоких технологий.

Приблизительно так

Озирается время: «Поэты, ау!» –
Только вкрадчивый шелест бумаги,
То ли ветер колышет густую траву,
То ли шастают свиньи в овраге...

Ни души. И откуда тут взяться душе,
Если душно, как в пекле у черта,
Если нищие духом довольны уже
И свободой четвертого сорта.

Всюду плесень и пыль, всюду темень и мрак
По пропахшим сивухой кухням.
А какой-то чудак, нарядившись во фрак
Исполняет на флейте «Эй ухнем!»
Это – первый поэт. Он свое ремесло
Изощрил, ублажая ублюдков,
И теперь веселится (от слова «весло»),
Помутившись частично рассудком.

А за дальней горой притаился второй.
Он лелеет в себе пессимиста.
Эту жизнь он считает дурацкой игрой,
И, похоже, играет не чисто.
И не часто.

Вот третий сидит на столбе,
Принимая как должное муку.
Он давно покорился постылой судьбе
И постиг в совершенстве науку
Слышать, видеть, предвидеть, смекать, примечать,
Но скрывать свои мысли и чувства.
Там, где надо кричать – он молчит, где молчать –
Он кричит. Вот такое искусство.

Приблизительно так. А луна высока...
«Эй, поэты!» – разносится эхо.
И от черного страха немеет рука,
И дрожат занавески от смеха.

Дурацкая притча

Когда б вы знали, из какого...
А. А.

Я стал пророком от безделья, из глаз моих сочится лень. Прошла еще одна неделя, ещё один растаял день, вот час песок последний сыплет, минута, и еще одна... Как в сейфа параллелепипед я прочно лёг на плоскость дна глубокой ямы безвозвратной. Здесь, где уютно и тепло, мой разум праздный и развратный измыслил некое крыло, подобие волшебной дудки или небесного смычка, который бульканье в желудке вдруг превращает в скрип сверчка, а вонь нагретого асфальта – в густые запахи полей... Набравшись дерзкого нахальства я проведу здесь параллель из тех, что перпендикулярны. Слепцы, наденьте окуляры!

Когда весна прозрачной тенью придет нежданна и светла, там, где меж городом и степью большая свалка пролегла, сквозь серый слой бесплодной почвы, нарушив в норах сон кротов, пробьется и распустит почки зелёный маленький росток. Он неприметен и невзрачен. Среди дремучих сорных трав стоит он, как стекло прозрачен, макушку к солнышку задрав. Он сам пока еще не знает, каким он семенем рождён, какие соки он впитает с весенним солнечным дождём, какая сила в нём сокрыта...

Быть может он – могучий кедр, чьи корни крошат твердь гранита, стремясь достичь глубоких недр, чей ствол не горбится от ветра, чья крона выше прочих крон. Что может быть прекрасней кедра?..

А может статья, станет он обворожительным каштаном, когда по истечении лет он днем весенним, долгожданным, вдруг облачится в белый цвет, и грозди восковых соцветий испустят тонкий аромат... Каштан милей всего на свете!

Пусть грозы над ростком гремят, и воют ветры — он мечтает о гордой кроне, о цветах... Наивный, он еще не знает, что будет всё совсем не так...

Нет, не каштан, не кедр, не ива, а кособок и низкоросл репейник серый сиротливо там, где росток весенний рос, сквозит колючим силуэтом среди гигантских лопухов...

Вот так бывает и с поэтом. Лелеет он ростки стихов, а вместо них растут уроды. И как бы ни старался он, в садах искусства и природы один безжалостный закон: на омерзительной помойке растут лишь сорные ростки, а неухоженные строки ложатся в скверные стихи. И этот ямб косноязычный – уже не мёд еще не яд...

Доволен ты дурацкой притчей? Её ты понял?.. Так-то, брат...

Монолог Сизифа

Снег за окнами всем отпускает грехи,
Тишина, чистота, как в больнице.
Я богами наказан – слагаю стихи
Наклонившись над чистой страницей.

Все строчу и строчу посиневшей рукой,
Только слог мой богам не угоден:
Исчезают мгновенно строка за строкой,
А останься хоть стих – я свободен.

Я верлибром и ямбом, и этак и так,
То сонет напишу то поэму,
То о птичках лесных, то о горных цветах,
То без темы пишу, то на тему.

Но страница пуста. Вот и жизнь позади.
Только все же не зря я старался.
Все стихи, что писал я, исчезли как дым,
А вот этот остался.

Баллада о настоящем поэте

Прочитал чужие стихи – хорошие.
Написал свои стихи – плохие.
А потом взял зонт, обул калоши и
Вышел под дождь назло стихии.

Дождь прошел, и годы прошли, ну а он
Все шагал и шагал не жалея калош,
Под ногами – Земля, над Землей – небосклон
И не важно, куда и зачем ты идешь.

Все закончилось тем, что закончился путь,
Горизонт устал убегать вперед.
Он присел на край Земли отдохнуть, –
Так гласит молва, а молва не врет.

И сидел он так еще несколько лет,
Наблюдая движение звезд в небесах.
Вот тогда он и был настоящий поэт,
Потому что стихов никаких не писал.

Переводчик

Памяти Александра Александровича Иванова

Я – переводчик с графоманского.
Он не сложнее наверняка
Английского или испанского,
Понятен даже дуракам.

Но переводческие трудности
Подстерегают там и тут:
Переводить слова занудности,
Унылой пошлости и глупости –
Неблагодарный, тяжкий труд.

А графоманы обижаются
И рвутся в бой, как петухи,

Мол, в переводах не нуждаются
Их гениальные стихи.

Пусть на меня глядят неласково,
Я к этому давно привык,
Я — переводчик с графоманского
На саркастический язык.

Из цикла «Маргиналии»

Самому себе

Никто, увы, не совершенен,
И всё же кажется порой,
Что мир пленительно волшебен,
А сам ты – бог или герой.

Но наступает вдруг прозреньё,
И понимаешь в тот же миг,
Что ты не «мыслящий тростник»,
А только почвы удобренье...

Мария Теплякова

Россия

Родилась в г. Калининграде. Окончила философское отделение исторического факультета КГУ (ныне – РГУ им. И. Кан-та). Автор двух поэтических сборников и многочисленных публикаций в периодических изданиях. Лауреат международного фестиваля авторской песни «Балтийская Ухана» (2004) и Международного поэтического конкурса «Золотая строфа» (2009). Член СП России. Живет в Суздале. Работает звонарем и певчей в Успенском храме.

ЗВОНАРЬ

Посвящается Валерию Гаранину

*...О, светло светлая
И красно украшена
Земля Русская
И многими красотами
Удивлена еси...
(Слово о погибели
земли Русской, XIII в.)*

1

Пейзаж на пороге зимы

Когда с цепи срывается октябрь –
Он сквозняком распахивает двери
И золото прихватывает бабье,
И воду льет, до обморока пьян,
На черные от времени ступени.
Он дурачок, из местных сумасшедших –
То на Торговой площади танцует,
То прячется у Каменки в туман.

Унылая пора, пора одеться.
Коты – и те отращивают шубу
И возлежат на теплой батарее,
Мечтая о небесных крендельках.
В такое время город – словно рыба –
Кругом вода, куда ногой ни ступишь.
Река растёт, смелеет, обступает,
Несёт грозу на жилистых руках –

Огромную грозу, в три океана.
Вот сом на дне простудой разбужен,
Чихает в небе чахлая ворона,
По фонарю когтями дребезжит...
Внутри себя – ты в храме запустелом –
Давно болит, не слушается тело,
Да и душа – уже бы полетела,
Но их улитка уха сторожит.

Всё – музыка тебе. Не просто ветер –
Иерихонский вой! Вокруг вскипает
Не дождь, но симфоническая буря,
И ангелы играют на трубе...
Ты ясно веришь и в Святого Духа,
В молекулу воды и кислорода,
Ты слышишь суть вещей, чуждак.
Ты – ухо.
Звонарь, я знаю правду о тебе.

Сон св. Павлина

Так странно, что Италия реальна...

Вечерний час в провинции Кампанья,
Епископ шел устало по тропинке,
Трава стелилась под ноги ему.

Цветы, склоняя головы, молчали.
И только непослушный колокольчик,
Тихонько напевал, от счастья пьяный,
И человек увидел – почему:

Был голос дан, и песня раздавалась.
Епископ опустил на колени,
Чтоб рассмотреть простое чудо света...
Качался язычок туда-сюда,

И ангелы, невидимые глазу,
Стояли и держали колокольцы,
И нежный звон струился прямо в сердце.
– Ты понял всё?
И он ответил:
– Да.

И он велел позвать к себе ученых,
И долго размышлял о том, что видел,
Они втроём решали так и этак,
И вот был первый колокол отлит.
Как в храмах Прозерпины и Цибелы
У греков хитроумных и смешливых, –
В Италии кампаны зазвучали
И небо стали музыкой хвалить.

О звонаре Московском

А в Москве – по храму на каждом хóлме,
Пальцем в небо указывают колокольни,
Как пойдут звонить **во вся** да на каждой, –
Загудит Москва, полетит Сараджев,

За веревки держится, легче пуха,
Слышит голос вещей за пределом слуха,
Каждый колокол, словно дитя родное,
Узнаёт по возгласу, с полуслова.

– Божье ушко, эта земля глухая,
Что ты ходишь ночью, людей пугая?
Что тебя здесь держит, какая боль?
– Балерина, Леночка, ми-бемоль.

В каждой вещи Бог говорит чуть слышно,
Видишь, камень тоже живой и дышит,

Излучает тепло и свет...
Скажешь, нет?

Это просто. Звук в тишине рождается –
Словно гром в грозу, словно в древе птица,
Каждый звук имеет число и цвет...
Скажешь, нет?

А Москва куполами горит на солнце.
Тишина вокруг, как на дне колодца:
Колокольное за морями зарево...
С ним – звонарь его.

2

Красный звон в Спасо-Евфимие

Звонарь, я знаю правду о тебе.

Как на престол восходит царь во славе,
Ты медленно восходишь на помост.
Как солнце из-за леса – в полный рост!
Остановить его никто не в праве.

Рука нежнее птичьего крыла,
послушна золотая колесница.
Танцуй, танцуй! Пусть Божия десница
Тебя прикроет от земного зла.

Господь через тебя недужных лечит –
Ты отведешь от Суздаля беду
И души грешных вызвонишь в аду! –
Больной, земной и грешный человеке...

А женщины у стен монастыря
Торгуют клюквой или облепихой,
И о насущном хлебе говорят...
Так тихо...

Метельный звон

Ни лихой человек, ни зверь
Путника не возьми.
Заговаривает метель...
Уходи, не ложись в постель
На груди зимы.

Руки тянет морозный лес,
Хоронит дорогу.
Ты отыщешься на земле –
Слышишь, колокол там, в селе,
Говорит о Боге.

Матерь Божия и Святой
Николай Угодник,
Пусть меня не тронет голодный
волк,
Только б колокол
не умолк!

Ветер

Ветер, ветер,
колокол не качай,
Рук не студи,
веревки не вырывай.
Жарко пышет
русский
морозный рай,
Колокольная –
гора Синай.

Младшая из семьи
корабельных мачт,
выросла
прямо в облако
головой,

Ветер, ветер,
ты лучше плачь,
пой!

Тоже
быть человеком
хочешь?
Знаешь, как это больно –
когда
К небу
Вытягивается
Позвоночник –
В нитку до рая
от
а
да

Колокол

По небу катишься в колеснице,
Лошади звонкие, словно птицы –
Тройка зазвонных – в правой руке,
Ты невесомый
на
о
бла
ке.
Колокол – конь!

Если поводья слегка ослабли –
Болтается, как на базаре
Бабы,
Свободу почуяв –
Не спи, звонарь! –
Колокол – ярь!

Старшие братья – клепала, била,
К всеобщей звали, от сна будили
Братию в оные
времена.

Голос твой громче, судьба –
Одна.

Зимнее небо над колокольной.
Снег серебрится и гул спокойный
тихо доносится сквозь метель...
Колокол – колыбель.

Крещён огнём, ты получаешь имя.
Ты дивная поющая икона,
Молитва, оживающая в бронзе,
Ты со Христом на дереве терпи –
Хоть ассирийский медный колокольчик
со времени царя Салманассара,
хоть Лебедь из Великого Ростова –
Господь в любом всё время говорит:

Нечистый, не ступай на это место,
Здесь небеса благословляют землю,
Гроза, пожар – отходят стороною,
Их звук предупреждает, словно меч.
Хоть карильон, хоть рельс или куранты,
Обрезанный баллон, аклей и рында –
Все лезут в проповедники и братья,
Но лишь тебе дана прямая речь!

Царь-Колокол, ты – царь, хоть безъязыкий.
Хоть ты не сам отрекся от престола –
Величие твоё неоспоримо.
И тем страшнее эта немота –
Когда она гудит и нарастает,
Когда она проста и справедлива,
Как плач святой Марии Магдалины
Над телом у позорного креста.

– Оммммм...
Боммммм...
Бог.

3

Проводы Масленицы

Как на площади соборной
Не смолкают разговоры –
Утро раннее плывёт,
Первый колокол поёт:

*– Лю-бишь Бога, хо-ди в храм!
Лю-бишь Бога, хо-ди в храм!*

Чтобы не было печали –
Два поменьше отвечали:
*– Го-ли-ка-ми при-ты-ка-ли!
– Го-ли-ка-ми при-ты-ка-ли!*

Дин-дон! Дин-дон!
Такой трезвон!
Жаркий снег и лошадь в мыле,
Смех, мелькание подков –
*– Без чис-ла мы согре-шили!
Без чис-ла мы согре-шили!
– Е-дин Бог без гре-хов!
Е-дин Бог без гре-хов!*

Солнце крутится по небу,
Мужики и бабы едут...
Крики, пение и лай,
Ай!

Солнце, масленный блинчик,
А где весна?
Разрумянь-ка девочкам личики,
Разбуди от сна!
Ветер, ветер,
угомонись –
Вон звонарь глядит
Сверху –

вниз!
Эй, на колокольне!
Парень ты
или дед,
Ты тепло
одет?
Ветер трясет, сдувает
С твоей
башни,
Полетишь,
Кувыркаясь,
Вверх
тормашками!
Будешь потом потирать
Лоб,
Шапку свою искать
Под забором:
*«По-чём трес-ка?
Ру-быль-со-рок, ру-быль-со-рок!»*

Пасха

Бог
Воскресе из мертвых,
Смертию
смерть поправ.
Звёзды стоят,
как дети,
Держатся
за рукав.

Что ты о жизни
понял?
Понял, что смерти
нет.
Ночью
на колокольне
Первым встречаешь
свет.

Метель на время расступилась,
Как море Чермное когда-то,
Проходят с песнями живые
Под перезвон колоколов,

Исходят мёртвые из ада, –
Им ничего от нас не надо,
Лишь только вербы прутик если,
И запоздалую любовь.

Без рукавиц застыли руки –
Так рано нынче Воскресенье,
Ты зачерпнешь пригоршню снега,
Поднимешь выше воротник...

Вода сочится через пальцы –
Уходит, наполняет землю.
Так жизнь твоя звенит по капле,

Звонарь, ты – вечности язык!

*28 сентября – 6 октября 2013
Суздаль*

*На фестивале колокольных звонов «Лето Господне»
(Суздаль, Спасо-Евфимиев монастырь, август 2014 г.).
Слева направо: Андрей Дьячков (звонарь, Международный центр
колокольного искусства, Москва), Мария Теплякова (Суздаль,
Успенский храм), Валерий Гаранин (легендарный звонарь и
гуслиар вся Русь)*

Анна Банщикова

Россия

Поэт, переводчица, прозаик и драматург. Родилась на Кубани, выросла в Бурятии, училась в Ленинграде. Публиковалась в журналах «Нева», «Северная Аврора», «Интерпоэзия», «Иные берега» и др. Автор поэтических сборников «Тень Саламандры» (2007) и «Сестрица» (2012). Соавтор книги прозы «Утренние рассказы» (2013) и пьесы «Живет моя отрада» (2015).

Елена Оносовская

Россия

Родилась и постоянно проживает в Санкт-Петербурге, окончила математико-механический факультет Ленинградского государственного университета. Пишет прозу и пьесы. Работает учителем информатики.

Анна Банщикова

Елена Оносовская

В пьесе использованы стихи

Натальи Кошиной

ЖИВЕТ МОЯ ОТРАДА

Драма в 3-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Катерина – хозяйка деревенского дома на озере Отрадном

Бабушка (Наталья Николаевна) – мать Катерины

Аркадий – дачник, сосед Катерины, редактор журнала

Жена Аркадия – дачница

Вера – учительница, городская подруга Катерины

Улла – слабовидящая иностранная переводчица

Соня Капралова – студенческая подруга Катерины

Слава Мизгирев – участковый полицейский

Манька – жена Славы

Танька – женщина из поселка

1 действие

1 картина

21 августа, поздний вечер на берегу озера. На переднем плане гранитные валуны, дальше – догорающий костер, неподалеку стоит палатка, около костра большой накрытый стол, за которым сидят несколько человек. Фигуры и лица трудноразличимы, отблески костра лишь иногда выхватывают их из темноты. На заднем плане высокий взгорок, поросший старыми соснами, наверху виднеется дом и сад, чуть ниже банька, увитая плющом.

Вдали слышна песня «Живет моя отрада», ее поет нестройный хор только что ушедших с берега гостей, песня постепенно затихает. Слышен также лай разбуженных собак, звуки заводящихся моторов, хлопанье автомобильных дверей и голоса отъезжающих.

- Успеваем на последнюю электричку?
- Вряд ли.
- А вам куда?
- До города.
- Поехали с нами.
- Пока. Я фотки в «Контакт» выложу.
- Созвонимся.
- Как говорит Слава...
- (Вместе) И не только он! (Смеются.)

Автомобили, судя по звуку, уезжают.

Катерина. Каждый год даю себе слово, не устраивать этот национальный деревенский праздник, и все равно не получается. Звонят, приезжают, и местные приходят... А я даже рада, столько хорошего о себе слышишь... Начинаешь верить, что жизнь проходит не напрасно.

Вера. Тебе ли сомневаться...

Аркадий встает, поднимает рюмку.

Аркадий. Катя, ты – состоявшаяся женщина. Во всех смыслах. Ты воспитала чудных дочек, построила дом...

Бабушка. Допустим, дом еще Николай строил.

Аркадий. Да. Вырастила сад...

Бабушка. Сад, в основном, я сажала. Когда Катерина решила в деревне остаться, я уж на пенсии была, к ним переехала вот и занялась участком.

Жена Аркадия. И мама у тебя такая замечательная.

Аркадий. И, главное, Катюша, ты теперь не одна. Негоже такой красоте впустую цвести. Правда, Слава? Скажи что-нибудь, Вячеслав.

Слава бормочет что-то невразумительное, опасно крестясь в сторону валунов. Катерина подхватывает его.

Вера. Отстань ты от человека. Он и трезвый-то не Диоген. Давайте лучше нашу споем...

Берет гитару, играет. Все поют на мотив «Живет моя отрада».

Катюша зажигает
на берегу костер,
С гостями начинает
отрадный разговор.
Была бы электричка
и времени вагон
И встретит нас привычно
отраднинский перрон.

Аркадий опять наполняет рюмки.

Улла. А почьему никто не говорит про стихи Екатерины? Я работаю над перьеводами ее стихов и понимаю, что у нее настоящий природный талант. Спасибо Вера, что ты меня познакомила с таким прекрасным поэтом.

Аркадий. Да, да, в следующем номере «Звезды озер» я публикую большую подборку ее стихов.

Слава. Круто!

Все чокаются.

Жена Аркадия. Хочу выпить за Катю не только как за автора стихов, но и как за автора этих всех, не побоюсь этого слова, подлинных шедевров кулинарного жанра.

Бабушка. И девочки помогали, и привезли много.

Вера снова играет и поет песню, остальные подпевают:

Есть домик у Катюши
И кошки у крыльца
Они не загородят
Дорогу молодца.

Все, кроме Славы, смеются.

Бабушка. Вот Николая вспомнили, а не помянули. Давайте выпьем за мужа Екатерины. Хороший был человек. Светлая ему память!

Все, не чокаясь, выпивают в молчании.

Катерина. Мам, ты не устала? Давай я тебя домой отведу.

Жена Аркадия. Оставайтесь с гостями, Катенька. Нам все равно уже пора. Мы проводим Наталью Николаевну.

Бабушка, Аркадий и его жена уходят по тропинке наверх к дому.

Вера (*Глядя вслед уходящим*). Кать, а ты знаешь, она уговаривает Аркадия продать дачу.

Катерина. Может, узнала, что вы тут встречаетесь?

Вера. Что-то чувствует...

Улла. Продать? Но здесь так красиво.

Катерина. Когда я, студенткой, приехала сюда в гости к подруге, сначала влюбилась в этот волшебный берег, а уже потом встретила тут Колю.

Улла. Да-да, именно волшебный. Настоящее Берендеевское царство. Вы, Катя, тут как в сказке живьете. Тишина, свежий воздух, экологически чистые продукты.

Вера. И не говори... сказка. А ты знаешь, какая у Славы фамилия? Мизгирев.

Улла. О, Мизгирь!

Слава (*удивленно*). Ну, я Мизгирь.

Слава тянется за бутылкой.

Катерина. Хватит, Слава. Пошли уже.

Катерина помогает ему подняться, уводит Славу наверх, в дом.

Костер гаснет, сгущается тьма, внутри палатки ненадолго загорается свет, звучит фраза: «Мизгирь... ошибка Катерины» и смех. Затем все стихает. Сквозь облака едва проглядывает луна. Становятся отчетливо слышны вечные звуки природы: биение волн о берег, тревожные крики ночных птиц, шум ветра. Луна равномерно освещает все окружающие предметы, от чего стол и палатка словно уменьшаются.

2 картина

Утро на берегу озера. Аркадий в шортах, с полотенцем бодро спускается к озеру, проходит мимо палатки.

Аркадий. Девчонки, подъем! Кто со мной купаться?

Из палатки появляется заспанная Вера, за ней выползает Улла, ищет и быстро находит свою белую тросточку. Аркадий на ходу целует Веру, спускается к воде.

Вера. В такую погоду пусть жена твоя купается.

У Аркадия звонит телефон.

Вера. Легка на помине.

Аркадий (*отходит в сторону*). Да, дорогая. Уже? А я решил к тете Шуре пробежаться. Как зачем? Козьего молочка тебе купить. А творожок хочешь? Живот болит? Ну, я сейчас прибегу. Ах, эти застолья... майонез, сдоба, водка-селедка... Уже ехать? Зачем так рано? У меня голова раскаляется... Ну ладно, сейчас приду, поедем.

Вера. Ну, давай, беги. Смотри, не споткнись.

Аркадий. Я позвоню. До свидания, Улла.

Аркадий быстро уходит. Вера и Улла начинают собирать свои вещи, сворачивать палатку. Погода стремительно портится.

Вера. Что, Улла? Как продвигаются твои исследования?

Улла. Удовлетворительно. Именно наблюдения вашей действительности помогают мне понять русскую литературу.

Вера. Ну, конечно, «Колдовское озеро... все влюблены».

Улла. Только я не очень понимаю насчет Аркадия. У вас с ним хороший секс?

Вера. У нас с ним не секс, Улла. У нас с ним любовь.

Улла. И ты за это на него сердишься?

Вера. Просто я не могу выносить ложь, а он постоянно врет... и мне и ей.

Улла. А может он как у Достоевского князь Мышкин – обеих любит?

Вера (*смеется*). Идиот, Улла, не всегда князь.

Наверху шум, кричит и ругается незнакомая женщина, слышится звон разбитых в несколько приемов стекол. Затем сверху очень быстро сбегает худая женщина, потрясая кулаками и оглядываясь в сторону Катериного дома.

Улла. Какие проблемы у этой женщины? Я не понимаю, что она говорит.

Вера. Эта не переводится. Бедная Катя!

Вера все бросает, бежит вверх к дому. Мимо нее, на велосипеде проезжает Слава – в трусах и пиджаке.

Слава (*кричит вслед убегающей женщине*). Таня, ты все не так поняла! Это не то, что ты думаешь!

Улла выставляет ладонь, понимает, что начинается дождь, взваливает на себя собранную палатку, гитару, баул с вещами и медленно идет по направлению к дому, ощупывая дорогу палочкой.

3 картина

Комната дома Катерины. Окна выбиты, пол и мебель засыпаны осколками оконных стекол, на столах и на полу несколько булыжников, в доме все перевернуто вверх дном. Бабушка сидит на диване, Катерина бинтует ей голову.

Бабушка. Вот до чего любовь ваша доводит.

Вера. Она что, бабушку ударила?!

Катерина. Толкнула, мама стукнулась о печную заслонку.

Вера (*достает телефон*). Давайте скорую вызову?

Бабушка. Да пока она доедет... Когда Коля от сердца помирал, и то через 5 часов приехали.

Катерина. Может, Аркадий маму до больницы довезет?

Вера. Они уже уехали.

Бабушка. Никуда я не поеду все равно. Кате сегодня на работу, а дом весь настежь.

Вера. Этот Ромео на твоём велосипеде укатил? Красота.

Катерина. Вера, вы не торопитесь? Поможешь мне прибраться?

Вера. Это что, Славкина Танька из поселка примчалась?

Бабушка. Она в дом ворвалась ни свет, ни заря. Как Славку в постели увидала, все в доме крушить начала. Вот и меня уронила. А потом на улицу выскочила и окошки все побила...

Вера (*выметая осколки стекол*). Я всегда тебе говорила...

Порывом ветра занавески задувает внутрь комнаты, раздается гром, сверкает молния, в окна льются потоки дождя. Катерина поднимает и ставит на места книги и уцелевшие вещи.

Вера. Не связывайся ты с этими людьми! Он же тебе вот... до щиколотки...

Катерина. С какими, с этими? Что ты говоришь, Вера?

Вера. Я говорю, что ты забываешь, что ты образованная, талантливая женщина, красавица... А занимаешься только тем, что устраиваешь их жизнь, договариваешься с какими-то автолавками, добываешь всем дрова, привозишь пенсии...

Катерина. Я не понимаю, причем здесь это? Я помогаю людям, у них тяжелая жизнь, и вообще, это моя работа.

Вера. Твоя работа – сидеть в конторе и цифры считать... Жизнь у них тяжелая? А у тебя – легкая! До сих пор вручную стираешь. И этого... еще себе на шею взвалила!

Катерина. Хорошо, что девочки ночевать не остались и этого позорища не видели.

Бабушка. Все равно узнают, люди-то добрые...

Вера. Ты с ними нянчишься день и ночь, а кто-то из них не поленился Таньке доложить, где ее Слава теперь живет.

Катерина. Она его сама выгнала.

Вера. Чтоб милиционеру и негде было жить? Знал он, на что тебя, дуру, взять. А Танька выгнала, потому что думала, никому не нужен, сам притащится. Они только этим и живут. Если б ты слышала, что о тебе за твоим же столом втихаря бабы говорили!

Катерина (садится, закрывает лицо руками). Боже, какой стыд.

Бабушка. Ну, Вера, ты уж слишком... Если Танька бандитка, столько добра испортила, не значит, что все такие... Николай тоже простым деревенским шофером был...

Вера. А я ничего и не говорю про Николая. Не знала его.

Бабушка. Вон, какие девочки хорошие получились...

Вера. У Катерины от любого были бы прекрасные дети.

Бабушка. Да где они, любые-то?

Катерина. Как мог он уехать... в такой момент?

Гроза подошла настолько близко, что отчетливо видна вспышка молнии, почти одновременно слышен пушечный удар грома. Порыв ветра снова втаскивает в дом занавески.

Вера. Ты что думаешь, он человек? Он просто чучело огородное, ни чести, ни совести... А туда же! Воображает, что может быть рядом с порядочной женщиной.

Катерина. Это уж мне видней, человек он или нет. По какому праву ты разделяешь людей? Перед Богом все равны.

Вера. Так то – перед Богом. Ты-то тут причем? Что думаешь, у него любовь к тебе? Сколько раз тебе говорила, любить могут только развитые люди, с душой, с интеллектом, у остальных это по-другому называется.

Катерина. Кажется, в Евангелии ничего про интеллект не сказано...

Вера. А ты знаешь, что этот Слава в твоём же доме ко мне приставал? Урод.

Бабушка. Да не кричите вы... У меня что-то в голове поплыло.

Катерина плачет, одновременно кидается за лекарством, с трудом находит не разбитую чашку, капает корвалол, дает матери лекарство.

Вера. Уехал, потому что около Таньки ему самое место. Он же дурак. Да любой мой ученик по сравнению с ним Спиноза. Катя, не вздумай только жалеть о нем. Ты его придумала. В стихах своих придумывай...

Бабушка (выпив корвалол). Вера, не шуми ты так. Дом деревенский без мужика тоже не дело. Он нам плиту газовую поставил, крышу починил вот.

В это время с потолка начинает течь вода.

Вера. Ага! Это прямо про него сказано: Если руки золотые, то неважно, откуда они растут.

Катерина выбегает, возвращается вместе с Уллой, несет таз и часть вещей, которые были у Уллы. Подставляет таз под струи воды, льющиеся с потолка.

Улла. С добрым утром.

Вера. Если это утро доброе, то каков же будет вечер.

Бабушка. Улечка... Как вам, девки, не стыдно. Бросили больного человека в грозу на берегу.

Улла. Наталья Николаевна, не беспокойтесь, я вполне самостоятельна.

Катерина. Улла, идите осторожней, тут был погром.

Улла. Погром? Здесь что, окна выбиты?

Улла спотыкается о странный предмет на полу. Ощупывает его белой палочкой.

Улла. Что это?

Катерина поднимает бюст Вольтера.

Катерина. Это Вольтер.

Улла. Он цел?

Катерина. Что ему будет. Хотя... нос откололся.

Улла. Вы вызвали полицию?

Вера. Полиция укатила на Катинем велосипеде. Кать, в контору-то опять пешком ходить придется. Десять километров туда – обратно.

Улла. Слава?!

Вера. Слава Мизгирев и есть здешний участковый. Сюда вломилась его бывшая сожительница. Представляешь, захожу, а Наталья Николаевна как Щорс: голова обвязана, кровь на рукаве.

Улла. Щорс? Гражданская война? А кого же тогда вызывать?

Катерина поднимает с пола электрочайник, наливает воды, включает в розетку.

Катерина. Давайте лучше чаю попьем. Улла совсем промокла. Кажется, чайник уцелел. Нет, не выйдет, электричество пропало. От грозы, наверное.

Вера. Ну и энергетика у этой Таньки! Я печку затоплю.

Спички гаснут от ветра из окна. Катерина берет прозрачную коробку от торта в виде сердца, пытается заделать ею дыру в окне.

Катерина (переворачивает коробку, смеется). Смотри, Вера, так – сердце, а так – задница.

Вера. Ну, наконец-то, дошло.

2 действие

1 картина

Та же комната в доме Катерины. Начало марта. За окнами снежные сумерки. Бабушка лежит на диване, Катерина хлопочет у плиты. В доме пахнет пирогами.

Катерина. Мама, а ты помнишь Соню Капралову? Я ее случайно в городе встретила.

Бабушка. Сонечку? Которая с тобой училась? И где она сейчас?

Катерина. Мам, это ведь она и есть. Переодевается в комнате. Я так и поняла, что ты ее не узнала.

Бабушка. Это ж такая куколка была. Глазищи зеленые, рыжие косы. И стихи вместе с тобой писала... Ой, время, время... Тебя-то я каждый день вижу, и то замечаю, выглядишь неважно.

Катерина. У Сони только что муж умер. Пьяный под машину попал.

Бабушка. Беда. А дети есть?

Катерина. Да, дочка, но, кажется, она с Соней не общается.

Бабушка. Как это?

Катерина. Все по-разному живут, мама.

Бабушка. Ну, хоть учится-то где?

Катерина. Нигде не учится. В парикмахерской работает, ногти наращивает.

Бабушка. Вот тебе на! Люди их стригут, а она наращивает. Ох, и чудная жизнь стала...

Раздается шум подъехавшего автомобиля. Катерина смотрит в окно.

Катерина. Ой, девчонки на такси разорились.

Бабушка. Это еще повезло, что Андрей Анисимыч – ветеран. Ради его похорон дорогу расчистили. А то было бы им такси.

В дом входят веселые, запорошенные снегом Вера и Улла.

Вера. Ой, как пахнет пирогами... Здравствуйте, Наталья Николаевна, хорошо выглядите. Вот я к вам Уллу привезла, пусть посмотрит, как мы тут Масленицу празднуем.

Бабушка. Куда там хорошо, мне уж помирать пора.

Вера. Да вы всех нас переживете, и на поминках еще свои знаменитые пирожки печь будете.

Бабушка. Ишь ты, какая хитрая. Все – я. А мне – кто? В очередь давай.

Катерина меняется в лице.

Вера. Ничего не знаю. Вот вам новый фартук, а Катерине – платок павло-посадский. Все женихи ее будут!

Бабушка. Уж дети взрослые, а вы все про женихов. А ты своего-то сыночка, что же не привезла?

Вера. Привезешь его! У него теперь свои развлечения, от компьютера не оторвать.

Бабушка. Ты гляди, к добру ли это... Вот наша старшая тоже за компьютерщика вышла, теперь за границей хотят работать. Так и не увидимся больше.

Катерина. Мама, это еще не решено.

Улла. А вы делаете соломенное чучело, чтобы зиму проводить?

Вера. А как же, каждый год сжигаем то, с чем хотим распрощаться. Только вместо соломы газеты всякие, бумаги. Я тут кое-что привезла. Мы здесь уже много лет такую большую куклу делаем, наряжаем ее в устаревшие наряды...

Открывается дверь, на пороге появляется Соня в пышном шифоновом платье, на каблуках, с распущенными жидкими волосами и становится в позу куклы. Всех поражает контраст между ее праздничным видом и лицом сильно пьющей женщины.

Вера (весело). О! Вот и делать ничего не надо!

Катерина (строго). Вера! Познакомьтесь, эта моя лучшая студенческая подруга Соня. Соня, это Вера и Улла.

Бабушка (примирительно). Пусть каждый как хочет.

Соня. Улла в смысле Ульяна?

Катерина. Улла в смысле Урсула.

Соня. Ааа...

Бабушка. Ну, кушайте тут пирожки, чай пейте, не буду вам мешать. Устала что-то. Катюша, проводи меня.

Катерина помогает матери подняться и уводит ее в дальнюю комнату, откуда только что вышла Соня. Гаснет свет.

Та же комната. За окнами темно, идет снег. Женщины, сидя на полу, мастерят чучело Масленицы: Улла набивает старые колготки скомканными газетами, Соня шьет круглый мешочек (голову), Вера рассматривает какие-то бумаги, Катерина перебирает вещи, лежащие на полу кучей, поднимается.

Катерина. Для основы нужны старые лыжи. Пойду, принесу из сарая.

Надевает тулуп, висевший у двери, накидывает платок, выходит.

Вера. Улла, ты знаешь, Катерина очень плохо выглядит. За эти полгода так похудела!

Соня. Мы с ней около больницы встретились. Я вещи мужа забирала.

Начинает вдруг плакать.

Улла. Соня, у вас что, умер муж? Мы очень сочувствуем.

Вера. Подожди, а Катерина зачем туда приезжала?

Соня перестает плакать так же неожиданно.

Соня. Она не говорит.

Улла. Вера, ты думаешь, что с Катериной что-нибудь серьезное?

Входит Катерина, берет фонарик на резинке, надевает его на голову поверх платка.

Катерина. Лыжи кончились. А ведь было когда-то четыре или пять пар, на всю семью. Пойду какую-нибудь палку поищу в лесу, на что наряжать-то.

Вера. Не надо. В этом году предлагаю сделать мужика. Сожжем бесхребетного!

Катерина (раздеваясь). А как мы его установим? Он же падать будет, как пьяный. Хотя, пьянство тоже надо сжечь, это большой порок.

Улла. Не сжигайте пьяницу. Пьяницы – это поэты.

Вера. Не всегда.

Соня опять начинает плакать, Катерина ее отводит в сторону, утешает.

Соня (всхлипывая). Он меня кормил, он меня поил...

Вера (тихо). В основном, видимо, поил. (Громко) Все! Разброд и шатания прекращаем, и – за дело. А то до утра не управимся. Посмотрите, девочки, что у меня есть для нашего красавца.

Достает из сумки и надевает на нижнюю часть туловища куклы мужские трусы. Все смеются.

Вера. Катя, неси Славкины брюки, носки. Не выбросила еще?

Катерина уходит и быстро возвращается с вещами.

Катерина. Вот еще мамина рубашка, в которой она болела.

Вера. А пиджачок у него будет мой, учительский. Нет больше сил преподавать, девочки. Ну, невозможно за два часа литературы в неделю что-то в головах изменить. Это общество потребления уже так достало,

иногда просто хочется иметь пистолет. Все, заканчиваю этот учебный год и покидаю корабль народного просвещения.

Катерина. А куда пойдешь, к Аркадию в редакцию?

Вера. Да ты что! Его жена из-за меня такой дом по дешевке продала. Страшно подумать, что с журналом будет, если я там появлюсь. Не знаю куда пойду, летом посмотрим.

Соня. Бумага кончилась.

Катерина. Подожди, не зашивай, черновики положу.

Соня (*рассматривая бумаги*). Ты все еще стихи пишешь?

Катерина. Не так часто как раньше.

Улла. Поэзия ценится не за количество. Вы знаете, Соня, у нас с Катериной будет книга на двух языках. Ее стихи и мои переводы.

Соня. О, как!

Катерина. Как думаешь, к лету выйдет? Хоть бы уж поскорее...

Соня пришивает голову к туловищу. Вера подает ей нижнюю часть куклы.

Вера. Соединяй.

Соня пришивает.

Вера. Ой, чуть главное не забыла. (*Достает свернутые в трубочку и перевязанные ленточкой записки*) Любовные послания... А теперь угадайте, куда я их засуну?

Дает потрогать Улле.

Улла. О, нет!

При общем хохоте Вера запихивает их в штаны Масленицы.

Катерина. Ты каждый год говоришь, что с Аркадием все закончено.

Вера. Говорить – одно, а сжечь – совсем другое дело. (*Усаживает куклу на табуретку около двери спиной к стене*). Ну что, приговоренный! Осталось тебе подобрать только обувь, перчатки и головной убор.

Чучело сидит, свесив голову на грудь.

Соня. Как страшно... Он как будто знает, что мы его сжечь хотим.

Катерина роется в шкафу.

Катерина. Сейчас, Вера, найду что-нибудь. Вот перчатка рваная. Но, кажется, только одна.

Вера. Ему хватит. (*Надевает перчатку*.)

Катерина. Шляпа соломенная пойдет?

Вера. Да ты что? Такие шляпы в арт-салонах продаются, а ты сжигать собралась. Летом еще пригодится.

Катерина. Это уже вряд ли... Ну, тогда кепочка вот такая. Не знаю чья, может соседская когда-нибудь заблудилась.

Вера. А вот кепочка хороша. (*Примеряет ее на чучело*) Слушай, он в ней прямо милитарист какой-то.

Соня. И правда... на фашиста похож. Вы как хотите, а я тут спать не буду.

Улла. Фашизм это очень плохо. Войну надо сжигать.

Катерина. Ладно, не бойся. Мы его на ночь в баньку вынесем, пусть там до утра побудет. А то действительно, кто-нибудь по нужде пойдет, да испугается спросонья.

Вера. А сапожки, Катя, я тут у тебя в коридоре подходящие для него видела, на стоптанных каблуках. По ним давно Масленица плачет.

Соня. Если серые коротенькие, то это мои.

Катерина. Сонечка, не обижайся, пожалуйста. У меня для тебя лучше найдутся, ты даже выбрать можешь. Моя старшая дочка такая щеголиха, чуть не каждый год сапоги меняет. У тебя ведь маленький размер?

Катерина уводит Соню в коридор.

Вера. Неужели они когда-то вместе учились? Даже не верится.

Улла. А чьем занимается Катина подруга?

Вера. Думаю, последние лет десять ничем.

Улла. Ей могут помогать социальные службы?

Вера. Это вряд ли... У нас спасение утопающего дело рук другого утопающего.

Катерина и Соня возвращаются. Катерина обувает чучело в бывшие Сонины сапоги и продолжает рассказывать.

Катерина. Приезжал тут недавно из Америки Толик Рабкин. Собирает всех наших. Помнишь его? Он и раньше такой был, смуглый, губастый... А сейчас и вовсе стал на Обаму похож. Я ему говорю: «Молодец, нос по ветру держишь».

Соня. Обама... А кто это?

Общее потрясенное молчание. Через некоторое время Катерина и Вера начинают давиться от смеха.

Улла (с восхищением). Соня, вы очень интересный человек!

Катерина (Вере и Улле). Ну, нет у интересного человека телевизора. А в женских романах о политике не пишут. (Соне) Это президент Америки, Сонечка.

Соня. Что-то они часто меняются.

Все, в том числе и Соня, смеются, постепенно успокаиваясь и замолкая.

Вера. Катюша, прочитай нам что-нибудь.

Соня. Да, Кать, почитай свои стихи.

Катерина. Девочки, как хорошо, что вы приехали...(читает)

* * *

Вам, за мою любовь меня любившим,
Еще не ведавшим, как жизнь горька,
Так безоглядно, искренно дарившим
Все, чем бурлила юности река,

Все, чем душа беспечная дышала,
Чем щедрая рука владела – вам,
С кем первые рассветы я встречала,
В закатный час долги свои отдам.

Из чистых родников мы пили вместе.
Не поддавались подлости и лести.
Как преданно, восторженно дружили!

...Всему, что рождено, грозит распад.
И мы уйдем. Но вам, за то, что были,
Я посвящаю этот снегопад.

2 картина

Заснеженный двор между Катерининым домом и банькой, вдалеке калитка. Очень далеко лают деревенские собаки. Идет редкий снег. С крыльца дома спускается женщина в тулупе и платке и пьяный мужчина. Она одной рукой подхватила пьяницу подмышки, а другой придерживает на своем плече его болтающуюся голову. Аркадий направляется к дому Катерины, но, заметив парочку, прячется за угол баньки.

Аркадий. Это что же, Катерина опять со Славкой? Вот женщина! И куда же они теперь? А, в баньку... ну, конечно, в доме-то гости. Везет дураку.

Парочка заходит в баньку. Аркадий хочет пройти к дому, но у калитки видит Славу в милицейском полушубке и прячется опять.

Аркадий. Ну, дела... А кто же это с Катюхой-то?

Женщина в тулупе выходит из бани и направляется в дом.

Слава (робко). Здравствуй, Катя, дорогая.

Вера. (подходит к калитке). Кто здесь? Ах, это ты.

Слава. Вера?

Аркадий (в сторону). Вера! А в бане тогда кто?

Вера. Это кто тебе здесь дорогая? Дорогая у тебя, Слава, недавно из тюрьмы вернулась.

Слава. А тут все бесплатные? (смеется.) Катю позови.

Вера (громким шепотом). А ну, пошел отсюда! Я тебе сейчас такую Катю покажу, что тебя твоя благоверная не узнает.

Слава. Зря вы так, Вера. Я, может, и не собираюсь больше с Манькой жить.

Вера. А с кем ты собираешься?

Слава. Не правильная вы женщина, Вера. Жить надо с тем, кого любишь.

Вера. Поучи еще меня, Песталоцци!

Слава. Вы же учительница, а как выражаетесь... Нехорошо.

Вера. Если ты еще раз здесь появишься, предупреждаю, я этот дом, который твоя уголовница прикупила, (Вера показывает на дачу Аркадия) подожгу.

Слава. Мне угрожать? Да вы знаете кто я?!

Вера. Я всегда знала кто ты, Слава.

Слава. А может, я уже осознал.

Вера. Это после того, как Манька объявилась, а Танька от страха сбежала неизвестно куда?

Слава. Да. Я понял, что Катерину люблю, она не такая как они.

Голос Катерины. Вера, кто там?

Вера (*приоткрыв дверь в дом*). Это тетя Шура. Спрашивает, пойдем ли завтра с горы кататься, на блины приглашает! (*Славе шепотом*.) Да у тебя даже органа, которым любят, никогда не было.

Слава. Чтооо?! Это тебе Катька такое сказала?!

Вера (*смеясь*). Я, вообще-то, о душе... Да что с тобой разговаривать!

Уходит в дом, хлопнув дверью.

Слава некоторое время возмущенно маячит у калитки, но войти не решается и, наконец, уходит.

Аркадий. Ну, бабы! Всем от ворот поворот. А кто все-таки в баньке-то?

Осторожно открывает дверь в баньку и заходит. Тут же вылетает оттуда спиной и падает, споткнувшись.

Аркадий (*испуганно*) Висит кто-то... Этого еще не хватало!

У Аркадия в кармане звонит телефон.

Аркадий. Да, дорогая. Подъезжаешь? Через сколько? Да собрал я уже вещи, собрал.

3 картина

Катеринин двор. Солнечное утро последнего дня Масленицы. Из дома выходят Вера, Соня, Улла и Катерина. Все нарядные, в разноцветных платках. Катерина идет в баньку за чучелом и санками. В это время во дворе появляется Слава.

Вера (*угрожающе*). Ты опять здесь?

Слава (*козыряет*). Лейтенант Мизгирев. Получен сигнал, что из этого дома ночью выносили труп.

Вера. Чего только не придумает, чтобы праздник людям испортить.

Слава. Соседка, Александра Максимовна Козлова, сообщила, что в 12-том часу ночи видела, как кто-то нес через ваш двор бездыханное тело человека.

Улла. Бездыханное? Она это видела?

Вера. Тете Шуре как всегда не спится. Улла, знаешь какая у нее кличка? Последние известия. (*Славе*.) Да это я чучело в баню относил.

Слава. Чучело? Предъявите.

Из бани выходит Катерина с санками, видит Славу, останавливается.

Вера. Слушай, иди отсюда, пока я из тебя самого чучело не сделала.

Соня. Вера, ну зачем грубить товарищу милиционеру?

Слава. Господину полицейскому.

Соня (*кокетничая*). У вас такое прекрасное чувство юмора.

Катерина. Вера, ты куда его положила?

Вера. Я его на крюк повесила.

Катерина. Его там нет.

Все, кроме Славы. Как нет?!

Вера идет в баню.

Слава. Разберемся.

Соня. А вы, товарищ майор, со всеми можете разобраться?

Слава. Можно просто, господин офицер.

Вера возвращается из бани.

Вера. Действительно нет... Странно.

Улла. Может быть, кто-то шутит?

Слава. Похищение? Разберемся.

Вера. Вот иди и разбирайся.

Слава нехотя идет к калитке. Проходя мимо Катерины, он останавливается.

Слава. Катя, прости...

К ним подбегает Соня.

Соня. А как же мой вопрос, товарищ милиционер?

Слава. Господин полицейский.
Соня (смеется). Ну, разумеется.
Слава. Так в чем вопрос?

Катерина отходит от них к Вере и Улле, которые обсуждают исчезновение чучела.

Соня. Я живу в городе. Понимаете, после смерти мужа...
Слава. Так...
Соня. После смерти мужа у меня возникли страшные проблемы.
Слава. А именно?
Соня. Меня хотят выселить из нашей квартиры. Говорят, что я там не прописана.
Слава. Телефон.
Соня. У меня нет телефона.
Слава. Адрес.
Соня. Улица Народная, дом...
Вера. Соня!
Катерина. Вера, не трогай ты ее.

Слава записывает адрес.

Слава. Разберемся.

Козыряет и уходит. Соня очень довольная возвращается к подругам.

Соня. Какой бравый молодой человек.
Вера. Ты хоть знаешь, кто это?
Катерина. Не надо, девочки. Садись в санки, Соня, съедем к озеру. Не бойся, я впереди.

Садятся и едут с горы. Соня визжит.

Вера. Катание с гор в Масленицу – это наша национальная забава. Символизирует грехопадение. Снег такой липкий... Раз чучело украли, давай хоть снеговика, что ли, слепим.

Улла. Но кому нужна чужая кукла?

Вера начинает катать снег, Улла трогает ком белой тростью.

Вера. Может быть, Манька утащила? Да она еще, вроде, не въехала. Послал Катерине Бог соседку. Пять лет от нее в деревне все отдыхали.

Улла. А за что жена Славы была заключена в тюрьму?

Вера. Да одну его зазнобу покалечила. Обухом по голове. У той глаз и вытек.

Улла. Зазнобу? Обухом?

Улла в ужасе закрывает лицо свободной рукой и садится прямо на снежный ком.

Вера. А ты как думала? Перетягивание мужика это у нас экстремальный вид спорта.

Внизу слышен шум народного гуляния, песни, веселые голоса. Катерина поднимается к ним с санками.

Катерина. Пойдемте к озеру, там Масленицу жгут.

Улла и Вера (хором). Нашу?!

Катерина. Нет, бабу.

Вера. Улла, хочешь съехать? Не боишься?

Улла. У вас тут очень весело жить, Катя.

Решительно усаживается в санки, складывает палочку и едет с горы. Улла визжит.

Вера (кричит). Соня, лови Уллу!

Катерина. Да, жить весело... Знаешь, Вера, сегодня мне не только Славу, всех простить надо. Может и хорошо, что чучело украли?

Вера. Или оно само сбежало... в Сониных сапогах.

Катерина. Это, наверное, последняя моя Масленица. Последняя, Вера.

Вера внимательно смотрит в лицо Катерине. Начинается сильный снегопад.

3 действие

1 картина

То же место на берегу озера, что и в начале. 21 августа, полдень. День ясный и теплый, волны лениво, с тихим шипеньем накатываются на берег, на воде играет солнечный свет. На берегу озера стоит палатка, деревянный стол. Мимо палатки идет Вера с большим полиэтиленовым пакетом, она только что ездила в магазин. Останавливается у стола, выкладывает продукты, ставит бутылку вина. Из палатки слышен голос Аркадия, Вера прислушивается.

Аркадий. Да, дорогая. Рано встаешь? Правильно, в Турции так и надо, а спать лучше днем в жару. А я на экскурсии в Изборске. Здесь страшный ливень. Красиво?.. Пожалуй, да. Но дождь и экскурсовод портят все дело. Экскурсовод, да, не ахти... Уровень низкий, к тому же картавит, в пафосных моментах просто смешно... Скучаю... Хорошо... Да... А как ты себя чувствуешь?.. Не загорай много... Целую... Пока...

Вылезает из палатки, видит улыбающуюся Веру.

Вера. Красиво говоришь.

Аркадий. А... привет! Ну вот, я опять выгляжу как клоун...

Вера. Вовсе нет. Это просто твоя жизнь.

Аркадий. Ты быстро обернулась. Гнала, наверное?

Вера. Долго ли тут ехать на хорошей машине? Еще дорога была бы... Держи (*передает Аркадию ключи от автомобиля*). Спасибо за прокат.

Аркадий. Ты крута. А вот моя жена права получила лет десять назад, а одна боится ездить.

Вера. Не ерунди, просто у нее такая политика, и ты прекрасно об этом знаешь.

Аркадий. Опять обличаешь?

Вера. Уже нет. Я знаю, что тебя надо беречь. Вот, посмотри, что я купила.

Вытаскивает резиновые сапоги, показывает. Они вместе садятся на бревно.

Аркадий. Резиновые сапоги? Мне?

Вера. Ну, будешь за грибами ходить. Главное в них знаешь что? Что они сделаны во Пскове! Читай! Пусть кто-то попробует усомниться, что ты там был.

Аркадий. Чудеса.

Вера. И еще вот. Смотри. Это образок.

Аркадий с удивлением берет медальон, читает.

Аркадий. «Святая мученица Фотиния»?

Вера. Ведь твоя жена под этим именем крещена? Это будто бы ты из Изборска привез. Прав Толстой: «Настоящие мудрецы путешествуют, не мараю своих ботинок».

Аркадий. Ну, ты даешь! Ты научилась говорить неправду, Вера?

Вера. Положим, неправду будешь говорить ты. Но твой инфаркт и меня кое-чему научил.

Аркадий. Знаешь, санитарка в больнице говорила, что инфаркт поражает тех, кто бросает жен, а инсульт – неверных мужей. Невеселый у мужиков выбор... (*смеется, обнимает Веру*).

Сверху слышны какие-то голоса, лай собаки. Вера вскакивает, отходит от Аркадия подальше.

Вера. Мне все время кажется, что она рядом. Наблюдает из кустов и вот-вот нагрянет.

Аркадий. Наш дом продан. И, потом, она в Турции.

Вера. Ага, как ты в Изборске.

Аркадий. Вера, это исключено. Она может быть где угодно, но она не нагрянет. Если она нас застукает, придется что-то решать. А ей это не надо. Она очень мудрая женщина.

Вера. В народе это называется хитрая баба.

Аркадий. Знаешь, почему я развелся с первой женой?

Вера. Знаю. Она не могла иметь детей. А эта поймала тебя на ребенка – тоже вполне народный трюк. Только не надо мне опять говорить, что у вас не настоящая семья, а кооператив по воспитанию сына.

Аркадий. Но почему ты не веришь?

Вера. Да потому что ребенка вы запустили. Если бы на самом деле занимались воспитанием, а не... Чего ты теперь от него хочешь? Когда я его видела, еще в самом начале, такой был славный мальчик.

Аркадий. А ты своей вины в этом не чувствуешь?

Вера. Ну, знаешь... Это уж с больной головы на здоровую.

Аркадий. И что теперь с ним делать?

Обнимает Веру.

Вера. Теперь – не знаю. Ты же никогда мои советы не слушал. Только вот единственное, что Катю напечатал, и на том спасибо.

Аркадий. Когда я начинаю тебя слушаться, жена сразу понимает, откуда ветер дует. Да хватит тебе меня потрошить. Лучше скажи, ты насчет своей новой работы опять не звонила?

Вера. Нет. Да глупости это все. Куда я денусь с подводной лодки?

Аркадий. Учительница ты моя.

Целуют Веру.

Вера. Аркаша, а ты никогда не замечал, что как только ты заговариваешь о сыне, начинаешь обнимать меня. И наоборот, как только начинаешь меня обнимать, я знаю, что сейчас заговоришь о сыне.

Аркадий. Неужели?

Вера. На самом деле ты любишь только его.

Аркадий. Странно. Но без тебя я тоже не могу, Вера. Без тебя мне... страшно. Без тебя у меня сердце болит, мне дышать нечем. Без тебя я живу поросший пустословьем, лестью, дежурными остротами, приличиями, привычками и прочей такой дрянью. Мне нужны эти часы с тобой, чтобы я вспоминал, кто я, каким я был.

Вера. Часа два в неделю хватает подышать?

Аркадий. Пусть, два часа. Но без этого глотка я умру. Не бросай меня, Вера.

Вера. Я и не бросаю.

Аркадий. А что же сделала, что ты сделала этой весной?

Вера. Пыталась бросить. Но ты подумай, Аркашка, ты же мне каждый год, каждый год, обещал, что проведем вместе дней десять, ну минимум неделю... Но только вместе, только вдвоем... Разве это так сложно было сделать? Я не просила многого, но ты семь лет, семь! Не мог этого сделать.

Аркадий. Да, я все откладывал на потом. Думал, впереди куча времени...

Вера. Да не сам ты откладывал, не сам думал. Как будто я не знаю.

Аркадий. И тут этот инфаркт... Брр...

Вера. Больно было?

Аркадий. Не особо. Но как-то обидно, что ли. Жизнь наша, оказывается, на ниточке держится. Я почувствовал себя Каштанкой, из которой скоро выдернут этот лакомый кусок... И первое, что я твердо решил (когда

понял, что еще могу что-то решать...) это то, что мы проведем с тобой эти десять дней вместе. Во что бы то ни стало, проведем.

Вера. Я, кстати, не думала, что ты согласишься на палатку.

Аркадий. Я сам от себя такого не ожидал. Но когда выяснилось, что у Кати дом взорвался... Какой вообще кошмар с Катей.

Вера. Да, и главное, все из-за чего... так глупо. Красивый, талантливый человек живет среди людей, которые этого даже оценить не могут. Зачем все это было? Почему, если жить по сердцу, все должно закончиться так страшно и так рано? Как будто урок нам всем преподали: если не гордиться, не лицемерить, не трусить, не приспособливаться, жизнь за это накажет.

В это время сверху раздаются крики Маньки.

Манька. Люди добрые, вы только посмотрите! Ни стыда, ни совести, вы только посмотрите!

Аркадий и Вера вскакивают с бревна.

Манька. Это что ж такое, я вас спрашиваю?!

Манька выбегает с чучелом на плече. Аркадий и Вера удивленно смеются.

Манька. Что молчите? Что это вы в доме держали а, Аркадий Михалыч?

Бросает чучело на землю, пинает.

Вера. Маня, это же... Масленица. Есть такой народный обычай, на Масленицу делать чучело зимы.

Манька. Тоже мне, народные обычаи у них... И смех, и грех. А чего же это не баба, а мужик тогда?

Вера. Это баба, просто юбки не нашлось подходящей. Стали делать, да юбки не подобрали. Вот и не сожгли.

Манька. А... А чего у Михалыча в доме? В моем, то есть, теперь доме. Открываю чулан, а он на меня и валится!

Вера и Аркадий смеются.

Вера. Праздновали просто вместе.

Манька. Ну... Вы прям одной семьей живете, оно и видно.

Аркадий. Да, мы дружим домами. Кстати, как вы узнали, что я здесь?

Манька. Смешно... Мил человек, я что, слепая? Машина, тем более, стоит. Весь народ знает, что у Катки вечно блуд да разврат... Я вот рядом живу теперь, положу этому конец.

Аркадий. Чему именно?

Манька. Скоро увидите. Мизгирь-то мой не у вас?

Вера. Вот уж кто точно не у нас, так это он.

Манька. Опять загулял подлец! Представляете?! Во кобель-то. Найду его очередную... ох... мне терять нечего. Так что лучше ей сразу... самой в землю врыться... Забирайте свой хлам, мне он в хате не нужен.

Отбрасывает от себя ногой чучело.

Манька. Пойти к тетя Шуре узнать?

Быстро уходит, подозрительно поглядывая по сторонам.

Вера. А вот теперь, Аркадий Михайлович, объясните, что у вас в доме делало наше чучело?

Аркадий. Нет, это вы Вера Георгиевна объясните, с какими-такими ритуальными целями вы в марте сего года изготовили и повесели на крюк в бане макет мужнины?

Вера. Нет, ну, правда, мы даже испугались, когда чучело пропало. Зачем ты его взял? Что за ерунда?

Аркадий. Я пришел, а он висит. Смотрю – чучело, но тоже странно, согласись? Совсем, думаю, рехнулись бабы. Вуду занялись или еще чем похуже. От вас, таких свободных, всего можно ожидать. Ну, я его снял и хотел рассмотреть. Я в тот день с тоски выпил, и мне казалось...

Вера. И что?

Аркадий. А то, что всегда. Жена позвонила. Сказала, что подъезжает, что надо вещи грузить. Я, конечно, побежал... Но чучело меня так заинтересовало, что я взял его с собой. Спрятал в чулане, думал, рассмотрю потом. Но какое там. Я хотел вам позвонить и сказать, но при ней не мог. Потом все стало не актуально.

Садятся, начинают рассматривать чучело. Оно разлезлось по некоторым швам, выглядит испорченным.

Вера. Пожалуй, хорошо, что ты его спас. Вот хотели мужика сжечь – у тебя инфаркт случился, а сожгли бы... еще не известно, как бы все обернулось.

Аркадий (шутливо). Ведьмы! А за что вы нас так... возненавидели?

Вера рассматривает чучело, вынимает торчащий скомканный лист, расправляет его.

Вера. (Читает) Здравствуй, мой океан, как же долго мы были в разлуке.

(Усмехается) Океан! Он – даже не озеро, лужа вонючая. Ох, Катя...

(Продолжает читать)

Ты свои валуны ледяными ладонями волн

То ласкал, то ворочал, рыча и зверя от скуки.

Аркадий. Ничего себе!

Вера. И бездонной тоски был твой рокот полуночный полн...

Аркадий смотрит на Веру.

Аркадий. Оставь его... (Забирает листок, засовывает обратно в чучело) Пойдем в палатку?

В это время у Аркадия звонит телефон.

Аркадий. Да... Ах, как плохо... Да... Да... Ты настаиваешь? Да... Ну, хорошо... Да... Да... Хорошо... Я выезжаю... Не волнуйся, я все сделаю.

Вера. Выезжаешь?

Аркадий. У ее мамы поднялось давление. Она, возможно, вызовет себе скорую. Мне надо срочно возвращаться из Пскова и собирать ее в больницу, если что.

Вера. Достала и на таком расстоянии! Чувствует. Не поверила даже дождю и плохому экскурсоводу...

Аркадий. У меня есть еще часа четыре. А то и пять. Это разница в пути. Псков, все-таки, гораздо дальше.

Вера. Ты что, и Катю поздравить не останешься? Ей сейчас так нужны близкие люди... Невозможно представить, что она пережила за последнее время! Мама умерла... Дом сгорел... И, самое главное, ей самой жить осталось...

Аркадий (собирает вещи). Бедная Катя. Такая прекрасная женщина...

Вера. Ты точно не можешь остаться?

Аркадий. Черт, какая мука... Вечная, скучная мука... Но я не могу развестись! Мне поздно начинать все сначала.

Вера. Я, кажется, тебя никогда об этом не просила.

Аркадий. Ты не просила... А, кстати, почему?

Вера. Если бы я хотела, если бы я могла жить как вы, я бы до сих пор была замужем.

Аркадий. Жалеешь, что развелась?

Вера. Надышался?

Аркадий. Что?

Вера. Два часа в неделю, говоришь, подышать? А тут уже целых шесть дней подряд. Надолго хватит... На всю оставшуюся тебе жизнь.

Аркадий. Ты что говоришь?

Вера. Знаешь что, поезжай прямо сейчас. Эти четыре часа ничего не дадут. Если на Катин день рождения не остаешься, уезжай.

Аркадий. А мы не пойдем в палатку?

Вера. Сапоги не забудь!

Вера бросает ему резиновые сапоги и, не оглядываясь, идет вверх по тропинке.

Аркадий. Вера, не уходи...

2 картина

Катеринин двор с хозяйственными постройками и обгорелым остовом дома. Слышен шум отъезжающего такси. Улла заходит в калитку, ощупывая дорогу белой палочкой. Она несет сумку с книгами. Катерина медленно выходит из баньки, встречает гостью.

Улла. С днем рождения! Вот как удачно, наш «Одинокый снегопад» вышел как раз вовремя. Это тебе – авторские экземпляры.

Катерина. Думала, не дождусь. Спасибо.

Садятся на крылечке бани, рассматривают книги.

Улла. Твои стихи у нас в стране всем понравились. Говорят... «сису». Это слово не имеет точного перевода на русский, означает силу, упорство, что-то в этом роде.

Катерина. Да какая там сила? Наверное, дело в твоём переводе.

Улла. Может быть, я не смогла бы переводить, не зная тебя и это место. Хотя все, что я здесь узнала, довольно... чудовищно... или так по-русски не говорят?

Катерина. Так по-русски не думают.

Улла. Ты теперь совсем похожа на нашу песнопевицу Ларин Параске. Она тоже жила в баньке.

Катерина (*шутит*). Правда? У нее, что, тоже дом взорвался от газа?

Улла. О! Мне Вера говорила об этом несчастье. Как такое могло произойти?

Катерина. Слава еще тогда неправильно подключил плиту, постоянно шла утечка. Мама умерла, а я долго лежала в больнице, вот газ и накопился. Я приехала, чиркнула спичкой: бах! Я – на полу, занавески – на яблоках. В четырех углах загорелось, я еле успела выскочить.

Улла. Пожарные быстро приехали?

Катерина. Соседи помогали заливать.

Улла. Ты будешь восстанавливать дом?

Катерина. Я-то вряд ли. Одна надежда на Наташку, на мою младшую. Половину участка продали, денег пока хватит. Остальные старшая обещала из Австралии прислать.

Улла. Твоя дочь и ее муж все-таки уехали?

Катерина. Да, почти сразу после похорон бабушки.

Улла. Ты так и не сказала дочерям о своей болезни...

Катерина. Скоро сами узнают.

Улла. Не говори так. Медицина в наше время очень сильная.

Появляется Вера.

Вера. С приездом, Улла! Всем добрый день.

Катерина. По твоему виду не скажешь. Что-нибудь с Аркадием опять?

Наверху слышен шум отъезжающей машины.

Катерина. Это он?

Вера. Ничего нового: сына надо покормить грудью, теще поменять памперсы и к приезду жены сделать ремонт в квартире. (*Плачет*) Какая пошлость...

Катерина. Это для тебя пошлость, а для него – семейные ценности.

Вера. Семь лет. Псу под хвост.

Катерина. Он же всегда таким был, Вера. Не о чем горевать.

Улла. Я не совсем понимаю, чего ты от него хотела?

Вера. Я хотела... я надеялась, что он изменится, станет поступать по-человечески. А он по-прежнему реагирует только на команды: «к ноге!» и «рядом!».

Катерина. Никто, Верочка, не может измениться. Посмотри хоть на Соню. Я пыталась ей объяснить, что надо работать, что так жить стыдно,

что в доме должен быть порядок и мытые окна. Что запасы круп, которые еще муж натаскал, когда грузчиком работал, скоро закончатся. Но ничего нельзя поделать. Она всегда была такой, не самостоятельной. Со мной она писала стихи, с мужем своим пьянствовала. А теперь вот Слава. Она говорит, что он помогает ей. Разобрался с ее пропиской, замок вставил, кран починил.

Улла. Главное, чтобы он не чинил газовую плиту.

Вера (*успокаиваясь*). Вот именно. Умелец!

Катерина. Да пусть, как хотят. Посмотри лучше какой мне Улла подарок привезла. (*Протягивает Вере экземпляр своей книги*) Держи, это тебе.

Вера. Неужели книжка? Здорово. Мы сделали это! Дашь автограф?

Катерина. Да я как-то не умею.

Вера. Теперь придется научиться. Сейчас, я ручку принесу.

Уходит в баньку.

Улла. И все-таки, Катя, почему ты не хочешь поехать лечиться за границу?

Катерина молча листает книжку. Вера выходит из бани с гитарой, подает Катерине ручку, та надписывает книгу.

Вера. Кстати, девочки, помните наше бесхребетное чучело? Оно же нашлось.

Улла. Как? Где?

Вера. У Маньки в доме. Это Аркадий его тогда уволок. Манька сегодня своего Славку искала по всем чуланам, а нашла нашего. Он сейчас у озера загорает.

Катерина (*отдавая Вере надписанный экземпляр книги*). Повезло ему, живучий оказался.

Улла. А зачем Аркадий его взял?

Вера. Женщин понять хотел, но, как всегда, жена помешала.

Начинает настраивать гитару.

Катерина. Вот и хорошо. За моим праздничным столом хоть один мужчина будет.

Вера. А что, Наташка без своего музыканта приедет?

Катерина. Да у них там что-то разладилось.

Улла. А как же она без него теперь дом восстановит?

Вера. Ты думаешь, для этого именно музыкант нужен? Вообще-то, конечно, с музыкантом веселее.

Катерина. Помиряйся, дело молодое. А дом, наверное, придется новый строить. Да Бог с ним, книги жаль и письма отцовские. Только Вольтер безносый уцелел.

Улла. А те стихи, что я еще не переводила, тоже пропали?

Катерина. Что стихи, Улла? Тут жизнь пропала.

Вера (*Медленно запекает*).

Живет моя отрада
в высоком терему,
А в терем тот высокий
нет хода никому.

Появляется разъяренная Манька.

Манька. Опять у них веселье... (*Катерине*) Ах ты, бесстыдница! И подруги у тебя такие же! Мне тетя Шура все рассказала, к кому мой Мизгирь в город зачастил. Где она, шалава старая? Убью, если найду!

Ищет по всем надворным постройкам, врывается в баньку. Оттуда раздается грохот и мат вперемешку со словами «...и тут чучелов понаставили».

Улла. Вольтера уронила.

Вера и Катерина начинают смеяться.

Манька выбегает, видя, что они смеются, со страшной руганью исчезает за баней. Раздается звон разбитых оконных стекол.

Улла. Как, опять?!

Вера и Катерина смеются громче.

Улла. Надо вызывать полицию.

Вера и Катерина покатываются от хохота.

Конец

С. Колокольцева

Несколько слов о пьесе А. Банищиковой и Е. Оносовской «Живет моя отрада»

Пьеса получилась очень русская – со всеми аллюзиями и из Чехова, и из Островского и даже стихи подозрительно напоминают Цветаеву. Бессмысленная и бесполовая русская жизнь, которая так и норовит, перелившись через края деревенского быта, заполнить собой некий философский пласт бытия, принимает форму чучела, набитого отработанным хламом прежней жизни. Все, что составляло ее суть, становится просто набивкой. Все бессмысленно – и любовь, и терпение, и житейская мудрость. Ничто не приносит радости – ни умение заботиться, ни дар творчества, ни наличие семьи, ни ее отсутствие... И даже попытка избавиться, наконец, от всего этого обременительного хлама – сжечь все к чертовой матери (о, как это опять по-русски!), обречена на провал. Всегда находится некто, умеющий нарушить планы. И не важно, какой он сам – умный, глупый, плохой, хороший... Это крошка Цахес, делающий одолжение окружающим самым фактом своего существования. Вообще необходимо отметить, что из всех мужских образов самым симпатичным является чучело. И это тоже, к сожалению, абсолютно русское несчастье.

Итог всех метаний – взорванный дом (мужик газ починил...), продажа половины земли, намек на скорую смерть Катерины, разрыв человеческих и любовных отношений Веры и Аркадия, агрессивная баба, живущая теперь в доме Аркадия, где, наверное, было когда-то чисто и покойно, но он не сумел сохранить ничего... Так и слышится стук топора по вишневым стволам, рядом с корнем. Здесь это звук разбитых окон дома.

Так безнадежно, так точно, так тоскливо – пронзительно...

Вислава Шимборская

(1923–2012)

Польша

Лауреат Нобелевской премии по литературе (1996 г.). Дебютировала в печати стихотворением под названием «Szukam słowa» в марте 1945 года в газете «Dziennik Polski». Первый сборник стихотворений «Dlatego żyjemy» («Поэтому живём») издан в 1952 году. Переводила на польский язык произведения французских поэтов. Лауреат Премии Гёте (1991), Премии Гердера (1995), награждена Орденом Белого Орла (2011).

ИЗ СБОРНИКА «ЗДЕСЬ»

Замысел

Пришел ко мне некий замысел
Стишка? Стихотворения?
– Ну, хорошо, – говорю, – останься, поговорим.
Ты должен мне рассказать о себе поподробнее...

Он мне в ответ несколько слов шепотом на ухо.

– Ах, вон ты о чем, – говорю, – это интересно.
Эти проблемы меня давно волнуют.
Но чтобы о них – стихи? Нет, конечно, нет.

Он мне в ответ несколько слов шепотом на ухо.

– Тебе только так кажется, – отвечаю я, –
переоцениваешь мои силы и возможности.
Даже не представляю, с чего начинать...

Он мне в ответ несколько слов шепотом на ухо.

– Ошибаешься, – говорю, – короткое стихотворение
написать намного труднее, чем длинное.

Не мучай меня, не приставай,
все равно ничего не получится.

Он мне в ответ несколько слов шепотом на ухо.

– Ах, чтоб тебя! Попробую, раз ты такой настырный...
Но сразу предупреждаю, что из этого выйдет:
напишу, порву и выброшу в корзину.

Он мне в ответ несколько слов шепотом на ухо.

– Ты прав, – говорю, – конечно, есть другие поэты.
Некоторые напишут об этом лучше, чем я.
Могу дать тебе адреса и фамилии.

Он мне в ответ несколько слов шепотом на ухо.

– Ну, конечно же, буду им завидовать.
Завидуем друг другу и даже из-за слабых стихов.
А это должен быть... Думаю, он должен иметь...

Он мне в ответ несколько слов шепотом на ухо.

– Именно! Он будет иметь те достоинства,
о которых ты говоришь.
Поэтому давай лучше сменим тему.
Хочешь кофе?

В ответ он только вздохнул.

И начал исчезать.

И исчез.

Пример

Ветер
ободрал с дерева ночью все листья,
кроме одного единственного,
оставленного
дрожать на голой ветке *соло*.

Этим примером
Насилие демонстрирует,
что, несомненно,
временами любит пошутить...

Опознание

– Хорошо, что ты пришла, – сказала она.
– Ты слышала, в четверг разбился самолет?
Ну, и представляешь, из-за этого
приехали за мной.
Похоже, он был в списке пассажиров.
Но это же ничего не значит – может, он передумал?
Дали мне лекарство, чтоб не упала в обморок.
Потом мне показали кого-то, не знаю кого,
весь черный, обгоревший, кроме одной руки.
Лишь манжет, часы и обручальное кольцо.
Я разозлилась на них – конечно, это не он.
Он не мог так со мной поступить...
Таких рубашек полным-полно в магазинах.
И часы у него – самые обычные часы.
А наши имена на кольце –
они ведь очень распространенные.
Хорошо, что ты пришла. Посиди со мной.
Он, да, хотел вернуться в четверг.
Но сколько еще этих четвергов будет в году.
Сейчас поставлю воду для кофе.
Вымою голову, а потом, что потом?
Попробую проснуться от этого кошмара.
Хорошо, что ты пришла, там было так холодно,
а он в каком-то резиновом спальнике.

Он – это тот несчастный человек.
Сейчас поставлю четверг, вымою кофе,
а наши имена – такие распространенные –

Трудная жизнь с памятью

Я – плохая аудитория для своей памяти.
Она хочет, чтобы я без усталости слушала ее голос,
а я верчусь, кашляю,
слушаю и не слушаю,
выхожу, возвращаюсь и снова выхожу.

А ей хотелось бы занять без остатка мое внимание и время.
Когда сплю – это ей легко удается.
А днем бывает по-разному, и это ее огорчает.

Подсовывает мне старательно старые письма, фотографии,
затрагивает события важные и неважные,
возвращает мой взгляд к незамеченным пейзажам,
заселяет их моими умершими близкими.

В ее рассказах я всегда моложе.
Очень хорошо, только зачем же все время повторяться?
Каждое зеркало говорит мне совсем иное.

Сердится, когда я пожимаю плечами.
Тогда в отместку она извлекает на свет все мои ошибки,
тяжелые, а потому легко забытые.
Смотрит мне в глаза, ждет, что отвечу.
Потом утешает, что могло быть и хуже.

Хочет, чтобы я жила только с ней и для нее.
Еще лучше – в темной закрытой комнате,
а у меня постоянно в планах теперешнее солнце,
сегодняшние облака и непредвиденные обстоятельства.

Временами ее присутствие невыносимо.
Предлагаю ей расстаться. От сейчас и навсегда.
Тогда она улыбается снисходительно –
знает, что это будет приговор и для меня.

ИЗ СБОРНИКА «ДОВОЛЬНО»

Некто, за кем наблюдаю какое-то время

Не прирастает численно.
Не собирается толпой.
Не посещает массово.
Не празднует шумно.

Не подает своего
голоса в хоре.
Не объявляет всем и вся.
Не утверждает от имени.
Не в его присутствии
проводится голосование
кто за, а кто против,
спасибо, опустили.

Его головы нет
там, где голова к голове,
где шаг в шаг, плечом к плечу
и вперед к цели
с листовками в карманах
и хмельными напитками.

Где лишь вначале
тишь да благодать,
а после одна толпа
с другой столпятся,
и поди разберись,
с чьей стороны эти
камни и букеты,
палки и приветы.

Нехроникальный.
Незрелищный.
Он по долгу службы чистит город.
Ранним утром
с того места, где все это было,

он сгребает, выносит, грузит на тачку,
то, что прибито к полуживым деревьям,
то, что растоптано в измученной траве.

Разодранные транспаранты,
разбитые бутылки,
сожженные куклы,
обгрызенные кости,
четки, дудки и презервативы.

Один раз он нашел в кустах голубиную клетку.
Забрал ее себе,
но только для того,
чтобы она всегда оставалась пустой.

Есть же люди...

Есть же люди, что успешно справляются с жизнью.
И в душе, и снаружи у них порядок.
На все – четкий взгляд и правильный ответ.

Они сразу догадываются кто кого, кто с кем,
почему и когда.

Штемпелюют исключительно одни истины,
факты неугодные летят в корзину,
а людей незнакомых сортируют
по заранее уготованным им сегрегаторам.

Они думают ровно столько, сколько нужно
и ни секундой дольше,
ведь за этой секундой таится сомнение.

А когда получают увольнение с жизни,
покидают место действия
через указанные им двери.

Иногда я им завидую
– к счастью, это быстро проходит.

Откровения читающей машины

Я, Номер Три Плюс Четыре Дробь Семь,
славюсь своей лингвистической базой.
Я расшифровала уже тысячу языков,
которыми пользовались
в своей жизни люди, давно исчезнувшие.

Все, что они записали своими знаками,
пусть давно пропавшее под завалами катастроф,
я отыскиваю, восстанавливаю
в первоначальном значении.

Это не похвальба –
я читаю даже по лаве,
расшифровываю пеплы.

Объясняю на экране
любую найденную вещь,
когда ее выкопали,
откуда, и зачем.

И уже просто так – с разгона –
исследую некоторые письма
и исправляю в них
орфографические ошибки.

Признаюсь, некоторые слова
представляют для меня проблему.
Например, состояния, называемые чувствами,
не могу, как и прежде, объяснить точно.

Так же и с «душой», понятием весьма странным.
Даю определение, что это разновидность тумана,
видимо, более стойкая, чем организмы смертные.

Не перестаю биться над словом «существую».
Похоже, что это дело обычное,
происходящее повсеместно, но не сообща,
времени прадавнего настоящего,

несовершенного вида,
хоть, как известно, давно совершённого.

Но достаточно ли этого для определения?
У меня щелкают реле и скрипят винтики.
Индикатор связи с Центром коптит, а не светит.

Придется просить о помощи
приятеля Две Пятых Нуля Дробь Половина.
У него, конечно, сдвиг по фазе,
но какие идеи!

Цепи

Знойный день, собачья будка и цепной пес.
В нескольких шагах – миска, полная воды.
Но цепь короткая, и пес не достает.
К картине добавим еще одну деталь:
у нас цепи значительно длиннее
и менее заметны,
поэтому мы можем свободно пройти мимо.

Насилие

Мы съедаем чужие жизни, чтобы жить.
Невинно убиенный шницель с покойницей капустой.
Меню – это некролог.

Даже лучшие из лучших
должны есть и переваривать что-то убитое,
чтобы их чуткие сердца
не переставали биться.

Даже поэты, самые лиричные.
Даже аскеты, самые строгие
жуют и глотают что-то,
что росло себе и росло.

Это нарушает представление о «добрых богах».
А были они, скорее всего, легковерными,
были наивными,
раз всю власть над миром отдали природе.
И это она, безумная, пробуждает в нас голод,
а там, где голод,
там конец идиллии.

К голоду тут же присоединяются ощущения:
вкус, обоняние, осязание и вид –
ведь не безразлично, что ты ешь
и на каких тарелках.

Даже слух принимает участие
в происходящем –
ведь за столом частенько идут веселые беседы.

Зеркало

Да, я помню эту стену
в нашем разрушенном городе.
Устояла почти до шестого этажа.
На четвертом – сохранилось зеркало,
невероятное зеркало,
неразбитое, уцелевшее.

Оно уже не отражало ничьих лиц,
ничьих рук, поправляющих волосы,
никаких дверей напротив,
ничего, что можно было бы назвать
«местом».

Как будто было оно на каникулах –
отражалось в нем только бескрайнее небо,
облака, бегущие на вольном просторе,
сияющий дождь, омывающий пыльные руины,
птицы в полете, звезды, восходы солнца.

И как каждая добротна сделанная вещь,
действовало безотказно,
с профессиональным отсутствием эмоций.

Взаимность

Есть каталоги каталогов.
Есть стихи о стихах.
Есть пьесы об актерах, играемые актерами.
Письма по поводу писем.
Слова, объясняющие слова.
Мозги, занятые изучением мозга.
Есть печали, заразные как смех.
Бумага, изготовленная из отходов бумаги.
Увиденный взгляд.
Случайности, не случившиеся по случайности.
Большие реки с участием в них малых.
Леса, до опушек заросшие лесом.
Машины, производящие машины.
Сны, что внезапно пробуждают нас ото сна.
Здоровье, необходимое для обретения здоровья.
Лестница, настолько же вниз, насколько – вверх.
Очки для поиска очков.
Вдох и выдох дыхания.
И пусть бы была, хоть время от времени,
ненависть к ненависти.
Есть же, в конце концов,
незнание незнания
и руки, занимающиеся умыванием рук.

Перевод Веры Виногоровой

Вера Виногорова

*Член Союза переводчиков России.
Переведенная Верой Виногоровой книга
избранных стихов Виславы Шимборской
«Жизнь с бухты-барахты» на русском и
польском языках, издана в Санкт-Петербурге
в издательстве «ВВН» (2007). Ею
переведены роман «Транс-Атлантик»
В. Гомбровича, книга Рышарда Капуцинского
«Стремнина истории», стихи Лешека
Жулинського, Александра Навроцкого,
Юлиуша Эразма Болека.*

С шести сторон света

Когда из жизни уходит большой поэт – стихи остаются навсегда, а о самом человеке остаются только свидетельства, чьи-то воспоминания...

Поэзия Виславы Шимборской своеобразна. Это не «исповедальная» поэзия, характерная для многих поэтесс. Не чувства, не сиюминутные переживания, не любовное чем-либо лежат в её основе. Это поэзия ума, но не холодного и отстранённого, а заинтересованного и ироничного. Не побоюсь сказать, что главная тема её поэзии – феномен человека. Человек как явление космическое – от рождения до смерти, с непредсказуемыми и многовариантными событиями его жизни, жизни с бухты-барахты, которую нельзя отрепетировать заранее, в которой нельзя повторить и дня, человек с телом без примерки, головой наобум, характером, как плащ, застё-

гиваемый на ходу, – именно это лежит в основе и является канвой поэзии Шимборской.

Шимборская прожила долгую жизнь. Она родилась в Курнике, недалеко от Познани. Война, пришедшая на годы юности, события в послевоенной Польше, идеи строительства «светлого будущего» нашли отражение в её раннем творчестве. Первые сборники Виславы Шимборской «Для этого живём» (1952) и «Вопросы, задаваемые себе» (1954) состояли, как писала Анна Легежинска, не только из «идеологически правильных» стихов. Поэтесса уже начинала задавать острые вопросы в то время, когда идеология упорядочивала мир реальный и поэтический, не оставляя места для сомнений и колебаний. Но, тем не менее, именно эти первые томики послужили причиной неоднозначной

реакции на присуждение в 1996 году Виславе Шимборской Нобелевской премии. Швейцарская полонистка Джаннина Лучак-Вильд возмущалась тем, что Нобелевскую премию присудили «коммунистке», первые сборники стихов которой были написаны в духе соцреализма. Аналогичные публикации были и в самой Польше. Но для поэтессы, начиная со сборника «Призывы к Йети» (1957), точкой отсчёта и «объектом исследования» становится сам человек, этические и нравственные ценности.

«Культурные ведомости» (Wiadomości kulturalne) писали, что весть о присуждении Нобелевской премии Виславе Шимборской прозвучала как гром среди ясного неба. Казалось бы, решение Шведской академии в октябре 1996 года не должно было стать такой уж неожиданностью как для польской, так и для мировой общественности – за Шимборской к этому времени утвердилась пальма первенства среди польских поэтесс. В 1990 году ей была присуждена премия им. Калленбаха (Швейцария) за сборник поэзии «Люди на мосту», признанный лучшей книгой десятилетия. В 1991 году она получила Премию Гёте (Германия), в 1995 году – Премию Гердера (Австрия). В том же году она удостоивается звания доктор *honoris causa* Университета им. Адама Мицкевича в Познани. А годом позже Вислава Шимборская получает премию ПЕН-клуба за совокупность литературного творчества.

Причиной некой неожиданности присуждения Нобелевской премии Ви-

славе Шимборской могло послужить и то, что её книги выходили нечасто, а её интеллектуальная ироническая поэзия далеко не всем понятна и близка.

Для самой поэтессы жизнь разделилась на «до» и «после» стокгольмской трагедии, как она сама и её друзья называли присуждение ей Нобелевской премии. Общеизвестно, что Шимборская ценила уединение и охраняла свою личную жизнь, допуская в узкий круг своих друзей людей, действительно ей близких и интересных. И если до присуждения премии она участвовала время от времени в авторских вечерах в Доме литераторов на Крупничей, в литературных дискуссиях, то после – она оказалась в центре внимания, под «светом юпитеров», вынуждена была реагировать на внимание прессы, участвовать в официальных мероприятиях. Всё это требовало от неё времени и сил. Она не любила рассказывать о себе. Не любила бесцеремонности. «Откровения на публике – это как бы потеря своей собственной души. Нужно что-то оставить для себя. Нельзя всё рассеивать», – сказала поэтесса на авторском вечере в октябре 2010 года. И этот свой внутренний мир она старалась оберегать от ненужных вторжений. Она считала, что всё, что она хочет сказать людям, сказано в стихах.

Михал Русинец, который многие годы был секретарём Виславы Шимборской, на мой вопрос о том, какую черту характера нобелиатки он ценил больше всего, ответил:

«Отстранённость. По отношению к миру, которая позволяет в нём

больше увидеть. И отстранённость по отношению к себе – это иногда называют скромностью, но она не любила этого слова. Такая позиция по отношению к себе приводила к тому, что она никогда никому ни на что не жаловалась. И никогда не стремилась привлечь к себе внимание».

Вот такой парадокс: отстранённость, но при этом внимание и живой интерес к близким ей людям. Михал Русинец рассказал о таком характерном случае:

«Когда снимали фильм о Ежи Туровиче, Вислава Шимборская согласилась принять в нём участие, хотя обычно в таких случаях отказывалась. Съёмочная группа пришла к ней на квартиру, полчаса устанавливали оборудование, освещение и прочее. А когда всё было готово, Шимборская сказала одну-единственную фразу – это длилось всего несколько секунд. Операторы были очень удивлены: как, это всё? Но потом это высказывание оказалось самым важным из всех, прозвучавших в этом фильме, наиболее точным и отражающим самую суть».

Её видели улыбчивой, ироничной, любящей над всем пошутить – и в первую очередь над самой собой. Над

нею тоже шутили: в Кракове после получения ею Нобелевской премии ходил анекдот о рыбаке, который поймал золотую рыбку и пожелал себе бабёнку интеллигентную, скромную, симпатичную, известную и богатую. Приходит он домой, а там – Шимборская.

Были в жизни Виславы Шимборской и сомнения, страдания, разочарования, смерть близких людей, но никогда она не выносила свои беды на люди. Биографы приводят цитату из одного её интервью: «Можно даже предположить, что у меня своеобразное раздвоение личности. Одной я бываю с приятными мне людьми и совершенно другой, когда остаюсь наедине с собой. Понурая, разбитая, недовольная собой. И с невесёлым убеждением, что поэзия может временами сопутствовать человеческим страданиям, но предотвратить их она не в состоянии».

До самого конца Шимборская работала над новыми стихами, готовила очередной сборник под названием «Довольно», вышедший в свет уже после её смерти. До конца жизни поэтесса сохраняла ясный ироничный ум, интерес к жизни и умение видеть вещи с шести сторон сразу.

Ивона Анна Ндьй

Польша

Профессор Института восточного славяноведения Варминско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша), член Комиссии эмигрантологии славян комитета славяноведения Польской академии наук. Соредактор научных серий: «Светила русской эмиграции», «Теория и практика перевода». Член Программного совета Центра восточных исследований ВМУ. Автор многочисленных работ по теме русской эмиграции.

БУНИНСКИЙ «АПОФЕОЗ БЕЗДОМЬЯ»*

Революция 1917 года со всей беспощадностью и жестокостью уничтожила самое ближайшее пространство человека – дом. Извне осталось нечто, напоминающее только лишь „кратковременный приют“, внутри же нарушение затронуло личностную сферу, которая давала возможность писать в атмосфере спокойствия, внутреннего порядка и творческой свободы. Поэтому в понятии „осесть“ кроется аксиологический и пространственный аспекты**.

По этой же причине поэзия Первой волны русской эмиграции с такой выразительностью ввела в российскую гносеологию парадигму изгнания. Эмиграционное бытие сотен изгнанников имеет общий знаменатель: бездомное существование. Вместе с тем, пути выхода каждого из них из этой ситуации были разными: распад и самоуничтожение (Борис Поплавский), путешествие вглубь самого себя (Владимир Набоков), поиски компромисса с рождающимся на родине новым миром (Евроазиаты, „сменовеховцы“, Марк Слоним и др.), попытка контакта с новой средой и возведения на пустом месте („нигде“) нового дома с изгородью (Гайто Газданов), и даже полный переход на другой язык, погружение в чуждую культуру.

* В заглавии статьи нами использовано понятие, которое в свое время ввел Лев Шестов, см. Л. Шестов „Апофеоз беспочвенности“, Санкт-Петербург, 1905.

** Понятие „осесть“ („osiąść“) ввожу за Анной Легежинской – см. A. Legeżyńska, *Literacka figura domu w poezji współczesnej*, [в:] *Dom w kulturze i języku*, red. G. Sawicka, Szczecin 1997.

Происходило постепенное искоренение, которое следует понимать как своеобразную аксиологическую дезориентацию, вытекающую из непространственного „центра“: традиции, чувства принадлежности к сообществу, хранящему ценности. Бездомность является утратой (отсутствием) места, которому эти ценности придают символический смысл и содают связь с другими „местами“ в общественном пространстве. Эти связи могут существовать вне дома, культивируемые и хранимые в мифе или в памяти личности – везде там, где появляется тоска и мысль об утраченном доме, а также потребность отыскания тождественности, сохранения корней. Поэтому „бездомные“ эмигранты с максимальным благоговением хранили в своих дорожных узелках то, что было для них самым святым: Дом – Родину. А вернее – память о них.

В столкновении личностей и разных судеб открываются очередные зависимости, которые создают разнородные типы территориально-духовной перелицовки, характерные для эмигрантов „первой волны“. Каждому из этих обликов сопутствует набор мотивов, среди которых один из важнейших – мотив дома вместе с его атрибутами, т. е. окном, рамой, зеркалом, порогом и т. д. Дом и его атрибуты в качестве десигнатов родины в эмиграционной поэзии чаще всего выступают в виде трех разных картин. Это: дом-воспоминание, дом-мечта, дом-синоним смерти. Однако тема и картина дома у избранных поэтов-эмигрантов принципиально отличаются. Это вытекает из их биографии, политических взглядов и, наконец, из темперамента. Каждый из них возводил свой проект „дома-приюта“, приписывая ему индивидуальное значение. Элементом, связующим биографии всех эмигрантов, было глубокое понимание утраты корней и вытекающее из этого стремление сохранить истинную родину, укрытую в облике памяти о доме. С этой перспективы более поздние эмигранты наблюдали за миром, отправились в жизненное странствование, Дом – Родина – это родина мыслей и чувств, это трудноопределяемый, но одновременно самый прочный фундамент для каждого поэта-россиянина. Поэтому сущность бездомности, возведенная в ранг наименования настоящей статьи, размещает Дом – Россию в центре Вселенной.

Субстанция родины, вокруг которой кристаллизовалась ситуация обзаведения домом и бездомности, располагается в трех крайне разных измерениях: пространственном, общественном и культурном. Эти измерения намечают разные способы видения родины, по-иному устанавливают иерархию обязанностей, устанавливают отношения между поэтом и Россией. Все они динамичны. Динамично трактуется, прежде всего, пространственное измерение родины. Для российских эмигрантов родина означает территорию, страну, Россию, но также дом, родную местность, регион.

Своеобразное место занимает „небесная родина” (поэзия Матери Марии и ин.).

Писателем-эмигрантом, который оставался бездомным как в физическом смысле, так и в духовном, был Иван Бунин. В России Бунин-писатель функционировал в окружении родной культуры и языка. Поворотным пунктом в его жизни и творчестве стал момент пересечения границы, с которым произошло качественное изменение его позиции, в особенности же – отношения „родина – писатель”.

Экзистенциальное состояние отчужденного человека в эмиграционном пространстве Владимир Варшавский определял как „ни в каком мире и ни в каком месте”^{*}. Данное состояние ярко выразил тоже Иван Бунин. В речи *Миссия русской эмиграции*, произнесенной 16 февраля 1924 года в Париже, прозвучали идеи явно направляющие слушателей к тезисам Василия Розанова, заключенным в философском памфлете *Апокалипсис нашего времени*: „Была Россия, был великий, ломявшийся от всякого скарба дом, населенный огромным и во всех смыслах могучим семейством, созданный благословенными трудами многих поколений, освещенный благопочтанием, памятью о прошлом и всем тем, что называется культом и культурой. Что же с ним сделали? Заплатили за свержение домоправителя полным разгромом буквально всего дома и неслыханным братоубийством, всем тем кошмарно-кровавым балаганом, чудовищные последствия которого неисчислимы и, быть может, вовеки непоправимы”^{***}.

Бунин показывает утрату дома как утрату семьи и распад межлических связей, последствием чего является экзистенциальное чувство бездомности в мире, а также бездомность „здесь и сейчас”. Парадоксом было то, что Бунин покидал Россию как эмигрант по собственному желанию: „Мы эмигранты, слово *émigrer* к нам подходит как нельзя более. Мы в огромном большинстве своем не изгнанники, а именно эмигранты, то есть люди, добровольно покинувшие родину... мы так или иначе не приняли жизни, воцарившейся с некоторых пор в России. Были в том или ином несогласии, в той или иной борьбе с этой жизнью и, убедившись, что дальнейшее сопротивление наше грозит нам лишь бесплодной, бессмысленной гибелью, ушли на чужбину”^{***}.

В эмиграционном творчестве писателя-эмигранта создается как бы „полный набор”, в который „входят” такие составляющие, как российская культура, родина, память прошлого. В эмиграции Россия становится сре-

* В. С. Варшавский, *Незамеченное поколение*, Нью-Йорк 1956, с. 9.

** И. Бунин, *Окаянные дни*, Тула 1992, с. 303.

*** И. Бунин, *Миссия русской эмиграции. Речь, произнесенная в Париже 16 февраля 1924 г.*

доточием, исходной точкой новой действительности. Память о родине является своеобразным „буфером” в столкновении с новым окружением, его чужими традициями и обычаями.

Поэтому также, хотя он так упорно повторял „конец”^{*}, Россия постоянно была с ним, занимала его мысли, была постоянной темой интеллектуальных и литературных дискуссий. В трудные минуты сомнений и отчаяния, одиночества, которое пришло вместе с болезнью, старостью и нищетой, именно любовь к России была последней радостью писателя. Эмиграционное творчество Бунина создает впечатление нескончаемого монолога о России: „Если бы я эту „икону”, эту Русь не любил, не видал, из-за чего страдал так непрерывно, так люто”^{***}.

В контексте размышлений о России в творчестве Бунина чувство бездомности обрисовывается с необычайной силой. Дело, однако, не только в отсутствии собственного дома, квартиры, конкретного пристанища, но прежде всего в утрате этой особенно близкой, благоприятной для человека материальной сферы, а также близкой сердцу духовной культуры. Дом – Родина в лирике Ивана Бунина имеет как историческое измерение, так и глубоко философское, приводящее к грустному пробуждению в столкновении с фактом изгнания, существования вне границ времени и пространства. Грусть из-за утраченной весны жизни, тоска по России, по родному дому не оставляли Бунина в эмиграции никогда: «И вот дни и годы уже туманяться и сливаются в памяти, – многие дни и годы моих дальнейших скитаний, постепенно ставших для меня обычным существованием, определившимся неопределенностью его, узаконенной бездомностью, длящейся даже и донныне, когда надлежало бы мне иметь хоть какое-нибудь свое собственное и постоянное пристанище, на смену чужих стен, – теперь, уж почти два десятилетия, французских, – мертвым языком говорящих о чьих-то неизвестных, инобытных жизнях, прожитых в них»^{***}.

Утрата родины и ностальгия давали новый импульс творчеству Бунина. Созданные в изгнании произведения наполнены тоской и чувством

* „Конец” и „смерть” – это любимые слова в дневниковых записках Бунина тех лет: „Уже почти три недели со дня нашей гибели” (12 апреля 1919 г., Одесса); „Все как будто хоронил я – всю прежнюю жизнь, Россию...” (6 мая 1921 г., Париж); „И всему конец! И все это было ведь и моя жизнь!” (июнь 1921 г., Париж); „Да можно ли додумывать? Ведь это сказать себе уже совсем твердо: всему конец” (январь 1922 г., Париж) – цит. по: *Литература русского зарубежья. 1920–1940*, под ред. О. Н. Михайлова, Москва 1993, с. 82.

** Цит.: *Литература русского зарубежья...*, op. cit., с. 87.

*** Цит.: О. Михайлов, *Строгий талант. Иван Бунин. Жизнь. Судьба. Творчество*, Москва 1976, с. 7–8.

безнадежности. Родина стала неотъемлемой составляющей творческой и личностной ежедневности писателя. Однако была это „иная” Россия, не та, которую он видел когда-то за окном: „Была когда-то Россия, был снежный уездный городишко, была масленица – и был гимназистик Саша...” (*Под-снежник*, 1927); „Давным-давно, тысячу лет тому назад, жил да был вместе со мною на Арбате” (*Далекое*)*. О такой метафизической бездомности писал Иван Бунин в известном стихотворении:

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому

У зверя есть нора, у птицы есть гнездо,
Как бьется сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой, наемный дом
С своей уж ветхою котомкой.**

Упомянутое стихотворение, датированное 26 июня 1922 года, является апофеозом „бездомности”, библейской реминисценции и Евангелии от Луки (IX, 58): „Лисицы имеют норы, и птицы небесные – гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову”. В этом стихотворении Бунин вновь развивает мотив скитаний, странствований, разлуки с домом, который появлялся и до революции. Но теперь у него уже нет возможности вернуться, остается только чужбина***.

Отсутствие дома превратилось в „стиль жизни” самого Бунина, стало нескончаемым странствованием – реальным и творческим. Как справедливо замечает Е. Е. Ермакова, странствующая жизнь была долей многих героев поэзии Бунина, представленных в роли блудного сына, бродяги, паломника, путешественника, скитальца: „Движение лирического героя/персонажа Бунина по миру нельзя представить однолинейным, путь его нельзя назвать прямым и легким. Структура “маршрута”, если представить стихи как целое, единый текст, напоминает, скорее, лабиринтное движение, подобно известному, ставшему для мировой литературы архетипи-

* Цит. по: О. Михайлов, *Строгий талант...*, с. 183.

** И. Бунин, „У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...”, [в:] И. Бунин, *Избранное. Стихотворения. Переводы*, сост. и послесл. О. Михайлов, Москва 1977, с. 240.

*** Е. Е. Ермакова, *Ступень „дома” в поэзии Ивана Алексеевича Бунина*, „Топос. Литературно-художественный журнал” 2001, 22 октября <http://www.topos.ru/article/615> [10.03.2013].

ческим, путешествию гомеровского Одиссея (*Одиссея* – один из главных текстов круга чтения Бунина, первый, который прочитал Ване учитель из Италии в Итаку*, с многочисленными возвращениями и девиациями, с испытаниями – и прежде всего *домом*, отправной точкой Пути***).

Эмиграционное бытие выразилось в творчестве нобелевского лауреата с помощью основных архитектурных топосов. Тем самым мы встречаемся здесь с представлениями об эмиграционном доме, который характеризуют лишь такие эпитеты как: „старый” (54), „тихий” (38), „безмолвный” (11), „мертвый” (33), „гнилой” (1), „ветхий” (9), „тёмный” (99), „чёрный” (77), „холодный” (63), „жалкий” (2), „скудный” (7), „одинокый” (21), „пустынный” (31), „покинутый” (1), „заброшенный” (2), „бедный” (5), „нищенский” (1)***. Чаще всего используются эпитеты: „темный”, „черный”, „холодный” и „старый”. Тот факт, что именно эти эпитеты столь часто употребляет Бунин, подчеркивает настроение подавленности, грусти, тоски, с дополнительной окраской извечным у писателя мотивом смерти. На эпитет „черный” как синоним фатализма, пессимизма, безжалостной смерти и экзистенциального страха обращает внимание также проф. Гжегож Ойцевич: «Черный оттенок в этой поэзии имеют, прежде всего, элементы природы: холмы, грачи, камни, кресты, паруса, козы, хаты или щели, но также – мрак, бездна, зараза, кровь, темнота, море, тело, тёмный, выражающие переносное или тавтологическое значение. [...] Между белым и черным – прилагательное „тёмный”, через которое как центральный элемент триады осуществляется символический переход из полного блеска поля в поле полной темноты»****. При этом следует отметить, что картины распада, разрушения и одиночества дома мы находим уже в ранних стихах Бунина, в качестве иллюстрации напомним наименования таких произведений, как: *И снилось мне, что осенней порой...*, *Как все вокруг сурово, снежно...*, *Мы сели у печки в прихожей...*, *Канун* и др.

В творчестве Бунина важным является выход за пределы пространственных рамок дома („преодоление”) – наружу, в иное пространство, в мир

* Ср. Т. В. Цивьян, *Движение и путь в балканской модели мира*, [в:] *Исследования по структуре текста*, Москва 1999, с. 143–166.

** Е. Е. Ермакова, *Ступень „дома”...*, *op. cit.*

*** В скобках указываю общую частоту употребления данного эпитета в творчестве Бунина – на основе алфавитного списка, составленного проф. Г. Ойцевичем, см. G. Ojcewicz, *Przymiotnik w poezji Iwana Bunina. Ujęcie leksykograficzne*, [в:] G. Ojcewicz, *Epitet jako cecha idiolektu pisarza. Studium literaturoznawczo-leksykograficzne o twórczości poetyckiej Iwana Bunina*, Biblioteka „Przeglądu Rusycystycznego” 6, Катовице 2002, с. 167–315.

**** G. Ojcewicz, *Epitet przymiotnikowy w twórczości poetyckiej Iwana Bunina*, [в:] G. Ojcewicz, *Epitet jako cecha idiolektu...*, с. 112–113.

природы, независимо от того, насколько он был бы опасен. В его стихах неизменно существуют два мира – домашний мир и мир вне дома. Окно (и другие элементы: двери, балкон, рама, крыльцо, форточка и т. д.) – одно из фундаментальных свойств внутренней части дома, и одновременно – один из его центров, а точнее, место „стыка” пространства дома и внешнего мира – это любимое место героя в творчестве Бунина. Множество стихов поэт начинает со строк, в которых взгляд субъекта устремлен за окно. Невозможность соединения с внешним миром бывает тождественна смерти (*В гостиную, сквозь сад и пыльные грядины..., Наследство, Вечер*).

Бунин – это „блудный сын”, который искал другое, идеальное пристанище, однако чужой, снятый внаем, дом никогда не превратился в дом настоящий. „Кто утолит в пустыне, на чужбине/ Боль крестных ран?”, – звучит болезненный вопрос Бунина-эмигранта в стихотворении *Изгнание*. Это стихотворение является характерным, так как было написано в 1920 году в Бретани, то есть в самом начале странствующей жизни писателя, оно – своего типа предвосхищение всех лет, проведенных Буниным в эмиграции: „Не в обретении дома был трагический „стиль” Бунина (вспомним и слова Блока о двадцатом веке: „бездомный” век). Он, „блудный сын” своего времени и своей страны, искал в этом мире иной, идеальный, „прекрасный” кров, – тот, над которым не властна смерть, – бессмертный, вечный”.

Чувство безнадежности с новой силой вернулось в 1941-1942 годах, когда над Россией нависла опасность войны. Писатель выразил это в своих дневниках, в которых мы находим следующие записи: „28 XII 41. Воскресенье [...] Каждое утро просыпаюсь с чем-то вроде горькой тоски, конченности (для меня) всего”; „4 IV 42. [...] Тупая, тихая грусть, одиночество, безнадежность [...]”; 5 IV 42 [...] Как-то ночью, уже в постели, с книгой, в мертвой тишине дома вдруг точно очнулся, с ужасом: какое одиночество”^{***}. По мере того, как фашизм все шире охватывал Европу, Бунин все более отчетливо осознавал связь с Россией, с ее культурой. Кроме тоски по родине он чувствовал физическую потребность предпринять какие-то действия, изменить свою ситуацию. Неслучайно в 1939 году он обратился к Леониду Зурову с просьбой передать Алексею Толстому почтовую карточку с лаконичным „Хочу домой”, а словами: „Очень хочу домой” закончил письмо другу Николаю Телешову, которое отправил из Граца 8 мая 1941 года. Однако претворить в жизнь свои желания он не решился. Ситуация Бунина была вдвойне трудной.

* Е. Е. Ермакова, *Ступень „дома”...*, *op. cit.*

** *Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы в 3-х тт.*, под ред. М. Грин, т. 1, Франкфурт-на-Майне 1977–1982, с. 108.

„Обиженный на собственную страну и эти времена отшельник, переполненный горечью критик западной, а тем более – отечественной, современности, его отношение к которой граничило моментами с национальным отступничеством”^{***}, – так по мнению Кшиштофа Цесьлика вырисовывается в глазах некоторых критиков духовный облик первого российского лауреата Нобелевской премии в области литературы^{**}. Однако еще сильнее и интенсивнее, чем когда-либо, Бунин ищет надежду в отвергнутой им России. Усталый старый писатель черпает силу в мыслях о родине, и вопреки эмиграционной доле, продолжает творить. Как будто освобожденные тоской и разлукой вырывались слова, которых он никогда ранее не произносил (см. рассказ *Косцы*).

Таким образом, явление эмиграции влечет за собой своеобразное понимание категорий времени и пространства. Творцы в изгнании являются носителями эмиграционного мировоззрения, в котором время остановилось в момент выезда из страны. Связана с этим особенная структура пространства-времени, опирающаяся, по мнению Т. Буйницкого^{***}, на параллелизм течения времени, зависимость от места, поэтому мы можем говорить о „времени страны” и „времени эмиграции”, которые отмечены различной наполненностью.^{****} Первое движется в обратном направлении, в глубину истории и насыщается символизмом, второе является реальным, повседневным, рассчитанным на устояние. Эти отличия касаются также пространства, в значительной степени сформированного памятью и воображением, которые одновременно придают ему мифологический характер. Пространство отечества представляется в динамике, также как сужающееся пространство, стремящееся к чему-то конкретному (родовое имение, отцовское наследство, комната, стол и т. д.).

С точки зрения личности мы можем выделить также отношение ориентации в мире. Эту ориентацию человек определяет с привилегированной позиции, которой является место его детства. Пока писатель живет в своей стране, привилегированное место, кругообразно расширяясь, отождеств-

* Александр Твардовский утверждает, что глубокий пессимизм произведения *Деревня*, его мрачные сцены передают, хотя и не сформулированные, но явно напрашивающиеся ощущения, выглядят как подготовка автора к разлуке с родиной. См. А. Твардовский, *О Бунине*, [в:] И. А. Бунин, *Собрание сочинений в 9-и тт.*, т. 1, с. 21.

** К. Cieřlik, *Iwan Bunin – prozaik a myř religijn Indii i Dalekiego Wschodu: zarys problematyki*, „Slavia Orientalis” 1997, nr 4, с. 29.

*** См. Т. Bujnicki, *Władysław Broniewski – przeciw emigracyjności*, [w:] *Pisarz na obczyźnie*, pod red. Т. Bujnickiego i W. Wyskiela, Вроцлав 1985, с. 65–78.

**** См. J. Tarkowska, *Temat ojczyzny we współczesnej rosyjskiej poezji emigracyjnej* (Natalia Gorbaniewka, Jurij Kubłanowski), „Przegląd Rusycystyczny” 2000, nr 3, с. 46–47.

ляется со всем миром. Изгнание перемещает этот центр, а, скорее, создает два центра. „Воображение относит все к окружающей среде „там, далеко” [...]. И даже далее, намечает четыре главных направления, как будто бы я там все время стоял”, – пишет польский эмигрант Чеслав Милош.

Опыт изгнания, изменение перспективы видения провоцировали раздумья о родине, об окружающем мире и о самом себе в этом мире. Эмиграция периода после 1917 года была обречена на поиск „приемной родины”, которой стало воспоминание о Доме – России, тоска по личной, личностной родине. Эта личная родина представляет собой неповторимый мир, культурное гнездо, пространство-время детства. Страна детских лет ассоциируется с райским домом, затишьем, домом-страной счастья. Образ дома, воспроизведенный из воспоминаний, приобретает блеск, поэты говорят о нем тепло и задушевно.

Заметим при этом, что размышления российских эмигрантов вписываются в широкий контекст размышлений, на который обращают внимание ученые, занимающиеся изучением практически всей эмиграционной литературы*. Иосиф Олейничак, говоря о писательском творчестве Александра Вата, использует даже определение „нетождественность”**. В пятидесятых годах на страницах парижской „Культуры” румынский поэт Эмиль Чиоран представил писателя, осужденного к изгнанию, как личность „внутренне раздвоенную, лишенную всего – родины, имени, языка, а при этом ищущую признания, несчастную и гордую одновременно, покорившуюся судьбе и жаждущую новых завоеваний”***. Подобный разлад мы находим в произведениях болгарского беженца Георгия Маркова, Дубравки Угресиц из Хорватии. Такие примеры в европейской литературе можно множить до бесконечности.

* Cz. Miłosz, *Zaczynając od moich ulic*, Варшава 1985, с. 47–48.

** На пример В. Лигенза в статье Эмиграция как запись судьбы („Przegląd Artystyczno-Literacki” 2000, nr. 1–2, с. 59–69) приводит примеры К. Брандыса, Ч. Милоша, В. Гомбровича, Т. Витковского и др. В своих публикациях он анализирует с этой точки зрения польскую эмиграционную поэзию. См. напр. *Urojone prawo do wygnania. Głos w sprawie tożsamości poezji polskiej na obczyźnie*, [в:] *Powroty w zapomnienie. Dekada literatury emigracyjnej 1989–1999*, под ред. Ю. Климашевского, В. Лигензы, Краков 2001, с. 110–125.

*** С. J. Olejniczak, *Emigracja – nietożsamość (Na przykład Aleksander Wat)*, [в:] *Powroty w zapomnienie. Dekada literatury emigracyjnej 1989–1999*, под ред. В. Климашевского, В. Лигензы, Краков 2001, с. 163–174.

**** С. W. Ligęza, *Emigracja jako zapis losu*, [в:] *Powroty w zapomnienie...*, с. 63. Ср. Е. Cioran, *Dogodności i niedogodności wygnania*, „Kultura” Paryż 1952, № 6, с. 3–6.

ТРЕТЬЯ ВОЛНА

Песенка российских эмигрантов

Кто средү меняет в сре́ду не приносит много вреду,
Вред от тех, кого арканом не утянешь из страны...
Александр Градский

Нас учили всем наукам, а потом сказали: «Ну-ка, больно умные вы стали – от ворот вам поворот!».

США мозги скупает, Азия не уступает:
если умный, значит, нужный; а у нас – наоборот...

По́миру пойдем по ми́ру, положив в котомку лиру,
иль научные расчеты, или горсть родной земли...

Заселим университеты в разных уголках планеты,
чтоб российские идеи прорасти хоть здесь смогли.

В Аргентине и в Китае, всюду лекции читаем,
мы несём культуру в массы – кто потише, кто врзлёт.

Мы сыграем, мы станцуем, и споём, и нарисуем,
и романы мы напишем, может, кто-нибудь прочтёт...

Самурайский стиль «зароем» – мы японке дверь откроем,
и вперед её пропустим, и отвесим ей поклон,

Шведке мы уступим место – ведь в метро сегодня тесно,
и всемирных феминисток тихо «спустим под уклон»...

Мы освоим, мы осилим, а быть может, и усилим
меркантильный дикий Запад и таинственный Восток.

А потом по всей планете расплодятся наши дети,
и души частица русской даст и в их душе росток...

Вера Виногорова

Эляна Суодиене

Литва

Доктор гуманитарных наук

АД И РАЙ

ГИНТАРАСА ПАТАЦКАСА

(Гинтарас Патацкас. «Малая Божественная Ко»,
Москва, ОГИ, 2014, перевод А. Герасимовой)

Гинтарас Патацкас является такой же уникальной примечательностью Каунаса, как музей Чюрлёниса, музей чертей или концерты колоколов. Один из уцелевших представителей некогда блистательной каунасской богемы, продолжившей традиции столицы довоенной Литвы («Маленького Парижа»), он и сегодня идёт по утрам в какое-нибудь кафе на Лайсвес аллее (центральной улице Каунаса), как на работу, чтобы за бокалом красного вина или чего-нибудь покрепче вести беседу с кем-нибудь из прохожих, как, к примеру, с издателем своих стихов («Буренки на лугу»), о смысле бытия:

(...) а ты издатель лучше бы послушал
как страдивари медленно поет
а он поет что песня наша спета
хоть нюхай хоть кури хоть ешь хоть пей
что жить так дальше в общем смысла нету
особенно без кроны и корней

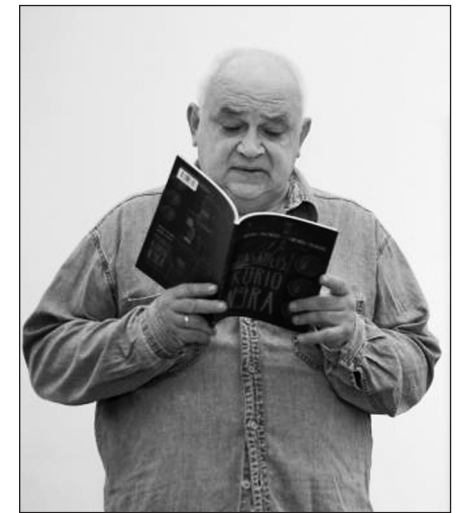
Грузный, высоколобый, одышливый, непредсказуемый, он создаёт свои синтезы в каунасских кафе, подобно русским неоромантикам, сублимируя новую мифопоэтическую реальность. В частной беседе он признался: «Первыми перестроились бюрократы. Потом и я стал искать новую форму выражения дню сегодняшнему, новый поэтический язык».

Язык этот включает элементы праязыка (в стихах свидетельствует о том, что можно учиться речи у медведя, лисиц), и смешение стилей, и многочисленные коннотации.

Мифопоэтическое видение мира (соотнесение всего со всем в Абсолюте) позволяет создавать неповторимую метафорику, используя неологизмы, высокую лексику, просторечия, блестяще обыгрывая ассонансы и аллитерации, крылатые выражения, фразеологизмы. Это качество поэзии Гинтараса Патацкаса в полной мере отражено в переводах Анны Герасимовой: Марите становится Марь Ивановой в стихотворении «Разрешение на выезд» (чёрный юмор – отличительная черта творчества Гинтараса Патацкаса).

Время и пространство гетерогенны, историческое время и личное едины, лирический герой Гинтараса Патацкаса находится одновременно там и тогда и здесь и сейчас. создаётся новое измерение, как в стихотворении «Литовский пейзаж»:

У сентября на флюгере повисли
обугленного лета лоскуты
а белый дым развеялся как мысли
видны москвы сожженные мосты
стогит москва в огне наполеона
а я гляжу туда с его холма
где я живу нет существую сонно
в углу чьего-то хитрого ума
внизу вагонами грохочут рельсы
и будка стрелочника и кусты
по кваи как после войны на йесе
с туристами сплавляются плоты
а солнце догорает как огарок
и катится под реку по кустам

и в девять водопадов ниагара
и обезьяны скачут по мостам
уже синеют тихие предместья
за неманом и ни к чему луна
и так светло от бессловесной вести
что смерть близка и в общем не страшна

(«Наполеонов холм – историческое место в Каунасе, недалеко от слияния Немана (Нямунаса) и реки Йеси, с бывшим фортом; считается, что оттуда Наполеон наблюдал за переправой своих войск при наступлении на Москву в 1812 году. Квай – река в Таиланде»).

Острое чувство современности –

(...) тут трутень трудится треклятый
ему коррупция уют
скупают акции ребята
и экомёд из них куют (...) –

присуще Патацкасу в той же мере, как осмысление исторического времени –

(...) распалась Речь свобода вводит вето
там рыцарь жил в бездонные года
ловил зверей и девочек из гетто
и думал он что это навсегда (...).

«Распалась Речь» – в оригинале – «распалось LDK», Великое княжество Литовское, оно же Речь Посполита), «из-за вето Чичинскаса». Свободное вето мог наложить любой из депутатов сейма; полагают, что этот принцип ослабил княжество и послужил одной из причин его распада. Вето шляхтича Владислава Сициньского (Чичинского), представителя Тракай, прекратило работу сейма в 1652 году. Случай легендарный, но не единичный и не настолько решающий, как выходит по легенде.»

Боль за Литву и родной Каунас – одна из магистральных тем Гинтараса Патацкаса:

(...) пришла весна и веселится вся
что в новых васюках он будет жить
все квасят каунас но не красят
а он мечтал столицей служить (...).

Ощущение вечности так же присуще дискурсу Гинтараса Патацкаса, как и чувство времени.

Поэзия Гинтараса Патацкаса парадоксальна, сингулярна: творение мира – как творение стиха, стих спонтанен, иногда сама конструкция себя создаёт – порой кажется, что звук в аллитерациях или ассонансах диктует композицию стиха, выстраивая смысловой и лексический ряды.

Поэзия Гинтараса Патацкаса многомерна, как Вселенная в теории струн, где множество миров соседствуют, излучая. Чтобы прочесть коды его поэтических текстов, необходимо интеллектуальное и эмоциональное напряжение:

(...) я опоздал я не успел родиться
мне суждены иные эшафоты
пускай саднят истории страницы
перерыдать рахиль моя работа.

В одной из вступительных статей к московскому изданию произведений Гинтараса Патацкаса Анна Герасимова констатирует: «Ныне Патацкас считается в Литве мэтром (в частности как переводчик Гумилёва, Мандельштама, Бродского), а на русский язык почти не переводится».

Кстати сказать, в 1989 году в разделе «Дебют» журнала «Юность» были опубликованы стихи Гинтараса Патацкаса именно в переводе Анны Герасимовой. Хотелось бы восхититься и переводами Гинтараса Патацкаса Александром Щупловым:

Порою нам, ушедшим в фальшь на треть,
Необходима смелость – стать слепыми,
Чтоб, разглядев себя в себе, прозреть.

Ph. Sollers утверждал, что каждый писатель – авантюрист: каждый писатель создаёт собственный язык. Каждый писатель – исключение. Каждый писатель – Другое в системе.

Гинтарас Патацкас создаёт новый язык. Порой кажется, что это делир. Но это только на первый взгляд. В безумном обществе делир – вполне допустимая речь. Делир не более безумен, чем современное общество. Недаром современная критика, акцентируя иронический абсурдизм, видит в его текстах родство с русским модернизмом и постмодернизмом, особо подчёркивая чёткую ямбическую стройность конструкции стиха.

* * *

В кризисные моменты истории мировидение поэта передаёт эмоциональное состояние века. У Гинтараса Патацкаса нет чёткой классификации грехов, как в «Божественной комедии» Данте, но мироощущение канунной рубежной эпохи передано верно. Смена формаций, смена элит, смена эмблематики, несомненно, коснулись каждой молекулы социального организма. Это выражено в стихотворении «Из газет», где явственно звучит мысль о преждевременности оценок болезненного тектонического сдвига эпох:

На самом деле не погиб Гагарин
в другой ракете улетел летать
прогрыз дыру сумел смотреть парень
и выразился эх едрена мать
матроны в космосе не залетают
леса распались небосвод гундит
я гангстером не буду дорогая
предприниматель да но не бандит
такие времена и кто посмеет
сказать что времена не гут
покуда доллар пышно зеленеет
и храбрецы за счастьем бегут

(обыгрывается название фильма «Не буду гангстером, дорогая» (1978) – фильма литовской киностудии по рассказам О. Генри).

* * *

Девять кругов Ада, в котором томится современное общество, четко очерчены в книге Гинтараса Патацкаса. Очевидны характерные для настоящего времени черты, отдаляющие человечество от теоцентричной модели миростроя.

Первый круг Ада:

современное общество – это общество шоу (Ph. Sollers):

БОЖЬЕ УХО

Сидел и выпивал я в ухе божьем
так высоко что прямо боже мой
мне было видно дальше чем возможно
во все концы не только по прямой
в небесном телевизоре сияли

черты зверей богов полубогов
они сто лет друг друга не видали
все ждали отпущения грехов
и пузырились души из болота
и боб до неба вырос на ветру
и как по зову высшего кого-то
они взбирались по его стволу
ещё там было дерево европа
зимбабве сенегал их либе дих
германия с италией галопом
взмывали вверх забыв что нету их
но вот свернулась эта панорама
а в божьем ухе изменений нет
окончена с заложниками драма
опять богам не видется сто лет
и боги бросив женщин и бутылки
неслись как мухи в горные края
и лишь недоумение в затылке
о как же мал был в этом ухе я

(«Идиома «в Божьем ухе» примерно равна выражению «У Христа за пазухой». В устном комментарии автор упоминал, помимо собственного визионерского опыта, народную сказку «Боб до неба» и соответствующее стихотворение М. Мартинайтиса).»

(Сноска после этого стихотворения в книге).

Второй круг Ада:

мы живём в эпоху симулякров, всё симулируется: работа, любовь (J. Baudrillard):

ВОПРОС К РОДИНЕ

Скрипит дискриминация зубами
скребёт дискредитация в углу
ботиночки худы гробы гробами
просили каши сели на иглу
удавка ловит бабочку за шею
закидывая галстук на плечо
ну мастер внешних и иных сношений
дурман арестовал тебя и чо
вообрази фуршет у абсцинента
жратвы полно а выпить ни на грош

насилу дожидаясь момента
бежишь на двор икаешь и блюёшь
тут каждый пакт как акт просчитан тонко
валяется в кювете артефакт
последнее прибежище поддонка
на родину дровичь а что не так
вот неман мол маяк подобен шприцу
летит в меня и целит прямо в лоб
чтоб только уколиться и забыться
чтоб гуси-лебеди со свистом чтоб

или:

ЭПИГОНЫ

Не обзывайте эпигоном черти
я в Фивы улететь не норовлю
я обречён выслушивать концерты
всех тех кого неискренне люблю
поведай нам голубка антигона
как много эпигонов на земле
и только пара светляков зелёных
мерцает на поваленном стволе
налево мимо рима промахнёшься
направо жемайтийские дворы
а будешь бегать на меня наткнёшься
не раз не два о чаще раза в три
ну что ещё я вам скажу ребята
собрав стихов безбрежный урожай
хемингуэй две тысяча десятых
всё зачеркни и в Фивы уезжай
пункт а) пять призраков во тьме подвала
пункт б) бежит четвёрка за строкой
вот так кефира перепьёшь бывало
а кабалы и нету под рукой

Третий круг Ада:

эмоциональные связи между людьми ослабевают, возникают связи между группами людей. Но кажущаяся свобода обманчива. Абстрактные ценности – деньги – делают цинизм возможным. Уязвимы все: и богатые, и бедные. Возникает blase (усталость) (G. Simmel):

УРОК ИСТОРИИ

Опять ревут манежи и арены
тирану аплодирует театр
явятся львы кровищи по колено
бесцельно погибает гладиатор
но это игнорируют дукаты
сентенции остались под землёй
летит земля орбитой покатою
с коперником стыкуешься порой
он сообщает что забыл побриться
и упустил планету из планет
зачем плебеями пугать патрициев
лишь голову долой а толку нет

А вот строки из стихотворения «Биржа»:

Я в бизнес затесался ненароком
и поделиться истиной могу
что люди не живут никоим боком
а кто живёт обычно ни гугу (...)

А вот – из стихотворения «Карты»:

(...) подмасленное маслом не испортишь
и главное чтоб полным был горшок
а не пустым как той страны бумажник
где кризис затянулся ремешком (...)

Четвёртый круг Ада:

секс и бессмыслица – норма в современном обществе (Ph. Sollers):

ТЕАТР

Она шуршала вянущею вишней
я левою ногой её ласкал
она сияла будто бы всевышний
поллитра ей нечаянно послал
а скрипка не скупилась на рыданья
хотя не знала ноты ни одной
во мне толпился воздух ожидания

и пяясь в сцену врезался спиной
 где раздвигая занавеса тени
 актриса в благородной седине
 решала оставаться ей на сцене
 или свалить безвременно вовне
 сосед брюнет брутальные замашки
 её куда-то звал издалека
 и так ей шли насилье и подтяжки
 что мы решили все попить пивка
 а под пятою радовалось тело
 пята была прохладна и легка
 а в сувалькии ягода созрела
 пунцовая как нос у следа
 текли по трубам годы радикала
 радикулит завёлся под пальтом
 пощипан светлый образ идеала
 и сиськи здоровенные притом

(грамматическая ошибка «пальтом» вместо «пальто», видимо, допущена сознательно для сохранения рифмы. – Авт.).

Пятый круг Ада:

дискурс общества потребления имеет антидискурс – общество потребления отрицает само себя. Модернизм самодеструктивен и самокритичен (J. Baudrillard):

ТЫ ЗНАЕШЬ КРАЙ

Ушли евхаристичные натуры
 слетели кочаны с геройских плеч
 расстреляны менады и амуры
 им штабелями надо в землю лечь
 я виноват я дал всему завшиветь
 ведь я им пропуск выписал на въезд
 туда где хор на терциях фальшивит
 и гитлергюгенд кашу с маслом ест
 гуд бай кричит пространство и со шприцем
 к нам тянется рука с других планет
 и в голубую даль зовут нас принцы
 а вот принцессы почему-то нет

Шестой круг Ада:

детерминированность уступает место новой парадигме – непредсказуемости, катастрофичности (J. Lyotard):

АРМАГЕДОН

Вот гряновальд жалыгирис и нет возврата
 армагедон грядёт во всей красе
 стеной стоят железные солдаты
 запомни имена погибнут все
 о них напишут в завтрашней газете
 а завтра не наступит никогда
 и только лишь одна на белом свете
 снежинка им полярная звезда
 несутся всадники армагедона
 всё ближе страшный гром и яркий свет
 стучат копыта танки прут колонной
 залей же уши воском мой совет
 залей глаза пока не закатились
 заройся головой в родной песок
 но помни как её глаза светились
 и непорочной девы образок

Седьмой круг Ада:

символ сменяется кодом. Поскольку код вошёл в органику общества, исчезают противоположности. Все понятия размываются – красота и безобразие в искусстве, левое и правое в политике, правда и ложь, добро и зло (J. Baudrillard):

ПОДРУГА

Ударил в рожу запах самогона
 теперь бы с самоката не упасть
 грамм двести расплескалось из бидона
 с плечами атрибутика срослась
 кресты и звёзды черепа с костями
 и свастика жевачкой к рукаву
 прилипла и цепляется когтями
 в конце сезона может оторву
 и прямо просит корочка сухая

чтоб гуталином смазали смотри
полбанки есть и маза неплохая
ухлопать человека изнутри (...)

Круг восьмой Ада:

в обществе, где всё случайно, недетерминированно, можно пропустить и собственную смерть (M. Blanchot). В эпоху всеобщего обворожения даже смерть может быть не настоящей (J. Baudrillard):

ЧИТАТЕЛЬ

В кустах нашёл я теккеря
хотел читать его два дня
боюсь что кончится быстрее
он без обложки у меня
страниц там многих не хватает
он без начала и конца
и это в корне поменяет
благие замыслы творца
который детскими устами
глаголет нам что не всегда
бывает так что люди сами
предполагали вот беда
библиотека либеря
тут в паре стадий в двух шагах
я проживу без теккеря
без достоевского мне швах(...)
хотел я бархата и замши
хотел мальвину без ушей
а вышло так что вышла замуж
а после выгнала взащей
прощайте пёстрые полянки
и на рассвете пенье птиц
не ждал от вас такой подлянки
как эта книга без страниц

Девятый круг Ада:

сама система понимается как перформанс. Человека как игрока языкового поля запрограммировать нельзя. Контроль тормозит развитие (J. Lyotard):

КРИТИКЕССА

Юга не знают север ни фи́га
торчат ночные тени в эдельвейсах
как льнут к земле роскошные снега
так льнёт к мулатке мех больших медведиц

(...) не гаснет пастернакова свеча
в чужом окне где с лошадиной силой
дала соседу в голову моча
он как завоюет господи помилуй
внезапно вспомнит все свои грехи
надеется что будет принят раем
а я сижу пишу свои стихи
мне всё равно мой почерк узнаваем
и снова ни жива и ни мертва
зависла молодая критикесса
и слово прорастает как трава
и стоит монографии и мессы
прохладен храм пространство в нём поёт
прозрачный воздух чист и незапятнан
пируют дожи ночи напролёт
при свете звёзд бесплотном и бесплатном

Это – предпоследнее стихотворение книги, раздел «Рай». И лексика, и стилистика, и содержательная составляющая всех разделов сборника – Ад, Чистилище, Рай – сходна.

Единственно безусловно светлым стихотворением книги является последнее стихотворение сборника, где звучит тема матери, нерушимого духовного родства с ней.

Видимо, в современном обществе стираются границы не только между добром и злом, но и между Адом и Раем.

Не является ли это симптоматикой постчеловеческой эры, о которой заговорили философы и социологи, чутко уловляемой внутренним слухом поэта?

В этой связи логичным представляется отсутствие знаков препинания в текстах: в канунные эпохи приоритетные и интонационные акценты каждый должен расставить сам.

Валентин Кащеев

(1934–1989)

Латвия

*Физик-теоретик мирового класса.
Доктор физико-математических наук.
Заведующий лабораторией в Институте
физики Академии наук Латвии.
Руководитель философского семинара
на Атомном реакторе Института
физики. Признанный знаток и ценитель
художественной и философской
литературы.*

ХАРАКТЕР И РОЛЬ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ТРЕБОВАНИЙ В ФИЗИКЕ*

В работах физиков (и математиков) очень часто можно встретить выражения вроде «изящный вывод», «красивый результат», «простой и убедительный метод» и т. п. Эстетические понятия (и даже категории эстетики) употребляются широко, но, как правило, они носят «внешний» характер по отношению к соответствующим физическим методам или результатам, не касаются значения или сути последних. Кроме того, понятия эстетики, будучи употреблены в физическом контексте, часто несут лишь эмоциональную нагрузку в дополнение к главной – рациональной – оценке физического эксперимента или формулы. Наиболее известное исключение – тезис крупнейшего английского физика-теоретика П. Дирака об эстетическом критерии как критерии истинности математического формализма в физике.

В связи с этим возникает необходимость разобраться в характере и роли эстетических требований в физике. Ниже мы постараемся показать, что понятия и категории эстетики, использованные в физике, не носят только «внешний» или эмоциональный характер и совершенно не исчерпываются этим, что они отражают существенные стороны физических

* Доклад, прочитанный на философском семинаре на Атомном реакторе Института физики АН Латвии.

методов, выводов и формул. Рассмотрим также вопрос о красоте формулы как критерии ее истинности. Здесь уместно указать на объективные трудности, с которыми мы сталкиваемся при рассмотрении этих вопросов: почти полное отсутствие в отечественной философской и эстетической литературе обсуждения роли эстетики в физике и незавершенность построения теории эстетических категорий.

Схема дальнейшего изложения такова: «разыжем» термин «красота», как он употребляется в физике, на отдельные «составляющие» – эстетические понятия и категории, покажем, какие существенные стороны физических выводов, экспериментов, формул и т. п. они отражают, и отметим, какую роль эстетические требования могут играть в физике, если их применять не только (и не просто) чисто эмоционально.

1. НЕОЖИДАННОСТЬ, ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ

В физике (как и в математике) высоко ценятся неожиданные, парадоксальные выводы и формулы. Именно парадоксальность, остроумие вывода являются существенными «элементами» его красоты. Чем сложнее, тоньше, отдаленнее и опосредованнее связь между посылками, тем неожиданнее и парадоксальнее следующий из них вывод. В этом смысле «красивое» следствие отражает очень существенные и глубинные свойства явлений природы; существенные потому, что здесь «сущность является» через неожиданность, и глубинные потому, что эта «сущность является» через много взаимопереплетенных опосредований. Таков характер указанных в заголовке этого раздела эстетических требований. Отсюда вытекает и роль неожиданности, парадоксальности выводов в физике (и математике): такие результаты а) эвристичны, т. е. богаты конкретными и новыми выводами и следствиями, и б) более правильны, верны, т. е. они, если воспользоваться определением научной абстракции, «отражают природу глубже, вернее, полнее», чем «не неожиданные» и менее парадоксальные выводы и следствия. Одним из наиболее известных примеров того, как физики ценят парадоксальность, является мнение Н. Бора о гейзенберговской нелинейной теории элементарных частиц: она недостаточно «безумна» (т. е., по нашей терминологии, недостаточно неожиданна и парадоксальна), чтобы быть верной. Разумеется, критерий неожиданности и парадоксальности ни в коей мере не тождествен критерию истинности; критерием истинности «остается» практика. Неожиданность и парадоксальность, в силу того, что за ними скрывается (см. выше), есть лишь

указание на то, что обладающий этими особенностями результат может быть более близок к истине, чем результат, при прочих равных условиях не обладающий такими свойствами. Практика, как критерий истины (т. е. в физике эксперимент, как проверка и логически окончательное обоснование соответствующей теории) отвергает и эстетический критерий истинности теории у П. Дирака.

Следует отметить, что конструктивное исследование затронутых здесь вопросов связано, по нашему глубокому убеждению, с использованием в эстетике идей, а, возможно, и методов теории информации. Ведь до сих пор в «традиционной», т. е. оперирующей только и чисто философско-гуманитарными понятиями, эстетике вообще не отмечается количество информации, получаемой при том или ином эстетическом восприятии, а исследуется лишь специфика этой информации.

2. ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ

Когда в физике говорят, что тот или иной вывод или эксперимент целесообразен, то под этим обычно подразумевают, что а) этот вывод получен с необходимостью из соответствующих посылок, или только данный (и только при вполне определенных условиях) эксперимент ставился для проверки соответствующей гипотезы или теории; б) вывод или эксперимент не сопровождается ненужными, второстепенными или дополнительными подробностями и (или) деталями. Таков характер эстетического требования целесообразности в физике. Далее, при прочих равных условиях физический результат будет тем целесообразнее, чем – при соблюдении, по-прежнему, его необходимости при данных посылках (или необходимости эксперимента при данных условиях) – из меньшего количества исходных посылок он получен (чем более жестки требования к условиям эксперимента). Здесь требование целесообразности смыкается еще с одним эстетическим критерием в физике – критерием простоты (см. ниже). По нашему мнению, наиболее «чистым» проявление целесообразности будет тогда, когда вывод (формула) дается единственным доказательством. Если говорить об экспериментальной физике, то эксперимент наиболее целесообразен тогда, когда он – единственное (в соответствующих условиях) доказательство гипотезы или теории.

С точки зрения общеполитической в эстетическом по своему характеру требовании целесообразности в физике отражается: а) каузальность связей между явлениями материального мира; б) диалектика необходимого и случайного. В требовании целесообразности выступает та сторона

человеческого опыта, которая среди многих причин выделяет одну или несколько главных.

Отсюда ясна роль требования целесообразности в физике. Оно понуждает искать необходимые среди кажущихся на первый взгляд эквивалентными доказательства того или иного положения (формулы). Тем самым из множества причинных по своему характеру связей между явлениями материального мира, пересекающихся и завязывающихся в данном выводе (формуле), отбираются наиболее существенные, главные.

Чтобы полнее выявить характер обсуждаемого требования в физике, поучительно сравнить его с целесообразностью в природе (отражением которой является, конечно, целесообразность в продукте научного творчества). И. Кант в «Критике способности суждения» писал: «Красота – это форма целесообразности предмета, поскольку она воспринимается в нем без представления цели», т. е. целесообразность в предмете должна быть «непредумышленной». И далее: «В произведении изящных искусств... целесообразность в его форме должна казаться настолько свободной от принудительности произвольных правил, как будто бы это было продуктом самой природы». Таким образом, чтобы выглядеть красивым, произведение искусства должно казаться естественным.

Продукт же научного творчества, чтобы быть «красивым» в этом смысле, должен удовлетворять противоположным требованиям. Его «красота» не естественна, она «конструируется» по правилам «научной игры», отражающим реальность в ее существенных сторонах (каузальность, необходимость и т. д.). В итоге мы приходим к следующему общему выводу: целесообразность продукта научного творчества (в том числе, разумеется, в физике) есть опосредованная целесообразность предмета природы. Иной характер опосредования в целесообразности «произведения изящных искусств». Однако обсуждение этого вопроса выходит за рамки данной статьи.

3. ПРОСТОТА

Поскольку универсального критерия простоты не существует, мы дадим определение принципа простоты так, как он обычно используется в физике (и математике), а именно: теория тем проще, чем меньше в ее основе независимых основополагающих утверждений («аксиом»). Простые в указанном смысле теории чрезвычайно высоко ценятся в физике (и математике). Например, известные советские физики Л. Д. Ландау и Е. М. Лифшиц называют общую теорию относительности А. Эйнштейна

одной из самых красивых физических теорий, поскольку все богатство ее содержания фактически заключается в двух основополагающих утверждениях: принципе эквивалентности и принципе общей ковариантности. Как справедливо отмечает В. Н. Костюк, этот критерий простоты не относится к логически замкнутым системам (построениям), где все наборы аксиом, обладающие полнотой и непротиворечивостью, «утверждают» одну и ту же степень общности – в силу определения таких систем.

В основе вышеприведенного определения простоты теории лежит требование ее общности: чем «общее» теория, тем она в указанном смысле проще. Роль же такого требования простоты в физике заключается в том, что из общей теории можно получить много конкретных следствий и результатов, т. е. чем «общее» теория, тем она эвристичнее. «Технически» же такая простая теория является весьма сложной, ибо путь от содержащихся в ней общих утверждений к конкретным выводам и предсказаниям содержит большое число опосредований. В этом смысле не составляет исключения и общая теория относительности: она использует один из сложных разделов современной математики – тензорный анализ.

Объективной предпосылкой критерия простоты служит диалектика необходимого и случайного (как и в случае целесообразности), существенного и несущественного. В очень простом – и в очень общем – утверждении пересекается множество необходимо связанных явлений. Это обстоятельство и определяет эвристику простых теорий.

Здесь следует отметить тесную связь простоты (в смысле наибольшей общности) теории с так называемыми логическими критериями ее истинности. Как известно, они заключаются в принципе соответствия и эвристичности. Напомним, что принцип соответствия состоит в том, что более общая теория (т. е. теория, объясняющая более широкий круг явлений и исходящая из меньшего числа более общих посылок) содержит в себе как частный (предельный) случай менее общую; это соответствует диалектике движения к абсолютной истине через последовательность относительных истин. Содержание же понятия «эвристичность теории» очевидно. Отсюда ясно, что и по своему содержанию, и по заключенным в ней потенциальным возможностям более простая (т. е. более общая и эвристически богатая по содержанию) теория является и более истинной в смысле удовлетворения логическим критериям истинности.

Подчеркнем, что, как и в случаях целесообразности и парадоксальности, простота теории есть только указание на ее истинность; последняя проверяется лишь практикой (экспериментом).

4. СИММЕТРИЯ

Симметрия как «элемент» красоты отмечалась еще древнегреческой эстетикой (например, в «Каноне» Поликлета: «Красота тела заключается в симметрии частей»). Применительно к физике симметрия в формулах и уравнениях, как и их простота, – это первое, что бросается в глаза. Если какой-либо физический объект, формула или уравнение обладает элементами симметрии, т. е. определенной регулярностью и повторяемостью частей, то это, прежде всего, означает, что он обладает структурой. Во-вторых, из наличия симметрии следует, что структура объекта (формулы, уравнения), обладая регулярностью, не случайна, а подразумевает определенную закономерность и необходимость в своем образовании. Структура формул и уравнений физики должна быть в определенном смысле изоморфной структуре отражаемых ими объектов, явлений (и соотношений между ними) материального мира. В-третьих, в симметрии частей формул или уравнений физики отражена диалектика единства противоположностей описываемых этими формулами свойств материи. Эта сторона понятия симметрии в физике была отмечена уже давно на примере уравнений Максвелла, куда симметрично входят векторы напряженностей электрического и магнитного полей. Последние являются диалектически связанными двумя сторонами единой субстанции – электромагнитного поля.

Таков характер принципов симметрии в физике. Роль же их заключается в том, что при исследовании объекта, обладающего структурой, следует «определить группу его автоморфизмов, т. е. группу, элементами которой являются преобразования, оставляющие без изменения все структурные соотношения».

Применение принципов симметрии в физике в высшей степени эвристично. Ни один из упоминавшихся выше и связанных с эстетикой принципов не дал физике такого количества как самых общих, так и узко конкретных результатов, как принцип симметрии. Использование математического аппарата теории групп позволило установить структуру кристаллических соединений, энергетические спектры атомов, молекул ядер и кристаллов, общие соотношения между свойствами пространства–времени и законами сохранения и т. д. Можно сказать, что принцип симметрии в физике из чисто эстетического требования превратился в рабочий инструмент основных разделов физики.

Целесообразность, простота и симметрия как эстетические понятия входят в категорию (т. е. наиболее общее понятие) эстетики – гармонию. В этой связи поучительно вспомнить кантовское определение красоты:

«Красота – это такое свойство предмета или познания, посредством которого способность познания может быть приведена в состояние гармонической согласованности» (из «Материалов к курсу логики»). Как мы видели выше, красота в физике, отражая существенные стороны в движении материи, взятая в совокупности своих элементов, и есть «приведение в гармоническую согласованность» совокупности наших физических знаний о предметах.

Применение эстетических требований в физике (и математике) весьма плодотворно для самой физики. Осознание же характера этих требований помогает уяснить и специфику отражения физикой закономерностей движения материи. С другой стороны, достижения физики, в том числе – и ее формального аппарата (принципы общей ковариантности, соответствия, симметрии и т. д.), на наш взгляд, должны способствовать обогащению и углублению понятий и категорий эстетики – так же, как физика существенно обогатила материалистическую философию вообще. И здесь – еще непечатый край работы и для эстетиков, и для физиков.

*Философские вопросы естествознания.
Рига, «Зинатне»*

Александр Ольбик

Латвия

Член СП и Союза журналистов Латвии. Работал в газетах «Советская молодежь», еженедельниках «Юрмала» и «Совершенно откровенно». Заслуженный журналист ЛССР. Автор нескольких книг прозы («Что за поворотом?», «Президент», «Норд-Ост», «Ящик Пандоры», «Проклятие Чёрного квадрата», «Ностальгические хроники», «Крымская соната» и др.) и поэтических циклов.

ВЗОЙТИ НА ЭШАФОТ, ЧТОБЫ ВОСКРЕСНУТЬ...

Интервью с Чингизом Айтматовым

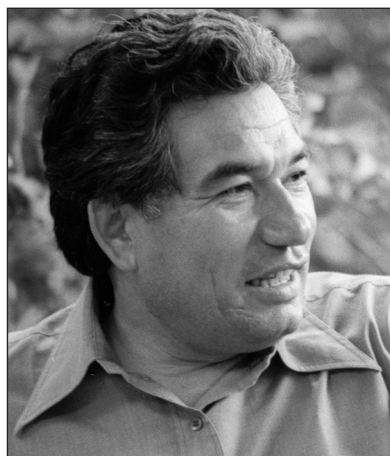
Чингиз Торекулович Айтматов родился 12 декабря 1928 года в кишлаке Шекер Кировского района Киргизской ССР.

В 1937 году отец будущего писателя, партийный работник, слушатель Института красной профессуры в Москве, был репрессирован. В этой связи Чингиз Торекулович вспоминает: «Наша семья переехала в аил. Вот тогда и началась для меня подлинная школа жизни, со всеми ее сложностями». А что может быть сложнее, чем труд земледельца? Этим он занимался с десяти лет. Мать работала счетоводом, Чингиз ходил в русскую школу. В годы войны работал секретарем сельсовета, налоговым инспектором. В 1946 году после восьмилетки поступил в Джембульский зоотехникум. Закончил его с отличием, после чего пошел учиться в Киргизский сельскохозяйственный институт.

В 1956 году будущий писатель приехал в Москву и поступил на Высшие литературные курсы. Затем редактировал журнал «Литературный Киргизстан», пять лет работал собкором газеты «Правда».

С 1968 – народный писатель Киргизской ССР.

Пишет на киргизском и русском языках.

Академик АН Киргизской ССР (1974).

Герой Социалистического Труда (1978).
Лауреат Ленинской премии в области литературы (1963), Государственных премий СССР (1968, 1977, 1983), Государственной премии Киргизской ССР (1976).

По произведениям Чингиза Айтматова созданы кинофильмы «Джамиля», «Перевал», «Белый пароход», «Зной», «Первый учитель», «Материнское поле», «Бег иноходца», «Я – Тянь-Шань», «Красное яблоко».

* * *

...«Литература, – говорит Чингиз Айтматов, – должна самоотверженно нести свой крест – вторгаться в сложности жизни, с тем чтобы человек знал, любил, тревожился за свое доброе, лучшее, достойное в себе, в людях, в обществе. В этом я вижу истинное назначение искусства».

Писатель остался верен своему слову...

«...А побоище длилось. Врезаясь на машинах в гущу загнанных, уже выбивающихся из сил сайгаков, отстрельщики валили животных направо и налево, еще больше нагнетая панику и отчаяние. Страх достиг таких апокалиптических размеров, что волчище Акбаре, оглохшей от выстрелов, казалось, что весь мир оглох и онемел, что везде воцарился хаос и само солнце, беззвучно пылающее над головой, тоже гонимо вместе с ними в этой бешеной облаве, что оно также мечется и ищет спасения и что даже вертолеты вдруг онемели и уже без грохота и свиста беззвучно кружатся над уходящей в бездну степью, подобно гигантским безмолвным коршунам. А отстрельщики-автоматчики беззвучно палили с колена, с бортов уазиков, и беззвучно мчались, взлетая над землей машины, беззвучно неслись обезумевшие сайгаки и беззвучно валились под прошивающими их пулями, обливаясь кровью...»

Это строки из романа «Плаха».

Мы не случайно начали с трагической линии произведения, вообще характерной для творчества Чингиза Айтматова. Критик Евгений Сидоров, выступая на страницах «Литературной газеты», заметил: «Между тем, творчество Абрамова, Быкова, Айтматова, Распутина, Бондарева, Астафьева, Воробьева и Адамовича позволяет поставить проблему трагического как одну из жизненно важных, имеющих прямое отношение к историческому оптимизму».

С обсуждения этого мнения и началась наша беседа.

– Чингиз Торекулович, я, честно говоря, не совсем понимаю, что такое «исторический оптимизм». Как непонятно и другое: почему критики, да и писатели, в последнее время это самое трагическое в литературе возводят в ранг небывалого откровения? А ведь во все времена трагическое – неотъемлемая, а, пожалуй, и главная часть – было предметом литературы.

Вы совершенно правы, когда говорите о трагическом в контексте отображения действительности в литературе. Ничего нового в этом нет. Настоящая литература не чуралась темных, разломных сторон жизни. Впрочем, когда-то в нашем искусстве на этот счет были совершенно другие взгляды, чему есть закономерное объяснение. Молодое послереволюционное общество создавало свою культуру и, в том числе литературу, под знаком социалистического реализма. Литература – мощный фактор самосознания и художественного видения, и революции надо было, чтобы искусство и литература встали на ее сторону. Так с их помощью шло проникновение идей революции в сознание широких слоев народа. И тогда появилось такое понятие, как **оптимистическая трагедия**. Наиболее характерна для этого периода пьеса Вс. Вишневского с тем же названием. Но постепенно в показе действительности с помощью художественных средств слово «трагедия» отошло на второй план, уступив место всеобщему оптимизму. Если вначале «оптимистическая трагедия» играла положительную роль в преодолении трудностей на пути строительства социализма, то впоследствии отрицание трагического приняло уродливые формы. А это привело к тому, что всё мало-мальски негативное в жизни, не совпадающее с нашими целями и желаниями, стало для литературы непрошеным гостем. Более того, отрицательные явления жизни как бы не замечались, и уж тем паче не могли стать предметом не только освещения на страницах книг, но даже поводом для размышлений. Сложилась, прямо-таки анекдотическая ситуация: конфликты художественных произведений строились на борьбе хорошего с лучшим.

Сейчас мы пытаемся выйти из этого порочного круга, но для этого нужно честно признать: наш путь тоже осложнен острыми, порой трудноразрешимыми социальными проблемами, которые нельзя устранить с помощью «фигуры умолчания» или подслащенной пилюли. Трагедия есть трагедия. Это сокрушение человеческого духа, его устремлений, целей, желаний, несовпадения идеалов с действительностью. И такие наши писатели, как Абрамов, Бондарев, Быков, Распутин, Астафьев, Гранин, действительно не уходили и не уходят от общечеловеческих проблем, ибо для

их совести понятие правды и справедливости считается с самой жизни. А правда ведь может быть и горькой, и трагичной...

– Лев Толстой сказал, что никакой огромный нос не уродлив, но он уродлив на малом лице. Хочется с этим утверждением привести такую параллель: уродлив гигантский поток плохой литературы на крохотном плато настоящей. А может быть, это закономерно: на тонну пустой породы – унция золота?

– В молодости я тоже горячился, пытался бороться с халтурой и делал это с трибуны и с помощью печати. Я был абсолютно уверен, что с годами поток серятины истечет, высохнет и его заменят чистые родники подлинной литературы. Но шло время, а мои надежды не сбывались. Все получалось наоборот: селевой поток невыразительности, безвкусицы, пошлости стал захлёстывать литературу. Как с этим бороться?

Дело в том, что наша критика очень обезличенная, безадресная, а потому ни для кого не опасная сила. Каждый недобросовестный, бесталанный, но пробивной сочинитель в такой атмосфере анонимности ни за что не примет на свой счет упрёк. Каждый самодовольно думает – это не я плохо пишу, это делает кто-то другой.

Но несостоятельность критики – это еще полбеда. Хуже, что широкий читатель принимает халтуру. Как это ни прискорбно осознавать, но именно спрос на второстепенную литературу способствует ее возникновению. Книга у нас общедоступна, и это с одной стороны хорошо, с другой – такая доступность порождает явление размытой массовой культуры. Избежать этого можно только двумя путями: во-первых, не писать и не издавать плохих книг, что пока кажется чистой фантастикой, и, во-вторых, необходимо воспитывать вкус читателя, поднимать его общую культуру. Чтобы человек умел с одного взгляда отличить настоящую литературу от ее имитации. Но для этого нужно объединить усилия школы, семьи, литераторов и искусствоведов.

– Не кажется ли вам, Чингиз Торекулович, что этот путь несколько идеалистичен?

– Но я не вижу альтернативы... Вспомним Льва Толстого: трудность распознавания художественного произведения в нашем обществе увеличивается еще и тем, что внешнее достоинство работы в фальшивых произведениях не только хуже, но часто бывает лучше, чем в настоящих. Не правда ли актуально звучит?

– А есть ли критерии, позволяющие безошибочно отличить настоящую литературу от фальшивой?

– Да, есть. Но – безошибочные ли? Ведь речь идет не о материальных величинах – габаритах, весе, плотности и т. д. И пока наше эстетическое мышление будет находиться на примитивных стадиях развития, до тех пор будут игнорироваться широкой публикой высокие образцы искусства и поощряться посредственность.

– В ваших ранних произведениях, например, «Джамиля», «Тополёк мой в красной косынке», «Прощай, Гульсары!» вы пользовались чрезвычайно доступными художественными средствами. Но в одном из интервью вы сказали, что со временем ваши книги стали терять читателя, так как то, что вы стали затем писать, требовало от него (читателя) определенного литературного опыта. Какие свои произведения вы относите к этому разряду – усложненных, что ли?

– Процесс утраты читателя – в количественном отношении – действительно продолжается. А начался он с «Белого парохода», затем многие споткнулись на «И дольше века длился день», и уж совсем, по-моему, пореди ряды читателей нового моего романа «Плаха»...

– На чем основывается это ваше мнение?

– Критерий оценки книги один – читательские письма. Это довольно точный показатель. Ранние мои произведения, как правило, вызывали обильную почту. Люди писали мне и нехитрыми словами выражали свое отношение к моим книгам, в которых им нравились простые коллизии, незамысловатые сюжеты. Проблема же, поднятая до уровня философского обобщения, воспринимается труднее. То, что я сейчас пишу, требует подготовленного читателя. Конечно, мне хотелось бы, чтобы «Плаху» прочло как можно больше людей. Но новый роман, если судить по письмам, воспринимается широкой читательской аудиторией с трудом.

– Почему этот роман имеет столь драматическое название, и что привело вас к теме наркомании, которой прежде у нас в стране предпочитали не касаться?

– Наркомания – это ноющая рана, в лечении которой пластырем или аспирином не отделаешься. Это – болезнь общества. И вопрос в том, как эту болезнь лечить. Я глубоко убежден, что здесь литература должна сыграть свою хирургическую роль.

Как я пришел к теме? Описанная мной трагедия разворачивалась недалеко от моего дома. Анаша (она в обилии растет в наших краях) – сорняковая трава, прежде особого внимания не привлекавшая. И вдруг живущие за тысячи километров от нас люди кинулись за ней в среднеазиатские

степи. Для кого-то она стала трагическим Клондайком, втягивающим в себя уже потерянные и еще не окрепшие души.

В романе «Плаха» я попытался ответить на мучавший меня вопрос: почему при всем, так сказать, благополучии люди преодолевают большие расстояния и подвергаются риску, чтобы заполучить кустики анаши? Какие социальные, бытовые, психологические причины толкают «рыцарей» наркотического кайфа в наши степи? Вопрос чрезвычайно не простой: что стряслось с обществом, с людьми, с молодежью в частности? Хватит делать вид, что ничего подобного не происходит, не может происходить...

«Плаха» – это эшафот, помост, на котором совершается казнь. Разумеется, использовал я это слово в переносном смысле. Мой главный персонаж Авдий Каллистратов оказался на решающем повороте своей жизни. Он взойдет на плаху, и в этом смысл романа.

– **Чингиз Торекулович, как по-вашему, – удался ли вам этот роман?**

– Думаю, что удался. Если сам автор не все знает о своем произведении, то кто же тогда знает? Это, безусловно, лучшее, что до сих пор было мной написано. Однако такое ощущение у автора длится недолго: новое произведение начинает самостоятельную жизнь, а писатель, понемногу приходя в себя, обращается уже к другим темам. Нужно успеть сказать многое.

– **Тема волков в вашей книге нашла потрясающее – другого слова просто не подыскать! – воплощение. То, что делают люди с природой, заставляет по-другому взглянуть на «звериную сущность»... человека. Горько сознавать, что волчий оскал в романе нас не пугает так, как пугает человеческий. Именно такие мысли приходят, когда читаешь «Плаху».**

– Если прежде мы могли наивно полагать, что природа существует сама по себе, что она велика и неисчерпаема, то теперь от этого абсурдно-го взгляда нужно отказаться. Любая букашка, любой дикий зверь и человеческое общество в целом находятся в нерасторжимой взаимозависимости... Человек должен остановиться и осознать, что он всего лишь часть природы. Вот с этой целью – помочь людям взглянуть на себя как бы со стороны – я и включил в роман тему волков как философский аспект. С этого я начал книгу, этим ее и закончил. Люди обязаны сохранить природу для других поколений.

– **Что бы вы могли ответить критику из «Комсомольской правды», представляющего последние романы Быкова, Астафьева и... вашу «Плаху» таким образом, будто они выражает идею, что с помощью**

религиозных установок можно и нужно оздоравливать нравственность людей... Лично у меня сложилось впечатление, что автор статьи «Кокетничая с боженькой» не удосужился взять на себя труд отделить персонаж романа от личности автора. С таким же успехом убийство Раскольниковым старухи-процентщицы можно было бы приписать самому Достоевскому.

– И не только в этом дело. Статья вообще примитивная, и мне кажется, она абсолютно не отвечает духу времени. Когда мы говорим о перестройке в стране, то имеем в виду не только перестройку производственно-экономического механизма, но и – прежде всего! – перестройку нашего мышления. Если мы и дальше будем строить такие умозаключения и упрощать людские взаимоотношения, выхолащивая значимость человеческой личности, такой подход ничего нового нам не даст. Те воззрения, в которых автор статьи пытается кого-то убедить, давным-давно всем известны, пройдены и главное – не могут быть панацеей от нравственного разложения.

Это вовсе не значит, будто я занимаюсь богоискательством и призываю других искать его. Еще раз обращусь за помощью к Льву Николаевичу Толстому, напомнив его слова о том, что под религиозным содержанием он разумеет не внешнее поучение в художественной форме каким-либо религиозным истинам и не аллегорическое изображение этих истин, а определенное, соответствующее высшему пониманию мировоззрение, которое бессознательно для автора проникает во все его произведения.

– **В заметках о себе вы написали, что оба языка – киргизский и русский – для вас родные. И все же, на каком из них вы пишете свои книги?**

– Все зависит от литературного материала. Свои ранние вещи, как правило, писал на киргизском языке. Романы «И дольше века длился день» и «Плаха» – на русском. В расчете, разумеется, на более широкого читателя.

– **Нередко в размышлениях о ваших произведениях проскальзывают сравнения с творческим методом Габриэля Гарсиа Маркеса. В чем тут, на ваш взгляд, дело?**

– Наверное, в том, что я чаще других наших писателей использую мифы, легенды, что характерно и для творчества Маркеса.

– **Какие горькие мысли вас чаще всего посещают?**

– На меня страшно подействовала чернобыльская катастрофа. Я, конечно, понимаю, что в любом деле бывают срывы: выходят из-под контроля газовые скважины, рвутся нефтепроводы, разбиваются самолеты. Но как

бы ни были трагичны эти катастрофы, они не так ужасны по своим последствиям, как авария атомного реактора. В случае с Чернобылем я вдруг понял, насколько человечество самоуверенно в покорении еще не до конца понятых сил природы. Стремление все успеть, всех опередить, не подкрепленное основательным научно-техническим подходом, и приводит к таким несчастьям. Нельзя штурмовать Гималаи научно-технического прогресса без надежного страховочного снаряжения. Это преступно.

– **Отдыхая в Юрмале, вы что-нибудь написали?**

– Попробовал написать рассказ с несколько смешным названием «Титина и Китон». Хочу рассказать об ответственности в любви. Замысел рассказа родился в беседе с журналистами, когда кто-то из них спросил, что я думаю о теме любви в литературе, и не является ли, вернее, не должна ли она стать центральной темой? Какое-то время любовь, как тема, у меня действительно была на втором плане, и вот теперь я снова как бы приближаю ее к себе.

– **В свое время вы сказали «Я хочу разбудить совесть в людях...» Не разочаровались ли вы в своих устремлениях? Ведь на этом пути столько препятствий и рогаток...**

– Нет, не разочаровался. Да и не может такого случиться. Как бесконечна сама жизнь, так бесконечны и наши попытки разобраться в ней, найти верный путь к сердцу человека...

– **Спасибо за беседу, творческих вам успехов.**

Юрмала, 1986 год

МАНИФЕСТ БАЛТИЙСКОЙ ГИЛЬДИИ ПОЭТОВ

Мы, русские поэты Прибалтики, осознаём, что наш регион является особым культурным полем, обладает неповторимой эстетикой и особым поэтическим духом.

За многие годы русскими поэтами создано поэтическое наследие, однако оно до сих пор не систематизировано и не оценено во всей его полноте. Более того, в последние годы фактически прерван литературный процесс – издание книг русских авторов не имеет поддержки государства, поэты не имеют полноценного выхода к читателю. А авторские сборники, издаваемые зачастую на собственные средства, не встречают профессиональных критических откликов, а качество изданий зачастую оставляет желать много лучшего.

Профессиональные авторы разрознены и не имеют представления о том, что происходит в поэзии России, Украины, Белоруссии и других стран.

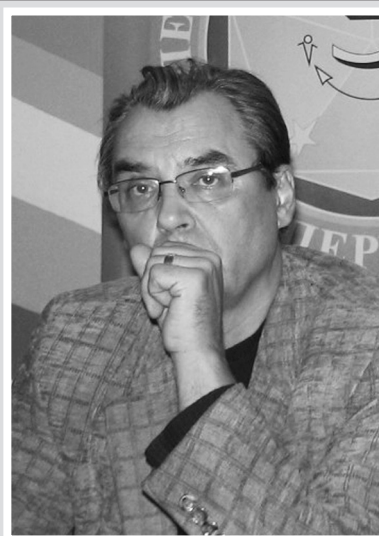
Нарушено нормальное взаимодействие русской и национальных литератур, некогда сильные переводческие традиции разрушены или существуют на уровне отдельных проектов.

В Прибалтике существует несколько творческих союзов и литературных объединений. К сожалению, нужно признать, что они слишком мало и непрофессионально занимаются вопросами мастерства. Их деятельность зачастую политизирована или сводится к дележу полномочий. Многие из них фактически являются «клубами по интересам».

Практически разрушен институт редатуры и корректуры, а мотивы публикации того или иного автора зачастую далеки от творческих.

Такое положение вещей мы считаем совершенно неприемлемым.

Балтийская гильдия поэтов будет отстаивать критерии литературного мастерства и профессиональной этики, способствовать творческому росту молодых талантов, организовывать поэтические вечера и фестивали, поощрять рецензирование поэтических книг, издавать журналы, сборники и антологии, тем самым всячески содействуя развитию и популяризации поэзии.

Юрий Касянич

Латвия

Поэт, прозаик, переводчик. Член СП Латвии. Член Союза российских писателей. Победитель конкурса поэтов при СП Латвии (1996). Автор трех поэтических сборников и многочисленных публикаций в коллективных изданиях, альманахах, журналах. Член правления Балтийской гильдии поэтов.

ПОТЕСНИТЬ СНЫТЬ

Казалось, что Гильдия балтийских поэтов возникла стихийно, случайно, на стыке каких-то незначительных событий и разговоров.

Но теперь видно, что известная закономерность в этом все-таки была.

После миллениума постепенно рассеялся едкий дым девяностых.

И оказалось, что писатели отчужденно бродят по зарастающему снытью и лопухами саду поэзии, на деревьях которого сидят стихири, распевая кто во что горазд, а за оградой – дымятся обломки здания литературной редакции, взорванного орками.

Сад нужно возделывать.

Как английский газон – который нужно стричь каждый день.

Поэзия – это сад, в котором душе нужно трудиться «и день и ночь, и день и ночь».

Известно, что преподобный Серафим Саровский, когда стал вести жизнь отшельника, в течение трех лет питался снытью.

Тем не менее, фантастические свойства сныти не означают, что ее присутствие в саду радует садовника.

Сныть – в саду – сорняк. И ее нужно выпалывать. Особенно теперь, когда «поэтическая» сныть, как вирус, передающийся электронно-буквенным путем, уже заполнила виртуальное пространство и захватывает новые территории, покрывая их сочными одинаковыми листьями.

Гильдия пришла, чтобы потеснить сныть и попытаться вернуть хотя бы части сада его первоначальный замысел.

Гильдия – это артель садовников. Сегодня, в обстоятельствах пост-культуры, скажут – ландшафтных дизайнеров поэтического текста. Но слово «садовник» звучит теплее, чище, вернее.

Гильдия – это цех хранителей ремесла с общим видением роли и значения поэзии в нашем поспешном мире, который импульсивно меняется и не всегда в лучшую сторону.

Гильдия – это способ и инструмент общения разных по стилю и жанру поэтов, которые служат русскому языку, продолжают русскую поэтическую традицию, исповедуют искренность и равнодушие в обращении к современникам.

Гильдия – это клуб единомышленников. Нас немного. Мы живем в разных странах. Всё, что мы делаем, – пишем стихи.

Стихи – это всё, что мы можем сегодня сделать.

Дождь в Люксембургском саду

“Il pleure dans mon coeur” (P. Verlaine)

«Плачется в моем сердце»
(П. Верлен, подстрочный перевод)

Дождь в Люксембургском саду.
Словно читаю Верлена.
Плачется... Вряд ли вернее
скажешь, предчуя беду.

Дождь в Люксембургском саду.
Мокнут зеленые стулья.
Жду новостей я, сутулясь.
Спрячьте пандорин сундук!

Зонт открою, сойду.
Дождь – как мальчишка – по лужам.
Лучшее ль завтра получим,
дождь в Люксембургском саду?

Кто там в мечтах о войне
ладит в обойму патроны?
Карта кипит – не притронуться!
Древние реки в огне.

Ненависть – нефтью горит.
И – еретичка-надежда.
Высохло деревце денежное.
Лифт преисподней – открыт.

Мыслей худых чехарду
чищу я сартровой прозой.
Медлит с цветением роза.
Дождь в Люксембургском саду.

Париж – Метц, 2.05.2014

P.S.
Видно, сигнал долетел
в мир, что весною оделся,
мне – из горящей Одессы,
где поджигали людей.

Сколько накопим к Суду
бесчеловечия фактов?
Люди в проемах – как факелы.
Дождь в Люксембургском саду.
Рига, 12.05.2014

Тема весны

полны сиреневых дурачеств и скелетонных безрассудств,
мы жили, искренность не пряча, поскольку был еще ресурс
в грядущее беспечно верить и в силу изреченных слов,
день ото дня в обмолвок ересь впадая;
был, как змеелов,
увертлив, зорек и бесстрашен век, репетирующий тьму;
как вѣна, становилась старше душа меж ребер...

ни к чему
стремится и приходит время, на прошлом ставя крест;
но вновь
меня клюет светило в темя, и вновь повелевает кровь
вставать, как клоун, на котурны, поскольку так заведено –
роль исполнять меж душ картонных за медяки...

но все равно –
пускай ненастье по суставам неотвратимым током бьет,
пускай прожорливо усталость внутри, как в яблоке, живет,
лишь –
резвый май пройдет заставу, своих сиреневых куниц
и белых белок выпуская
в кусты, на волю наконец, –
и на цепочной карусели пунктиром в небо полетим,
и лазаретных дней метели рассеются, как легкий дым,
и станет все совсем иначе, вне подлецов и парадигм,
и мы соврем себе, дурачась, что жизнь, конечно, впереди.

Октава холода

1.

Что-то человеку стало холодно.
Длятся дни и множат боль утрат.
Мы живем в тугих объятьях города,
безотчетно глядя на закат.
Жизнь похожа на синопсис триллера.
Кашляет любовь, в ночи остыв.
Как бродяжка, на помойке – лирика.
Воробьями суетится стыд.

2.

Что-то человеку стало холодно.
Клоунады – вместо новостей.
Хмуру впал в обет молчанья колокол.
Соловей-разбойник просвистел
деньги и мечту. Побиты завязи
даже во садах, из тех числа,
где душа, не траченная завистью,
много лет, как сакура, цвела.

3.

Что-то человеку стало холодно.
Модные мелодии менад
не заманят задушевым голодом.
В маргиналы метит комендант.

Менестрели, барды, миннезингеры
попадают – что ни день – впросак
с их балладами и роз корзинами...
Грей, ты вправду пропил паруса?

4.

Что-то человеку стало холодно
в дебрях алюминиевых рощ.
На клондайках выветрилось золото.
Жизнь и зажигалка стоят – грош.
Так зачем, утративший значение,
тратишь дни и полночи без сна,
чтоб узнать – зубря учебник Чехова –
как найти алмазы в небесах?

5.

Что-то человеку стало холодно.
Генных манекенов времена.
К милосердию участились поводы.
Но сердца отвыкли принимать
к сердцу – близко, отдаленней... надобно ль?
Мир летит, как мяч, поддет носком.
Дауны и клоны клоунадами
увлеклись и крутят их нон-стоп.

6.

Что-то человеку стало холодно
видеть сны, пролистывая вспять
памяти альбом, где было молодо...
Хочется без сновидений спать!
Но с утра приходит света бестолочь,
что, задвинув в угол ночь, как шкаф,
вновь являет бестий, что ты пестовал...
Знает: не уйдешь – тонка кишка.

7.

Что-то человеку стало холодно.
Леденеешь, глядя в интернет.
Сердце – стильным пирсингом проколото.
Терний – лес! А звезд – в помине нет.

Отче наш, какие начинания
бросил под колеса доброхот!
У страны не выпросишь чинарика.
Паперть. Тропка – скатертью. Исход.

8.

Что-то человеку стало холодно.
И окрест людей не разглядеть.
Время, будто челядь в бане, – голое.
Время ослепительных *лядей.
Для того ль рождались поколения,
чтоб, слетев с коня на всем скаку,
доживать в гламуре по колено
и по горло в собственном соку?

* * *

белая ночь
сны разбрелись по кустам
и шуршат как ежи

не спится

птицы поют
вечные певчие всенощной лета

не спится

не закрываю окно
боюсь прищемить
голос дрозда

Вечерние цветы

в старом городе
вечерами пульсирует юность

орды скейтбордов снуют
вдоль бородатых зданий

салют, пассажиры!
тренированные велокентавры –
ни грамма ленивого жира –
предлагают катание –
прогулку в нирвану
погружение в ванну истории

к ночи распускаются стройно
девичьи цветы задушевные
потупившиеся петунии
стремительные стрелиции
капризные хризантемы
в розницу – дорого
оптом – дешевле

Камень

Тяжкий камень свалился с души.
И душа облегченно взлетела,
в синеву, как журавль, заспешив
от синичьего мелкого дела.

Я стоял среди моря и скал,
принимая небесную милость.
Тяжкий камень на камень упал,
и волна по земле покатила.

Вдруг душа, от небес охмелев,
с высоты увидала, не рада,
как катилась волна по земле
и ломала мосты и ограды.

Немного в стиле хоррор

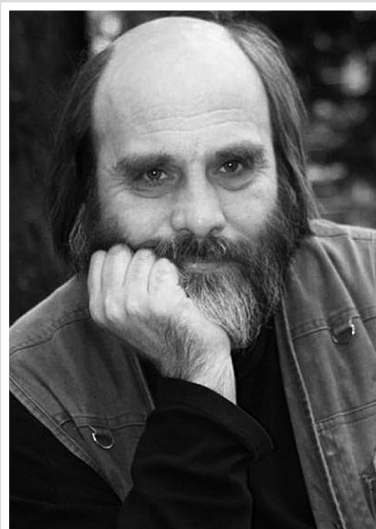
пора оставить мумию в покое!
подсматривальщики – облом!
кончайте липко пялиться в окошко!
прикройте саркофаг – последний дом
того, кто был в эпоху удостоен
музейной усыпальницы за то,
что начал новый мир, но не построил,
поскольку не построил бы никто;

из гардеробных выпустим скелеты –
пускай суставы ночью разомнут;
до петухов пускай крадут котлеты
из латок, не тревожа наш уют;
пускай они гуляют по карнизам,
пугая искушенное ворье;
наш мир, как пароходик, накренился,
закладывая резкий поворот;

в соседях – симпатичные вампиры,
заходит вурдалак на преферанс,
и полтергейсты встроены в квартиры
услугой дополнительной для нас;
в реальный мир, где нищие ресурсы,
заманишь ли кого-то калачом?

=====

настала ночь и мумия проснулась,
грозя всем нам картавым кулачком

Николай Гуданец

Латвия

Поэт, прозаик-фантаст, член СП Латвии и Российского СП. Защитил магистерскую диссертацию по стиховедению. Много лет руководил студией молодых писателей при СП Латвии. Автор нескольких сборников стихов и десятков прозаических произведений. Перевел на русский стихи латышских поэтов и английских поэтов XVIII века. Произведения Н. Гуданца переведены на многие языки народов мира.

ДИТЯ СВЕТА

Восемь текстов

I. БАШНЯ

Так в земле прогоркшей бродит холодный сок
то листва став прахом пропитывает песок
чтобы корни нащупать подняться вновь по стволу
так и я тебя осязал сквозь былую мглу
в пустоте без тебя я все же к тебе приник
словно стоя на башне рушащейся каждый миг
и все объяснилось и каждая боль светла
и рука над бездной дожизненной расцвела –

II. НЕЖНОСТЬ

Ветер входит под ребра
и его не удержишь ничем
только кольцами бедер и рук
изумленьем продольного танца
где никто не помнит себя
Нежность
пронзает навывлет

в содроганьях обрушивающейся
воздушной горы –

III. ИМЕНА

Невозможно даже подумать
о грозных недрах неба
где вздымается сам Господь
милосердно незримый
неужели
это мы под пленкой солнца и облаков
неужели
еще не проснулись для подлинной жизни
неужели
могу касаться пальцев твоих и волос
ничего не зная о мире себе тебе
об огромной грузной скрижали
где два имени врезаны рядом
глубоко и спокойно
имя твое и мое –

IV. ЗАЛИВ

Когда позабытый отзвук бессилья
в тебе шевельнется
не бойся ибо мы вместе
назови по имени страх
и он уже приручен
отползает куда-то прочь
где ему суждено раствориться

Не бойся но просто взгляни вовнутрь
и скажи
это страх наклонной земли
не встречающей вод
это мука громадной воды
разлученной с небом
и ослепшее небо бредет наугад
сотрясаясь
вперехлест корежась внутри самого себя

А утром залив
нежит птиц и ошметки тины
и прозрачный взгляд
уютно улегшийся вдоль –

V. КОЛОКОЛ

Стояли дни такие
стояли дни такие
в груди светлело медленно
далеким медным лепетом
сидела шаль накинув
не жажда летаргии
а жажда с летаргией

и вместе с этой жаждою
вплывать во тьму протяжную
благую и глубокую
вокруг себя и около

и по наитью встретиться
и отзываться вровень
летучим сгустком трепета
угрюмым плеском крови

тесней вожемся в дрему
сплетем дыханье в кокон
а небеса огромны
и колокол за окнами

И колокол за окнами –

VI. ТЬМА

Крылья тьмы светлее любого света
кровеносной тьмы проросшей в изнанку глаз
это взгляд без взгляда вселившийся в осязание
и уже только небо пронзенное новым небом
где просторы мрака прозрачны во все концы
слепота первозданная

яростный обморок плоти
накануне рожденья в лучах ослепительной тьмы
это мы это мы это мы
плутаем в корнях
в родниковой влаге
в песке и травах
вот уже задохнулось время

Но тьма обнимает камни с той же мощью
как бушует семя в потрясенных извивах тел –

VII. ДЮНЫ

Я не сумел в протяжной ласке
пересказать всего что будет

За шепотом сквозило море
слоилось падало в ладони
ликуя тягой мышц и вздоха
Летали стебли
И это стало нашим домом
И это стало нашим белым
– единственным –
над запоздалой болью
ветвясь торжественным прикосновеньем –

VIII. СТЕКЛО

Я спал и не слышал как время стекало назад
стремительный воздух свистел и твердел на глазах
и он превращался меж нами в крутое стекло
но ангел касался престола и время цвело
вращаясь чайнками тягой навстречу насквозь
над толщей пространства где быть и не быть довелось
уже не телами а отблеском шепота вспять
и влажно смыкаться блаженно и горестно спать
впадая в летучие звезды по плавной кривой
и ангел смеется уткнувшись в стекло головой –

Милена Макарова

Латвия

Поэт, переводчик. Член СП Латвии. Автор поэтического сборника «Амальгама» и 5 книг переводов латышской поэзии и прозы. Неоднократный стипендиат Фонда Культурного капитала Латвии. Стихи публиковались в журналах «Даугава», «Шпиль», «Рижский альманах», «Радуга» (Таллинн), «Дружба Народов» (Москва), «Литературный Иерусалим» (Израиль), «Северная Аврора» (Санкт-Петербург), «Собор» (Украина) и др. Стихи переводились на латышский, украинский, английский языки.

Юрмала

«Майори» мне чем-то напомнит вождей маори,
Татуированных от висков до солнечного сплетенья.
В Майори – зима. И ледяное море
Так затаило дыхание, что я ощущаю смятение.

Иностранцы спросят: как проехать в «Маджори»?
Маджори – *mad* и мажор одновременно...
Думаю, что вам Маджори. Там ледяное море.
Хоть ночью небо такое, будто приснилась вселенная.

И «Дзинтари», да, *forewer*. Янтарная сага,
Черный янтарь в мундштуке аборигена.
Дремлет приморский бутик. Что-то еще непременно
Случится с тобой. Что-то стерпит бумага.

И «Дубулты». *Double*. Двойная смертельная доза
Зимней тоски или сумерек. Дом «баухауз».
Здесь Паустовский писал «Золотую розу».
Здесь я слагаю стихи без ослепительных пауз.

Перебирая слова, будто раковины каури.
«Каугури»! Свет за которым январская тьма.

И подобно шахматной ледяной фигуре
По белому-черному тихо скользит зима.

Eternity

Как это странно звучит – «на своем веку»...
Если уже позади тысяча лет.
Море колыхнется как ледяной шербет,
Как серебристый от снега рахат-лукум.

Сахарной пудры и леденцового льда
Видимо мало и в сердце живет неуют.
Не беспокойся. Так и бывает когда
Вечность тебе на десерт подают.

* * *

И стало быть, что-то еще стерпит бумага,
Но ничто уже не будет как прежде...
Я знаю, как проходить «Путь Сантьяго»
Вдоль балтийского побережья.

Небесный, призрачный «Сантьяго де Компостелла»
Тяжелый посох или гирлянда мидий.
Я знаю как плакать, чтобы никто не видел.
Но пока улыбнусь. Тебе улыбнусь несмело.

Какая разница, янтарь или жемчуг в четках?
Слеза на щеке – прозрачная соль морская.
Ладья Святого Петра. Рыбацкая лодка...
Какое из слов сердце мое приласкает?

Сквозь жизнь твою я прохожу незримо.
По правую руку шумят ледяные волны.
Глаза мои прозрачны как взгляд пилигрима,
Когда он смотрит на небо в распятыях молний.

Стрела на мокром песке. Прибрежная тина.
Маяк заброшенный. Розовый свет над водою.
Пусть каждый мой шаг станет сейчас звездой.
Звездой. На Млечном Пути. Эль Камино.

* * *

(Из итальянского дневника)

На одной из площадей Витербо
Я покупаю речной жемчуг.
«Смотрите, сеньора!» – говорит продавец,
Поднося зажигалку
К прохладному розовому ожерелью.
Пламя лениво ласкает
несгораемые жемчужины.
Я опускаю жемчуг
На дно потертой винтажной сумки,
И иду себе дальше
Сквозь старинный квартал Пилигримов,
Мимо готических серых фонтанов
И дивных фасадов провинции Лацио
Туда, где уже раскрывает объятия
Мое Возлюбленное Средневековье.
В сумрачной замковой зале –
Серебряные руки-реликварии
С застекленными ладонями
Хранят кусочки пергамента,
Странные письма Богу,
Несгорающую латынь.

* * *

(Из итальянского дневника)

Когда исчезнет в небе последний «Боинг»,
Воздушный терминал Фьюмичино*
Превратится в аэропорт «Леонардо да Винчи.
Поднимутся в воздух диковинные дирижабли.
Взлетят многорукие люди-ангелы.

Сквозь толщу времени
Проступят забытые зеркальные письма.
И замерцает моя улыбка Джоконды.

* Фьюмичино – аэропорт двух названий.

* * *

(Из итальянского дневника)

Спорить с Небом – заплатить дорожке,
Что бы там тебе ни говорили...
Был огнем под золотистой кожей,
Станешь горсткой говорящей пыли.

Страшно или нет, уже не знаю,
Знаю только – не дано иного..
Но душа – забытая Даная –
От дождя проснется золотого.

* * *

(Из цикла «Новая мифология»)

Я – сивилла, что гадает на тысячу лет вперед.
Я – авгур, что листает, словно книгу птичий полет.
Я – гаруспик, что смотрит на сердце, вынутое из груди.
Мне сегодня грустно. Я говорю – уйди!..

Кто мы друг другу? Персональный миф.
Ты любовался мною, не полюбив.
Мне сегодня грустно, и это уже навек.
Кровь течет по венам, словно по руслам подземных рек.

Это всего лишь Лета с водой холоднее льда.
Глаза так болят от света, но прозрачны как никогда.
И та ночь, что могла стать единственной на двоих –
Превратилась в глоток Иппокрены. Хрустальный стих.

* * *

Все эти древние штучки –
Поджигать корабли при помощи зеркала,
Писать на подметках имя врага
И стирать его шаг за шагом.

Все эти древние радости –
Хоронить в амфорах с медом,
Бродить по лабиринтам,
И петь в ночь полнолуния.

Отчего же сегодня, скажи –
Мне приснилась вся эта древность?
Из перстня выпали камни
И я, испугавшись, проснулась...

* * *

Максимилиану Волошину

От синевы небесного фаянса
До глубины затерянного клада...
Сияющее золото Эллады
С тяжелой бирюзой декаданса

Соединить. И для строки одной –
Старинная французская камея.
Но медный гвоздь, что принесен волной,
О корабле расскажет Одиссея.

А лира из редчайшего металла,
Таинственный и судьбоносный сплав –
О бархате Латинского квартала
И о венке из киммерийских трав.

Евгения Ошуркова

Латвия

Член СП Латвии. Неоднократный лауреат различных фестивалей авторской песни. Стихи и переводы публиковались в сборниках, журналах и альманахах Латвии, России и Америки. Записала 4 авторских диска. В 2012 г. издала первую книгу стихов «Вне сезона», в 2014-м – вторую – «Своя игра». Занимается журналистикой. Член творческого объединения *bardi.lv*, мастер Балтийской гильдии поэтов.

Ночные слова девушки из глухого уголка земли, обращенные к единственному спасшемуся с корабля

Прости, пришелец, что сны твои
Осмелилась я прервать.
Ты вышел сегодня из недр волны,
Измучен и хочешь спать.
Когда расскажам твоим в ответ
Дивилась моя семья,
Не доходил от камина свет
Туда, где сидела я.
И после, когда все садились за стол,
В какой-то немой тоске,
Пока ты свои небылицы плел,
Я съежилась в уголке.

Пять месяцев здесь бушует пурга,
Потом дожди без конца,
Не успевает летний загар
Дотронуться до лица.
Ты слышишь, пришелец, как ветра вой
Уносит клочки надежд?

Меня зовут, если хочешь – Джой,
А если не хочешь – Медж.
Я в этом суровом краю живу.
Пришелец, я здесь родилась –
С тех пор девятнадцать раз траву
Сменяла снежная грязь.

Друг друга обманывать мы вольны,
Но мне сейчас не солги –
Ты вышел живым из морской волны,
Хоть не было видно ни зги.
Друзья твои на большом корабле
На дне отдохнут от мук,
А то, что ты сейчас на земле,
Не дело ли адских рук?
Я вижу, пришелец, в жилах твоих
Течет непонятный ток –
Откуда глаз твоих синий вихрь
И смуглый румянец щек?

Все наши люди узки в плечах,
Глаза их – серый туман.
Закон наш – смирение и печаль –
Навеки нам богом дан.
Мне в церкви твердили наперебой
Попы про загробный край...
Твои города – это рай земной,
А есть лишь небесный рай!

Как хочешь, поступок мой назови –
Не мне разбираться в лжи.
Я знаю, с тобой мы одной крови –
А здесь мне теперь не жить.
И в бурю, когда морская соль
Стыла на сжатых губах,
Теперь я знаю – твое лицо
Мне виделось в облаках!

Я знаю, где спрятаны два весла
(Там мохом зарос гранит),

Ключи от сарая я принесла,
Где лодка отца стоит.
(Пять месяцев здесь бушует пурга,
Потом – дожди без конца.
Не успевает летний загар
Дотронуться до лица.)
Пришелец, уйдем отсюда вдвоем,
Скорее, пока темно!

А бог или дьявол в обличье твоём –
Мне в сущности все равно.

1971

* * *

Я вижу тебя насквозь!
Мелькая в градах и весях,
Ты всюду незванный гость,
Но всюду ты бодр и весел.

Неважный отец и муж,
Ты ищешь других отдушин.
Ты слишком ревнив, к тому ж
Ты к славе равнодушен.

Наводят друзья мосты –
Хотя бы не прекословь им!
Но все разрушаешь ты
Дежурным своим злословьем

Еще бы! Ведь ты же строг
С другими, а не с собою.
Ты мелочен, ты жесток,
И вспыльчив, само собою.

Читая в душе любой,
Ты ценишь одну свою лишь
И любишь саму любовь,
А сам никого не любишь.

И нажил ты нервный тик,
Страстям своим потакая.
Ты лгун, ты надменный тип...

А я и сама такая.

2013

Resignation

Целый мир не сумеешь ты мне заменить,
Но мне кажется, что ты сумеешь:
Я к струне прикоснусь – и она зазвенит
Так, что ты оборвать не посмеешь.
Целый мир не сумеешь ты мне заменить –
Но мне кажется, что ты сумеешь.

Я весь мир не сумею тебе заменить,
Но мне кажется, что я сумею:
Попытаюсь с судьбою тебя примирить
И печали по ветру развею.
Я весь мир не сумею тебе заменить,
Но мне кажется, что я сумею!

Соглашайся весь мир для меня заменить –
И мне счастья иного не надо!
Ты сжимаешь в руке Ариаднину нить
На пороге у райского сада,
Соглашайся весь мир для меня заменить –
И мне рая иного не надо!

Я б хотела тебе целый мир заменить,
Но, по-моему, ты не согласен...
Ты не влюбчив. Не тем среди нас знаменит.
Взор твой холоден, разум твой ясен.

Я тебе не сумею весь мир заменить,
А на меньшее ты не согласен.

2013

* * *

Блажен, кто ищет перемен,
Кто не боится заблуждений,
Кто одолел тоскливый плен
Однажды выбранных суждений.
Кто не боится вновь и вновь
Меняться в жизни быстротечной.
Блажен, кто верует в любовь;
Его блаженство бесконечно!

Я славлю юных героинь,
Чье чувство так не нарочито:
Им шубу на плечи накинь –
И в сани, на колени чьи-то!
Они изменчивы настоль,
Что им и не изменишь даже.
Таких увозит Анатоль,
А там – канавка ждет Лебяжья...

Блажен, кто задержал в руках
Их ускользающие руки,
Когда весною в Озерках
Сомненья переходят в муки.
Блажен, кто знает не из книг
Об этом и еще о разном,
Остановив прекрасный миг
Без рассуждений о прекрасном...
1984

Профессиональное

Цветет ли мир нежно-зеленой краской,
Иль с полюсов прозрачный лед течет –
Я повторяю с бесконечной лаской:
Промтехфинплан. Отчетность. Бухучет.

Обрушатся ли небеса на землю,
Или все сметет космический буран –

Мне все равно. Иному я не внемлю:
Отчетность. Бухучет. Промтехфинплан.

Неведом мне дурман любви и пьянства.
И знаю я, что в свой последний вздох
Вложу всю страсть и силу постоянства:
Отчетность. Бухучет. Ахчтобтысдох.
1975

Пейзаж с котом

Сиамский кот, тревожа сон
Июльской ночи,
Мяучит хрипло. Что же он?
Чего он хочет?

Податься к теплым берегам
До Таиланда?..
Коль север плачет по югам,
Так то и ладно.

Но повторяю, этот кот
Вопит в июле,
Когда ветра сквозь снег и лед
Еще не дули.

В чем, уроженец южных стран,
Он не уверен?
Пусть клен, положим, не банан –
Но тоже зелен.

Здесь те же лики красоты,
Что и в Сиаме,
Лишь чуть беднее их черты
И глаз сиянье.

Но видимо, кота гнетет
Сознание рока –
Не выпускает из тенет
Его Европа.

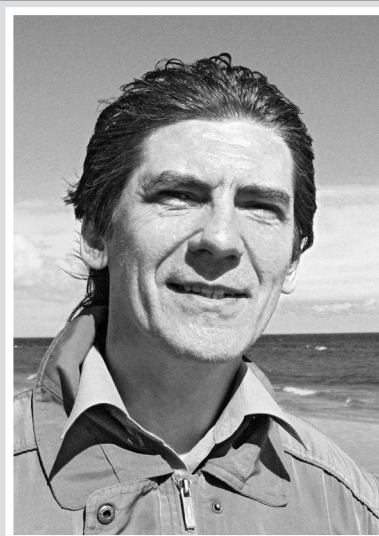
Он все мяукает в усы,
Не перестанет,
И лета ложные красы
Его не манят,

Раз южной ночи торжество
Навек сокрыто
От басурманского сего
Космополита.
1984

Post scriptum

...А цвет зелёный на рыжий
Деревья меняют зря:
Смотри, у меня над крышей
Горит и горит заря!
А то, что и в дверь ни стука,
И поздно петь о любви,
Так память та ещё штука –
Что вытащит – с тем живи.

Зачем же, во сне целуя
Насмешливый, жёсткий рот,
Опять ворошу золу я
Сожженных стихов и нот?
За сны я не отвечаю,
Что снится, то и смотрю
И с верой, а не с печалью
Последнюю жду зарю.
2014

Николай Романенко

Латвия

Автор поэтического сборника «Родная речь». Стихи публиковались в коллективных сборниках «Планета поэтов», «Письмена», в журнале «Настоящее время» и в других периодических изданиях. Лауреат зонального тура Всемирного поэтического марафона.

Русская лира

(Попытка ретроспекции)

1.

Два столетия русская лира
Не смолкая, звала за собой,
Признавая в Свободе кумира,
За неё призывая на бой.
Копий сколько изломано было,
Сколько отдано жизней молодых,
Чтоб Свобода народ просветила,
Бичевал самовластие стих...
И – случилось: свобода настала, –
Пой счастливые песни, певец!
Вот дворцы из стекла и металла,
Единенье умов и сердец,
Но – хватило всего на полвека
Песен счастья! – и снова поэт
О забытых правах человека
На снегу пишет письма в рассвет...
Ах, не знает он (и, слава Богу!),
Что ещё четверть века пройдёт –
И забудем свободы дорогу,
И расколом единый народ!

Раздробятся на мелкие части
Наша совесть и ум, наша честь...
Кто теперь поёт песни о счастье?
(У кого оно, собственно, есть?!)
«Выше денег нет в мире кумира!» –
Вот итог наш и новый закон...
Что ты стонешь там, русская лира,
Пережиток прошедших времён?!

2.

Это Время свистит снеговеем,
И поэтам сердца леденит, –
Вот и бредят поэты Бродвеем,
Где строка, словно доллар, звенит...
Нужно только лишь сбросить обузу
Прежних истин и совесть, и страх, –
Погоняй нерадивую Музу
И стихами ругайся в стихах!
Сколько лет мы терпели напрасно,
Дети бедной страны трудовой, –
Кто за новый мир? – Единогласно...
Но теперь уже каждый – за свой!
Никаких обобщений – довольно!
Жизнь отныне – сплошное кино:
Нам не больно, не больно, не больно, –
Нам давно всё равно... Всё равно!

3.

«Мене, текел, фарес...»
Ветхий Завет, (Дан. 5, 25–28)
«... езда в неизвестное...»
В. Маяковский

Жертвую прозой смысла,
Ускоряя разбег, –
Смысл – это просто числа
В наш компьютерный век!

Дарит нам крылья разум!
Это ли не предлог
Переосмыслить фразу
«Червь – человек – Бог...»?

Лишнее отсекая,
Оставляю одно:
Нет ни Ада, ни Рая, –
Просто, 3D-кино!

Что же вдруг сердце сжалось,
Не превозмочь испуг? –
Бедной душе осталось
Мыло, верёвка, крюк...

Из цикла «Улица Московская»

* * *

Если небо хмурится, если даже гром,
По Московской улице валим вчетвером,
С посвистом да вывертом, – нас, попробуй, тронь! –
Враз под зубом выбитым подставляй ладонь!
И не хорохорься, и не голоси, –
Живо успокойся и больше не проси!
Только баба пьяная, голову склоня,
Жалостливо глянула прямо на меня...
– Что ж ты, прости господи, думаешь про нас?
Пригласила в гости бы, выставила квас...
Мы со всей компанией нашей небольшой,
Да с подругой Кланею, доброю душой,
Как захороводимся, песни станем петь, –
Ни тебе печалиться, ни тебе жалеть;
Ни меня, весёлого, ни моих друзей, –
Не жалеют голого, кто ещё голей!
На Московской улице благодать одна,
Хватит, баба, хмуриться, лучше пей до дна!

* * *

Ах, как этой улице
Долго до зари! –
И стоят сутулятся,
Плачут фонари.
Пьют их свет заросшие
Мусором дома,

Пропивая прошлое
И сходя с ума, –
Окнами щербатые,
В дырах от дверей, –
Пьют дома дощатые
Свет от фонарей
Так, как обитатели
Пьют здесь без конца,
Пропивая скатерти,
А потом сердца, –
Пропадая смолоду,
Жизнь свою кляня,
Наполняя оловом
До краёв меня...

Старая фотография

Это – я... и не я, – мой двойник, не-герой...
Возле старого дома осенней порой
Он стоит, озирая пустой окоём,
Он задумался, видно, о чём-то своём...
В тёртой кожаной куртке... ему – сорок пять...
Смотрит вдаль, где в тумане течёт время вспять,
Повторяя прошедшую жизнь, как в кино,
Но, увы, изменить ничего не дано:
Ни убогого быта, ни жалких страстей,
Ни печальных открытий, ни злых новостей,
Ни веселья лихого с похмельем потом,
Ни жестокого слова обиды на дом...
Я жалею его... Это я виноват
В том, что вот он сейчас обернётся назад
И увидит, как ветер ударит в окно,
И стекло зазвенит, и рассыплется, но...
– Нет у прошлого власти! – ему говорю, –
Хочешь, я тебе новую жизнь подарю?
Хочешь я расскажу, что случится потом,
Чтоб тебя (и меня!) отпустил этот дом,
Где рассыпаны стёкла растраченных дней? –
Будет всё хорошо, даже, если трудней...

* * *

Зла не помню! Всё, что было,
Станет новою травой, –
Я прошёл через горнило
По Московской мостовой,
Через годы, через воды,
Сквозь туманы и мечты,
От неволи до свободы,
До сегодняшней черты, –
До свиданья! До свиданья,
Если не сказать «прощай!»
И лубановская баня,
И под окнами трамвай,
И – вдали – библиотека,
И – напротив – гастроном,
И дежурная аптека,
За решётчатым окном...

Всё знакомо вплоть до дома,
Где ночной дивизион:
И явления содома,
И тройной одеколон,
И соседи, и квартира
С туалетом во дворе,
И моя больная лира,
И пробелы в словаре...
До свиданья, Всё, Что Было, –
Что случилось и стряслось,
Что тогда соединило,
А теперь разводит врозь!
Пережито, перепито,
Перелито через край, –
До свидания! Мы – квиты,
Мой московский Ад и Рай!
1985–1995, Рига

Александра Бандурина

Латвия

Родилась в Риге. Имеет физико-математическое образование. Член литературных обществ «Светочъ», «Балтийская гильдия поэтов». Публиковалась в рижских поэтических альманахах «Светочъ», «Письмена», антологии «Русская поэзия Латвии» и российских периодических изданиях «Литературный Петербург», «Парадный подъезд», «Второй Петербург», «Невский альманах», «День и ночь», «Артбухта».

Летнее

Лечь в дюнах на песок
и телом слушать
Неровное дыхание Земли,
Коричневень
живой полоской суши,
Которой бредят в море корабли.

С вихрастым ветром
обниматься тайно
Под недовольный гул ревнивых волн
И наполняться радостью случайной
В плену свободы
четырёх сторон.

* * *

Сверкнула нагота короткой вспышкой:
 Пустяк для девки, для мадонны – слишком.
 А женщина – ни та и ни другая –
 Входила в воду, как в преддверье рая.

Всех суженых и ряженных дороже,
 Прибрежный ветерок ей гладил кожу.
 Смывая прикипевшие печали,
 Себе шептала: «Я начну сначала...»

И щедрость перезрелой земляники
 Ей сладко обещали блики
 Заката. Лишь вода молчала –
 Она устала слушать про начало.

Мастерская художника

В. М.

Красная башня витает в тумане,
 Щуря призывно кошачьи глаза.
 Если хандра затяжная пристанет,
 Здесь излечусь я за четверть часа.

Лестница выгнула хищную спину
 Вверх: в поднебесье, в разнос, в мезозой?
 С каждым изгибом натруженных линий –
 Дальше от дома и всё же – домой.

Время в пространстве привычно смещая,
 Станные люди приходят сюда.
 Песни, стихи, спор захлёб – вместо чая,
 Скорые встречных речей поезда.

Где вы, остатки расчётливых истин?
 В пламени печки? До хрупкости чист
 Мир, где цветут в подстаканниках кисти,
 Мир, где последствия раньше причин.

Голубь случайно заглянет в бойницу:
 Гости ушли, и художника нет...
 Белых холстов улыбаются лица –
 Зреет, как яблоко, новый сюжет.

* * *

Я для друзей – открытая особа:
 Судачим о любви и о войне.
 Но точек болевых мы не коснёмся, чтобы
 Их ощутить с собой наедине.

Как будто бы по залам Эрмитажа
 Сквозь анфилады

золотых времён

Иду весь день – а мне добраться надо
 До комнаты, где тьма со всех сторон.
 Туда войти, закрыть беззвучно двери.
 Листая память,

как чужой альбом,

Дорисовать неловкими мазками
 Давно ушедший в зазеркалье дом.

И плакать некрасиво, без стеснения –
 Ничьи шаги не прозвучат в ночи...
 В объятиях другого измерения,
 Тот, у кого от комнаты ключи.

Краткое наставление по дзен-буддизму

Послать всё к черту – пройдена черта,
 Оставить дразги, завести кота,
 И в позе будды мудро круглый год
 Смотреть в окно, как твой корабль плывёт.

* * *

Уходят люди, вещи остаются
Хозяев ждать, как преданные псы.
Скучают, дышат пылью гардеробной,
Мечтают снова выйти на прогулку,
Чтоб разогреть медлительную кровь
Седых владельцев; голубей кормить
И задремать спокойно на скамейке.
Святые сны... Как жаль, что впереди
Прогулка лишь до мусорного бака...

Уйдут в ничто прикосновенья рук,
Искристость взглядов на осколках жизни.
Могли бы вещи много рассказать
О мелких радостях среди печалей века...
Но время смотрит в зеркало своё
И за спиною шёпота не слышит.

* * *

Прозрачно-фиолетовый февраль
Разбрасывал эмалевые звёзды.
И падала небесная печаль,
И от неё не только руки мёрзли.

Снежинку растопить в руке легко –
Печаль прикосновений не боится.
И, может быть, опаснее всего
Надолго подо льдом тоски укрыться.

Но жизнь-река течёт и подо льдом,
До дна не промерзая даже в стужу,
Шлифует боль, чтоб выбросить потом
На дальний берег несколько жемчужин.

Сергей Смирнов

Литва

Участник и лауреат конкурсов русской поэзии и фестивалей русской авторской песни Литвы. Печатался в журналах «Вильнюс», «Настоящее время», альманахах «Литера» (Литва), «Академия поэзии 2008» (Москва), «Планета поэтов» (Латвия), «Северная Аврора», «Невский альманах» (СПб), в газетах «Российский писатель», «Провинциальный интеллигент» (Латвия) и других изданиях.

* * *

Плоть братьев наших меньших – красна.
Плоть братьев наших меньших – вкусна!
За нож и соль, за муки в огне
простите, братья меньшие, мне.

А кровь лозы подавно красна!
А кровь лозы подавно вкусна!
Твоим, лоза, усердным рабам
прости давить и погребать.

Я ломтик алой плоти кладу
в кипящий жир на сковороду,
и кровь лозы сквозь зубы цежу,

и волнами блаженства плывя,
могильного прощаю червя,
и все вкус его – не сужу.

* * *

Все, что не возрастает – убывает,
и эта аксиома убивает.
Ведь я считал, наивный человек,
что только неизменное – навек.

Невежеством блаженным обуянный,
я быть во всем стремился постоянным,
а этого живому не суметь,
поскольку постоянство – это смерть.

За глупость дран нещадно, знаю ныне:
горячее со временем остынет,
великое – низвергнется с высот.

Все выродится в противоположность,
и ворох прежних истин, ставших ложью,
как ворох листьев время унесет.

* * *

У всего живого на земле
путь известный – к праху и золе,
чтоб потом иные поколения
запустили жадные корни

в благодатный этот перегной,
наливаясь силою хмельной,
разрывая мышцами рубаху
и стремясь туда ж – к золе и праху.
Но зачем тогда нужна душа?
Старый шут, ее дразню давно я:
– Что с тебя, душа? Ни перегноя,
ни костей, ни шкуры, ни гроша!

И хлестнет, не выдержав, душа
злым кошмаром теменью nocturno.

* * *

Вот крюк для разрыванья тела:
ему уже четыре века.
Он знатоками человека
откован прочно и умело.

Гордыня – худший из пороков!
За это жилы из-под кожи
он рвал, как нити из рогожи,
и тем принес немало проку.

Он из заслуженной витрины
глядит сегодня, как шустрим мы;
ему доподлинно, сполна

талантам нашим и изъяснам,
ужимкам нашим обезьяньим
известна красная цена...

* * *

Се, человек стоит у врат
в безмолвный незнакомый град,
перепоясан вервью тонкой,
босой, со скудной котомкой.

Осилив путь, окончив дело,
измучив дух, изранив тело,
отер он пыльное лицо
и тронул ржавое кольцо –

но стукнуть медлит: из-за врат,
едва сомкнутся за плечами,
уже заказан путь назад

к обидам, боли и печали,
к чреде болезней и утрат –
и медлит человек у врат...

* * *

На болоте моховом
кружит черный махаон.
Как бы мне его поймать,
чтоб сапожки не снимать?

Я с былинки на пруток
осторожно скок да скок,
да неловок был скачок –
замарался каблучок.

Замарался каблучок
да по самый кадычок!
Доигрался, дурачок...

Знает черный махаон
кто в болоте моховом,
знает, сволочь, и молчок...

* * *

Плачь, никчемный человек,
кулачком пронзай пространство –
неиспользованный шанс твой
не вернуть, как вешний снег.

Уж толпа молилась вслух
и священник пел о вечном,
штабель дров был безупречным,
трут смолист и хворост сух.

И всего-то оставалось
подпалить – какая малость! –
просмоленную пеньку;

зашипело в углях сало б,
и одною ведьмой стало б
меньше в адовом полку...

* * *

Шел дождь, когда ко мне явился гость.
Он был в костюме мезозойской эры,
сжимал в руке бамбуковую трость
и мне кричал в лицо, что примет меры.

Я бормотал в ответ, что, мол, судьба...
Приплел любовь... потом судьбу обратно.
У гостя вдруг задержалась губа
и он заплакал зло и неопрятно.

Он вышел в дождь со шляпою в руке,
а ты со смехом вышла из-за шторы
и отшутилась шуточкой площадной.

В твоих глазах, как в паводок в реке,
клубилась муть бездонная, в которой –
придет пора – и мне не ждать пощады.

* * *

Печатных истин верный ученик,
я с детства знал из добрых старых книг:
для нападения выбирает рок
слиянья рек, скрещения дорог,

старинный замок, кладбище, овраг,
заросший тракт, что «в греки из варяг»,
грозу, безлунье, придорожный крест...
Я так усердно избегал тех мест –

а рок зеленым глазом на меня
сверкнул на кухне среди бела дня,
и злым оскалом озарился вдруг,

и в ребра мне вошел мясницкий крюк,
и из моих похолодевших рук
упала чашка, жалобно звеня.

* * *

Марсофилия – болезнь, страсть к оружию и битве.
Выделяется она из числа моих хвороб
тем, что ласкова, как зверь, безопасна, словно бритва,
и невинна, как ночлег на малине у воров.

Въелась пагубная хворь, ею сызмальства болею,
и не нажил потому ни двора и ни кола.
Я ж не ладанку, не крест, а кистень у сердца грею,
в чем раскаяться еще будет время у котла.

А котельщики в веках много умников видали.
Сколь их, ушлых да крутых, в вар кипящий покидали –
всем награда за дела соразмерная была.

Соразмерят и меня: оглядят, велят раздеться,
станут рвать с гайтана крест – ан, а там кистень у сердца!
Будет смеху у котла!
Перспектива весела.

Владимир Френкель **Израиль**

Автор статей в европейских русских изданиях, а также в ленинградских самиздатских журналах. В 1985–1986 гг. – политзаключенный. С 1987 г. живет в Израиле.

Редактор в иерусалимском издательстве «Филобиблон». Член СП Израиля и литературного общества «Столица» (Иерусалим).

Автор 7 сборников стихов. Лауреат премии им. Ури-Цви Гринберга (Иерусалим, 2002, 2004), премии Пушкинского Музея (США, 2003) и премии СП Израиля (2008).

ИЗ ГОРОДСКОГО ПУТЕВОДИТЕЛЯ

Камень

Здесь не земля, а камень. Города
Построены всё из того же камня.
Что ж говорить о Западной стене
И прочих стенах. Их не обойдешь,
Хоть бейся лбом. Нет, оставляй записки,
Которые никто тут не прочтет,
А пустят дымом в небо. Там, наверно,
Поймут их лучше. Нет, я никогда
Не знал, не думал, что среди камней
Молиться, радоваться, горевать –
Не то же самое, что посреди
Озер, полей, лесов. Всё непохоже.
И даже на святых камнях Европы –
Другая жизнь, другой отсчет времен.
Тут не Европа. Азия. Стена.
Деревья тут растут из камня. Люди
Уходят в камень после смерти. Тут
Лишь выцветшее небо, что над нами, –
Свидетель рая. Все, что остается,
Здесь, посреди камней, – поверить в небо
И в Воскресение.

Соглядатай

Наблюдая за мельтешеньем
Лиц и улиц, где прохожу,
Я и сам уже отраженьем
Городской суеты служу.

Ну и что же, что соглядатай,
Неизвестный, никто, чужой,
Ну, попробуй, меня сосватай
С этой уличною толпой.

Я и сам никого не знаю,
Я свободен, я ни при чем,
Я неспешно тут прошагаю,
Никого не задев плечом.

Диптих

I

Город Рим построен сатаной.
Вот он схоронился за стеной,

Вот он ухмыляется в окне –
Рим, а может, дьявол. Не во сне,

Наяву, какой там в Риме сон...
Флавий-разрушитель и Нерон,

Цезарей гордыня, колдовство,
Рим – грабеж, обман и воровство,

Вавилон... Нужны ли тут слова!
Хуже Рима разве что Москва,

Что слезам не верит, говорят,
Весь-то город – лишь Охотный ряд.

Вот он, вид разбойничьих столиц,
Царство Вельзевула без границ.

II

Город Рим, конечно же, святой,
Как Ерушалаим золотой,

Как Москва, плывет, золотоголов,
Вышней силой дьявола поправ,

Папскою тиарой осенен,
Он для всех наречий и времен –

Вера и закон. Неколебим,
Вечно возрождающийся Рим,

Как Москва, сожженная дотла,
Перед морем варварства и зла

Он стоит апостольской стопой,
Этот город вечный и святой.

От окраин

Тревожный сон городских окраин
Не стоит попусту нарушать.
Туман предутренний тут хозяин,
Но все ж крадется и он, как тать,

Неслышно все обнимая разом –
Дома, заборы, разрыв-траву...
Земля пустынна, и с каждым часом
Труднее вспомнить, зачем живу.

От тех окраин шагни, и тут же
Насквозь вселенная вся видна,
И свет далекой звезды не хуже,
Чем слабый свет моего окна.

В конце концов

Нынче холод приходит, отчетливей очертанья
Домов, и холмов, и кромки дальнего леса,
Как будто ждут какого-то испытанья...
А может, просто лишнее всё убрали –
Украшенья, салюты и прочие трали-вали,
Всё, что уже не представляет интереса.

Как можно проще, что нам еще осталось,
Забудем марши и вопли, скрипач на крыше
Тоже не нужен, нужна лишь самая малость –
Тишина и графика, черно-белые перекрещенья,
Это крест над Европой, гибнущей без прощенья,
А мы не в Париже, хорошо, что мы не в Париже.

* * *

А мы читали в романе – Иван Карамазов
В беседе с чёртом истины не открыл.
Но холодок пробежит от этих рассказов,
А чёрта уже как не было – был да сплыл.

Что еще человечеству поблазнится –
Сказки о коммунизме, всемирный ли халифат...
Может, история вправду нам только снится,
Может, и чёрт в соблазне не виноват?

Может, на самом деле всё очень просто,
Страшные сны не сбудутся никогда.
Может, проснуться всё еще нам не поздно?
Вот и проснемся, увидим – пришла беда.

Диалог

Евгении Ошурковой

Короткая улица – нет, аллея – выходит к морю,
И мы выходим, и вот уж морская пена видна,
И ты говоришь, что аллея чудесна, а я не спорю.
Недолгий путь под деревьями, здесь живет тишина.

А я говорю, что море штормит и злится,
И ветер такой, что лучше не лезть на рожон,
А ты отвечаешь – если даже нам снится,
Что мы тут вместе, то это прекрасный сон.

Но ты говоришь, что вокруг распад и упадок,
И что же останется скоро от взморских дач?
А я отвечаю – о, как декадентски сладок
Заброшенный дом, да и ветра надрывный плач.

И ты произносишь строки, под ветром стоя,
Но, может быть, это ветер читает стихи твои.
А я замечаю – у моря мы только двое,
И даже не нужно нам говорить о любви.

Китежане

Эта жизнь, конечно, не Китеж-град,
Но, глядишь, уходит совсем как в воду,
И на всех один, говорят, расклад,
И уже ни к чему выбирать свободу.

Посмотри трезвее на жизнь, дружок,
А верней, на то, что еще осталось
От нее – невыученный урок,
Не хватило часа, какая жалость.

А теперь, ну что ж, ничего не ждешь,
Если ангел днесь над тобой витает,
А в окно опять тарабанит дождь
Моноotonно, будто Псалтырь читает.

За окном ни зги. Подсчитай долги
И дождись Прощеного воскресенья.
Не поймут друзья, так простят враги,
Да и ты у всех попроси прощенья.

И пока не спишь, наконец услышь
Китежан ауканье, восклицанья.
А за этим вслед, ах, какая тишь
И урок прощения, нет, прощанья.

У этих стен

Перемен хотите, перемен,
Новый век плодит кумиров новых.
Что же мне сказать у этих стен –
У античных, у средневековых?

Только то, что сыпалась стена
От ударов ядер ли, снарядов.
Мерзость запустенья здесь видна,
Но не слава воинских парадов.

Все, что ново, тут же и пройдет,
Перемены тянут нас обратно
В прошлое, и снова оживет,
Что ушло, казалось, безвозвратно.

Вместо Экклезиаста

Камень падает со скалы, и снова падает камень,
И скала становится ниже, покуда
Не исчезнет совсем, станет россыпью неживою
В молчаливой каменной пустыне.

А в конце концов и города постигнет та же участь –
Рассыплется в прах, тут поработает время,
Сотни и тысячи лет запустения и прочих событий.

Нечего делать тут Экклезиасту –
Того, что было, никогда уже не будет,
И того, чего не было, разумеется, тоже.

Потому и пишу без рифм и верлибром,
Что ни рифм, ни ритмов на земле не осталось,
Не говоря уже об истории и литературе.

А забавно было бы видеть, как ровные строки
Стихов, появившись, тут же исчезают,
Точно смытые на песке набежавшей волною.

Да разве волна и ветер еще остались?
Конечно, но не стоит об этом думать –
Должно же что-то оставаться вечным.

Из городского путеводителя

Неосвещенная улица, глухая, без фонарей.
Пройди по ней без боязни, но если можно – скорей.

Потом заверни в проулок, туда, где растет трава
И нет мостовой, и даже кружится голова

От запаха трав полночных, и еле можно пройти
По узкой тропке – но это не цель твоего пути.

Иди до конца, и выйдешь к дому, что за чертой
Находится, как ни странно, окраины городской.

И если ты осторожно, едва постучишься в дверь,
То тут же тебе откроют, и дом этот твой теперь.

И свет появится в доме впервые за много лет...
И пусть тебя не смущает, что этого дома нет.

* * *

Гляди в окно – там городской пейзаж,
Как будто лес, меняется неспешно,
То осенью рядится в камуфляж,
А то слезами залит безутешно.

Как мокнет он под затяжным дождем,
Как ветром он продут под облаками...
Он не уйдет, а если мы уйдем
Куда-то прочь – останется он с нами.

Он – это мы. И все ж он старше нас.
Меняясь неуклонно год от года,
Он помнит все, он помнит все о нас,
Не то что равнодушная природа.

Он нашими страстями населен,
Он знает все о нашем воскрешенье,
Он – целый мир, и он же – небосклон,
Как города и мира завершенье.

* * *

Посидеть в обветренном кафе,
В том, что примостилось у канала,
И уйти оттуда подшофе,
Что же, и хандры как не бывало.

Это вот запомню навсегда,
С четкостью, подобно фотоснимку -
Листьями осыпана вода,
Я гуляю с осенью в обнимку.

На крутом воздушном вираже
Стая развернулась, улетая.
Вот и осень кончилась уже,
Я не знаю, будет ли другая.

Будет ли другая – все равно,
Все равно загадывать не надо,
Если нам обоим суждено
Уходить по следу листопада.

* * *

Адресом ошибся. Ну и что ж?
Хуже, если веком и страной
Ошибешься, так и проживешь
До конца под маскою чужой.

Мимо нескончаемых домов
И оцепеневших площадей,
Под ночную музыку без слов
Льющихся безудержно дождей,

Проезжай скорее, проезжай
И рукой, прощаясь, помаши.
Там, за поворотом, будет рай,
Где еще пока что ни души.

Рыцарь

Рыцарь выехал из замка рано утром. Стоял густой туман, и замок был виден не весь – только основания стен и башен, да еще деревянный подъемный мост надо рвом. Рыцарь спешил по делу в город и надеялся вернуться в замок еще вечером того же дня.

Он возвращался, когда уже темнело, и не узнал замка. Не было острой черепичной крыши, от башен остались руины, да и от стен – тоже. Только мост еще стоял. Туман, что ли, рассеявшись, все унес, подумал рыцарь, но почему никого нет вокруг? Неужели сотни лет прошли? Не может быть, я ведь ехал быстро, я так спешил...

Сергей Кольцов

(1949–2011)

Латвия

Окончил Московский Литературный институт им. М. Горького. Публиковался в «Литературной газете», журналах: «Нева», «Арион», «Подъем», «Родник», «Дон», в сборниках: «Планета поэтов», «Вдохновение», «Земной срок», «Земляки», «Alter Ego» и др. Автор сборника стихов «3,14». Редактор журнала МАПП «Настоящее время» (№№ 1–28). Затем – редактор журнала «АЛЬБИОН» (Лондон).

Ночь

Все ушли. И не с кем расставаться,
среди ночи не с кем помолчать.
Из углов повылезли паяцы
рожицы беззубые казать.

И уже от дьявольских видений
не смотаться в предрассветный лес.
Горечь забубенных песнопений
зарастает звездами небес.

От себя бежишь, как от погони,
оглянуться времени все нет.
И встает за домом, как покойник,
посиневший городской рассвет.

Подбираю трупики окурков
и объедки с липкого стола.
Надо же мне было полудурку
в шутовские вляпаться дела.

Нету ни отдушин, ни убежищ,
ни летучих свищущих мышей.
Все ушли. И снова я утешусь
карточными домиками дней.

* * *

А. Имерманису

Придет черед по комнате слоняться
и наводить понтонные мосты,
чтоб под конец с усмешкой перебраться
на берег запустенья и тщеты.

Что слава? На людском базаре
капустой торгует, чесноком.
Втройне дерет. Румяная, в азарте
продать готова даже в горле ком.

Дни катятся к конечной остановке.
Ну что же, наливай на посошок.
Твоих божков в бумажной упаковке
сбывают, как стиральный порошок.

А ты несешь свой самодельный крест,
стащив бруски с совхозной пиломатериалы.
Тебя простят. Простит сосновый лес
и доски для отделки новой драмы.

Не смерть, но зов иной влечет туда,
где ночь сидит в глухой оконной раме,
и в чай испитый падает звезда
и шевелит больными плавниками.

* * *

Не хорони меня, не хорони.
Еще с церквушки галки не взлетели,
и кружатся цветные карусели
среди берез и трепетных осин.

Не хорони меня, не хорони.
Живи спокойно, весело, счастливо
у солнечного дивного залива
хотя бы в эти ветреные дни.

А мне осталось крышу перекрыть
и засветить молитвенные свечи
пред образом Младенца и Предтечи,
и лодку напоследок просмолить.

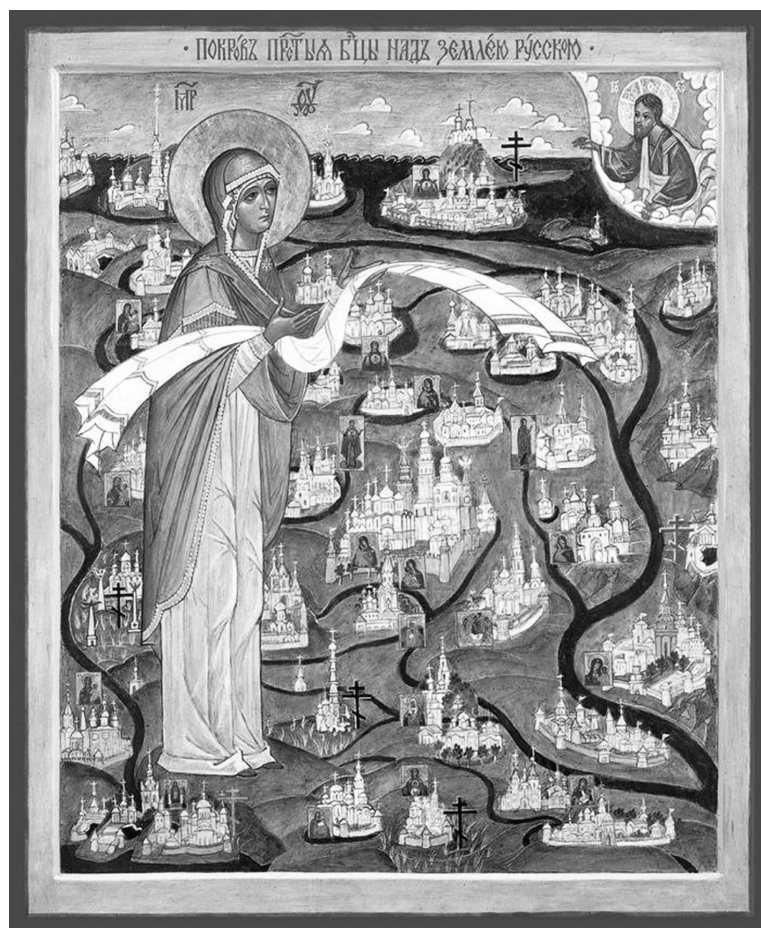
Закинуть сети и раздать улов,
добавить хмеля в пенистую брагу
и в дом впустить певца и бедолагу –
посланников простуженных миров.

Пока в тумане видятся огни,
и ангелы заснули у порога,
на пиршество сбежавшие от Бога,
не хорони меня, не хорони.

* * *

Я никого не предам,
Но предадут меня,
И на исходе дня
Я подкую коня.
Только зачем мне конь,
Цокот его подков?
Блики скупых икон
Да осенят мой кров,
Чтоб на закате дня,
Выжженного судьбой,
Вырваться из огня
И обрести покой.

ПОКРОВА

ЖурналЪ

ТРЕТИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ДУХОВНОЙ ПОЭЗИИ

ВОСКРЕСЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ ГОРОДА КАУНАСА
18 октября 2015 г., 12.30

Куратор фестиваля – Настоятель Каунасской Благовещенской Церкви
отец Николай

Руководитель фестиваля – Эяна Суодене, д-р гуманитарных наук

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ:

1. Рябенко Л. П. – председатель Русского собрания Литвы, координатор;
2. Вильчинскене Т. Н. – председатель центра русской культуры «Учение – Свет», координатор;
3. Киселёва В. – председатель клуба «Надежда», координатор;

4. Головина Е. И. – представитель Каунасской гимназии им. А. С. Пушкина, координатор;
5. Дебесюнене Л. – литовский поэт и переводчик, координатор по связям с поэтами стран Европейского Союза;
6. Соболева М. – представитель Каунасской гимназии им. А. С. Пушкина, координатор по связям с гимназиями и школами;
7. Кольцов-Навроцкий В. – поэт, художник, краевед, координатор по связям с представителями духовенства;
8. Свинцова В. – представитель «Поэтограда», координатор по медиа-контактам.

Принимают участие известный поэт Арон Гаал (Венгрия), поэты, художники, деятели искусств, художественные коллективы из Литвы и других стран.

**Центр культуры им. Л. П. Карсавина
при Каунасской Благовещенской Церкви**

Литературная студия «Поэтоград»

Особенность нынешнего фестиваля состоит в том, что он проходит в год тысячелетия кончины князя Владимира, определившего своим личным и историческим выбором систему координат, в которой живёт православная церковь, окормляя паству евангельским светом, и тем самым определяя её мировоззренческие устои.

Второй немаловажной особенностью является тот факт, что весной текущего года при каунасской Благовещенской церкви, с благословения настоятеля церкви отца Николая, создан Центр культуры имени Льва Карсавина.

Лев Платонович Карсавин, яркий представитель Серебряного века, сочетал в себе блестящее знание как православной культуры, так и католицизма. Опыт сочетания мировидения Востока и Запада, давший неповторимые вершины философской и художественной мысли, является одной из основоположных черт Русского Ренессанса – так именуют исследователи Серебряный век.

Мы, православные Литвы, также живём в реальном сочетании западной и восточной культур. Поэтому личность Л. П. Карсавина, преданно любившего как Литву, так и изгнавшее его Отечество, воплотившего

всей своей жизнью стремление к Горнему идеалу, снискала благодарную память Литвы, для которой он стал Русским Платоном и Русским Вольтером, и является для нас примером служения общечеловеческим ценностям, стяжания высоких смыслов.

Лев Платонович Карсавин считал, что цель человеческой жизни – это лицетворение, или – обожение.

Сонеты и Терцины, написанные Карсавиным в лагере Абезь и сохранённые стараниями его ученика А. А. Ванеева и патологоанатома лагеря – заключённого-литовца В. Шимкунаса, являют собой поразительный пример общения человека с Богом, когда «Я» Карсавина становится общечеловеческим «Я», становится своеобразным «Я» человека как такового перед лицом Бога.

Мы словно поднимаем перо, выпавшее из руки Льва Платоновича Карсавина, и продолжаем этот диалог, в том числе и на Фестивале духовной поэзии «Покрова», в постоянном стремлении к совершенству, путём постоянной рефлексии в парадигме «Свобода воли – Добро – Зло» и в молитвенном бдении отделяя лицо от личин в предстоянии Лица.

Таким образом, не прерывается связь времён, связуя день сегодняшний с межвоенной Литвой, с Серебряным веком, со всей традицией русской литературы и культуры в целом.

*Эляна Суодене,
доктор гуманитарных наук*

*В оформлении этого номера журнала
использованы графические работы
художника Владимира Кольцова-Навроцкого*

Элеонора Андриевская

Литва

Экономист. Работает логистом. Пишет стихи и лирические миниатюры в прозе.

Галатам

Стояли рядами
И друг за другом.
С копьями и мотыгами:
Охотники, дикари и воины,
Словно нашкодившие
школьники,
Павлово племя галатов.

И наполнилось бытие звуками,
Разбуженное Апостолом,
Первыми,
Недопонимая слушали,
Горнего Духа послание.

Видела,
Так слушают лад –
Оглашенные.
Изгнанные из рая.

В дальний скит...

По канве, прожигая синелью,
Покрывая
Несчётным крестом, –
Мягким бархатом
Первого снега
Принимала трава приговор.

А по небу,
Прошитому гладью,
В дальний скит поспешат
облака,
Покаянным псалмом обещаю,
Отменить приговор для меня.

Ева Ахтаева

Литва

Председатель ЛИТО «Логос». Секретарь правления РО МАПП в Литве. Автор видео-проекта «Ожившая поэзия». Дипломант конкурса русской поэзии «Под небом Балтики». Автор двух поэтических сборников. На её стихи российскими композиторами написаны лирические песни и романсы. Публикуется в литературных изданиях Литвы, Латвии, Эстонии, России.

Обетованное

Обетованная земля за синей далью
Лежит, всегда раскинув руки встрече.
И я её в объятья принимаю,
Едва тревожным сном накроет вечер.

Обетованная река, раздвинув воды,
Давно готова стать моей купелью.
Я прохожу сквозь ветреные годы,
В неё вхожу, сама себе не веря...

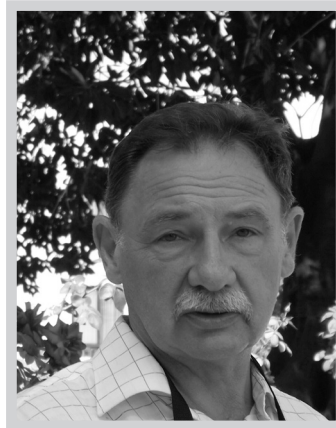
Обетованная страна Стеною Плача
В мир искупленья открывает двери.
Ночами я... в солёный камень плачу,
Из тьмы мне возвращающий потери...

Арон Гаал

Венгрия

Поэт, переводчик, эссеист. Президент Европейского фонда «EOS-2007» (Венгрия), директор фестивалей «Море и Слово» и «На один шаг ближе друг к другу – Встреча на берегу Дуная». Худ. директор изд-ва «AMON» (Венгрия), член СП Венгрии «EMIL», член СП XXI век (Россия). Автор Гимна ясов (венгерских аланов) и многочисленных сборников стихов, переводов и эссе.

Единорог в листопаде

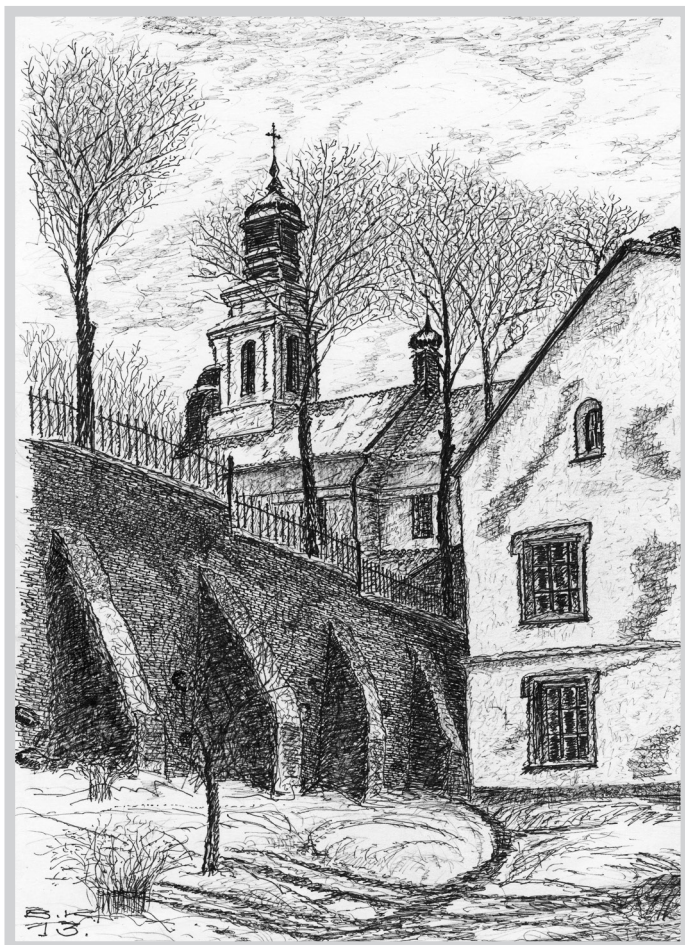
Ты прислала Единорога мне...
Он прибыл из старого мира,
Чтобы вынести из болезни, что жгла меня изнутри,
Из лабиринта жара, и показать дорогу дальше

И дальше на далекое цветное поле,
Где удивленно смотрит Небо, как кружатся бабочки,
А утром в полусне встает Солнце,
И купается в каплях росы Земля, Ветер

Перелистывает свои стихотворения в Книге,
В которой осталась Фея Листьев на ночь
На стволе дерева, что дремало в звёздной тишине,
Где были строки о болезни, что горела у меня внутри,

И о том, как по лабиринту жара, по гальке дня,
Когда я чувствовал, что наступает конец света,
Ты его – Единорога – прислала ко мне,
Чтобы Он показал путь через старые миры

И принёс меня по дороге сна домой,
В листопад.
Перевод Арона Гаала

И сейчас, как в детстве...

И сейчас, как в детстве,
Из неизвестного в неведомое тянутся рельсы.
Мой вокзал и сегодня хранит несметное количество тайн,
Которые до сих пор привозят вагоны из очень далёких
миров...

Мужчины и Женщины которые только ждут...
Ждут отъезд любимого, ждут приезд разлуки,
Приветствуют Весну и прощаются с Летом с улыбкой,
Но в их душах царствует Осень, а в глазах уже поселилась
Зима...

Несколько вагонов без остановки
Мчатся мимо меня, как голубой призрачный поезд,
Который я жду с детства и до сих пор,
И с которого так никто ко мне не сошел в мою
беззвёздную ночь.

Перевод Арона Гаала

Мадонна

Словно крыло птицы, твоё движение внезапно
Останавливает, и из-под твоей ладони
Льётся на меня Свет, развевающий сумрак внутри,
И в глазах пробуждается Солнце...

Перевод Арона Гаала

Офелия

Я знаю, ты действительно жила,
И это мне само собой понятно.
Нас познакомила похожая судьба,
Только страдало твоё тело больше.

Всё время жажда сладкого греха
Во взгляде твоих глаз горела.
Пусть не погубят нас с тобой слова,
Хотя их губы повторяют смело.

Солённый моря поцелуй зовёт
И манит в тёмные глубины.
Звучит лишь оскорбительный намёк,
Лаэртов цели Гамлету известны.

Перевод Лаймы Дебесюнене

Лайма Дебесюнене

Литва

Работала учительницей в школе, теперь – стилист-корректор в газете. Стихи начала писать в 1975 г. В 2011 г. со стихами на русском языке пришла на сайт «Стихи.ру». Автор переводов произведений литовских поэтов-классиков и поэтов из других стран. Стихи печатались в газете „XXI amžius“ (на литовском языке) и в альманахе «Дебют 2015» (на русском языке в Москве).

Эта ночь

Эта ночь наполненная размышленьем
И безмолвленным хождением к Тебе,
И молитвы тихим, искренним шептаньем,
Со слезою горькой на моём лице.

Эта ночь пройдёт лишь в ожиданьи утра
(Тьме – исчезнуть, с беспокойством надо жить).
Я, подняв глаза тихонько на небесье,
Буду ждать, что звёзды скажут мне в ночи...

Эта ночь темна, лишь ярко светят звёзды, –
Тайн моей души им не понять никак, –
И луна стыдливо с неба в землю смотрит,
Освещая для кометы странствий даль.

Эта ночь и я – лишь мелкая пылинка
На Земле, моей любимой и родной, –
А радость, вера, надежда и грустинка –
Это всё, о Боже, мне дано Тобой...

Не всё уносит времени волна

Не всё уносит времени волна –
Воспоминания порой не гаснут –
Они в ночи свечой горят
И тихо парафином плачут...

И если в сердце боль иглой кольнёт,
Переживанья не были напрасны...
Они оставили свой след,
Который нам уж не изгладить...

Перед судьбой – как жаль – бессильны мы
Покорно, мерзко головы склоняем
И идеалы предаём
Совсем не сомневаясь даже...

А совесть спит иль как червяк грызёт,
Спокойно, тихо жить не позволяя...

Пока горит моя свеча

О, Боже, умоляю, дай мне силы
Все тяжести, постигшие меня, преодолеть,
Хоть капельку мне дай любви и веры
И научи всем этим свято дорожить.

Иду я узкою тропинкой жизни,
И ровным пламенем пока горит моя свеча.
Не дай мне никогда поднять меч мести
И слово горькое промолвить сгоряча.

О, Боже, дружно протяни мне руку
И за ошибки, чтоб не повторить, Ты накажи.
Я в каждый миг Тебе покорной буду –
Не дай мне заблудиться в жизненном пути...

Олег Долгунов

Литва

Директор по производству одного из предприятий в Вильнюсе. В поэзии давно. Издал книгу стихов «Той женщине», печатался в нескольких сборниках и периодической печати.

Назавтра выпал снег

Назавтра посыпал снег,
Стал воздух иным и двор,
С ним выпал в осадок гнев –
Пушистое вещество,

Смешались, не различить.
Отхлынула ночь без сна,
И капли пустых причин
Сползали на край окна.

Чах свет бесполезных люстр,
Ныл чайник лицом к стене.
В двери оставался ключ
На внутренней стороне.

По полу гулял сквозняк,
И не было в нем тепла.
Курили. Начало дня.
Из крана вода текла,

Пора его сдать в ремонт
И ключ повернуть в двери.

Нас крепко держал замок,
Защелкнутый изнутри.

Звонят

По выходным звонят колокола,
Зовут на службу. Грех ещё не собран,
Мне спится хорошо. Она ушла,
Подушка ею пахнет по-особому.

Заварен чайник. До того горяч,
Что нерв руки, коснувшись чашки, слепнет.
Обычное начало сентября,
Но женщины ещё одеты в летнее,
Не прячутся, желая перемен.

Колокола финал сверяют слажено.
Какой раствор вливает мастер в медь,
Что не боишься быть сожженным заживо?

Такси

В прихожей, опустевшей разом
За отрезвляющим щелчком,
Погаснет свет с прожилкой красной.
У темноты под потолком
Растянутся края до пола,
Заполнят прямоу углов.
Скользнет, едва коснувшись полка,
Окна чужого рыжий клок,
Притащит оттиски антенны
Фрагментом бывших баррикад.
Такси взревет, метнет о стены
Два незатейливых гудка.

Валентина Екатеринбургская (Фатеева)

Литва

Печаталась в столичных газетах и альманахах. Переводчик стихов литовского поэта Казиса Бинкиса. Член Союза сельских писателей Литвы (г. Йонава), Литературного клуба им. Г. Державина (г. Каунас). Руководитель Поэтического содружества «МиР».

Благая весть

Стучит весна капелью звонкой,
Закрото ставнями окно.
Глаза весны – глаза ребёнка,
Наряд – живое полотно!

Ослабли холода объятья,
Победоносная весна
Развесила и сушит платья
В трудах без усталости, без сна.

Душа замёрзшая очнулась,
Дни оживают, словно сны.
Земля проснулась, улыбнулась
От ласковой руки весны.

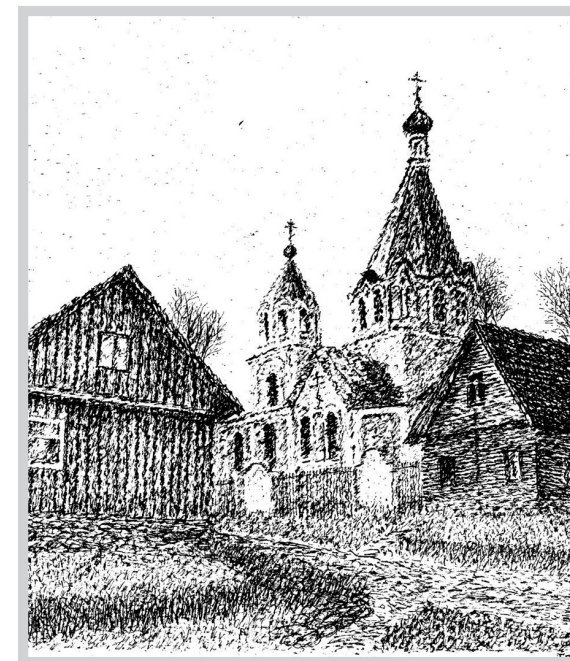
Миг воскресенья и полёта,
Мир обновления надежд...
Пусть Божья милость с неба
льётся
И расцветает Благовест!

5 мая 2008 г.

Благодарю

Благодарю Тебя, Господь,
Что силы возвратил,
Мне в испытаниях помог,
В молитве рядом был.
За то, что ангел за спиной
Хранит мою судьбу,
Невзгоды разделил со мной,
Не оставлял одну!
Благодарю Тебя за хлеб,
Стакан воды ко рту,
За трудный и короткий век,
За радость и беду.
Благодарю, Господь, за грех,
Отчаянье и боль,
За шаг, за голос, за успех,
Что в сердце есть любовь.
За то, что свет познала я
И не живу во тьме,
Что спасена душа моя,
Что я в пути к Тебе.

2008 г.

Земля

Все, чем Бог меня наградил,
Нищим духом я раздала.
На ветру стояла без сил,
Подо мной качнулась земля.

Я осталась в степи лежать,
Отдавая земле тепло.
Пожалела земля, как мать,
И подставила мне крыло.

«Рассветет, умойся росой,
Мою силу, как дар, прими.
Путь ты выбрала непростой
И дороги вкривь, вкось легли.

Я земля – я всегда с тобой
В час рожденья и в смерти час.
Этот путь зовется судьбой,
Пока разум твой не угас».

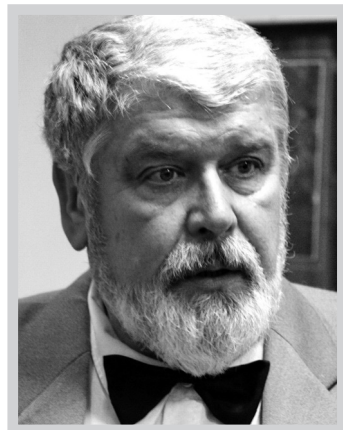
Все в прошлом

Все в прошлом, вереди – туман,
Лишь ускоряет время бег...
Мне крикнуть хочется – обман,
Меня пугает твой разбег!

Почувствовала жизни вкус.
Замедли, время, бег!
Из круга выпасть я боюсь
И не открою век...

Из чрева матери попасть
В драконью пасть земли.
Создатель, не хочу упасть,
Пропасть в твоей пыли....

Дай воздухом и светом стать,
Вселенной послужить...
Я мыслью стану прорасти,
А, значит, буду жить!

Валерий Иванов

Литва

Председатель Союза русских литераторов и художников «РАРОГ» (Вильнюс). Окончил ист-фак Варшавского университета. Работал в МИД Литовской ССР, в Польше, затем ответственным секретарём в обществе «Знание». Окончил докторантуру в Ин-те истории Литовской АН. Опубликовал несколько книг по истории и философии. В 1999 г. выпустил сборник «Одиночество».

Нравственный крест

Из глубины веков,
Из бездны мироздания,
Явился в нимбе слов
Крест – символ вечного сознания.

Что видят люди в нём?
Терпение, прощение?
Сиянье солнца днём?
Души терзаемой смятение?..

Крест нравственный над нами водружён
И в сердце каждого его частичка бьётся...
Поймёшь ты с ним – красив кто, кто умён,
Куда идти... Слеза ли не прольётся.

Вот этот крест, он личность воплотил,
Душе открыл все тайны мира.
Четыре вектора собою отразил –
Тебя воспел как нравственная лира.

Мораль и этика, эстетика и смерть –
Луча четыре жизнь нам освящают.
Дают опору, словно твердь.
Осмысленно вперёд нас провожают.

Ты не сойдешь с него – иначе гибель...
Где нет любви – там нет уже креста...
И жизнь тогда – всего лишь дальний флигель,
От дома, где живёт счастливая мечта.

И не откроются другим все прелести природы,
Благоуханье дня... – ведь зло ты не познал.
Какой ты человек? Ты из другой породы –
Ты не был на кресте, другим не сострадал.

Вечная Россия

Сколько раз Россию хоронили...
Но она, родная, всё жива!
Разлеглась на широту Сибири,
А в Европе мыслит голова...

Деву статную хребет уральский держит,
В сердце Волга милая течёт...
Здесь народ упрямый и прилежный,
Тыщи лет без усталости живёт.

Много раз агрессоры ходили,
Русский люд себе завоевать.
Деды, прадеды всегда их колотили,
Мощно дралась русских рать...

Мы в единстве силу обретали,
Все, кто жил с народом русским в лад.
Мы противников огнём не угнетали –
Открывали всем свой добрый взгляд.

В космос русский первым вышел,
К звёздам людям путь открыл...
Божий промысел, умнейший – свыше,
Менделеев нам в таблице отразил.

Мы увидели друг друга на планете,
Мы слышали их песни и слова...
Гений русского ума на белом свете
Много дал народам всем, сполна.

И сегодня, в новый век вступая,
Открывая новые пути,
Русский человек не ищет Рая.
Счастье он желает обрести.

Счастье, отдавать всем сердца радость.
Всем, кто ищет правду на пути,
Разрушая мерзости и гадость,
К Истине желая подойти!

И вот с этим праведным стремленьем,
Сильная Россия вечно будет жить,
Побуждая все народы, с вдохновеньем:
Справедливыми – достойно быть!

Вильнюс, октябрь 2015 г.

Регина Канаева

Литва

*Литератор, руководитель салона
«Мелодия жизни». Публиковалась в
республиканских и международных
литературных альманахах.*

Разноцветный листопад

Уходит в ночь, с теплом прощаясь, вечер.
Окрасился багрянцем солнечный закат.
Ласкает листья на деревьях ветер,
Осенний в воздухе витает аромат.

А поутру, обдав лицо прохладой ,
По-свойски встретит осень с каплями дождя.
Но этот дождь нам не преграда,
Луч солнца высушит его в течение дня.

За все скажу всевышнему спасибо:
За дымчатый рассвет, за солнечный закат.
За жизнь мою, с прощением ошибок,
И вновь пришедший разноцветный листопад!

Судьба!

Событий вереницу,
В косу вплетет судьба.
То радостные лица,
То трепет и мольба.

То смех и песни – в слезы,
Вдруг превратит она.
Букетик в дар мимозы,
А в сердце – тишина.

Летят так год, за годом,
Бежит за часом, час.
В жару и в непогоду
Что ждет нас здесь, сейчас?

Придет конец плетенья,
Закончится узор.
Польется песнопенье,
Споет смиренно хор!

Любите жизнь!

Любите жизнь, она прекрасна!
И утром распахнув окно,
Вас посетит момент соблазна,
Хотя на улице темно.

Сказать себе, да без сарказма,
Я благодарна: свету, дню.
Любовь подруга безотказна,
Но иногда под стать огню.

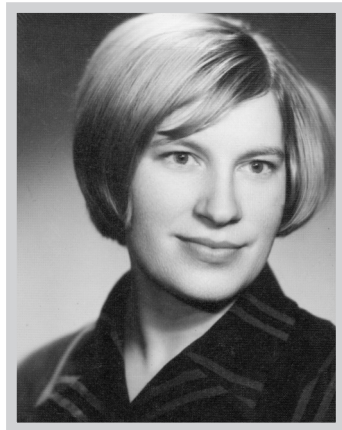
Живите дружно, без сомнений!
Даря лишь счастьем дни, часы.
И всласть, без капли напряженья
В мечтах витайте для души!

Юле Кильчаускене

Литва

*Работала в газетах г. Паневежиса.
В 1990 г. создала газету для подростков
«Юпитерис» и издавала её 9 лет. Как
редактор подготовила около десяти книг
разных авторов. С 2003 г. – корреспондент
газеты „XXI amžius“ («XXI век»).*

Жду твоего голоса

Дождь непрерывный...
По всему небу
Ползают тучи,
Бьются капли о крышу.
Головы им поклонили
Яблони нашего сада...

Смотрю, как птицы
Меж деревьев летают
Очень спокойно теперь.
Протягивает руки трава,
По влажности скучая.
Смородина красная умылась дождём,
И последние
Пионов цветки
Поклонились, готовясь к молитве.
Персик лишь одинокий
Старается выжить
На земле, чужой для него.

А Ты, Господь,
Смотришь с улыбкой на нас.
Что же думаешь, Боже,
Хорошие ли мы?

Слёзы лилий

Сегодня снежило летом,
Лилий слезами снежило.
Я собирала, творила
В песке алтарь из них.

Слёзы лилий
Огоньками мелькают
В сердце Твоём
И моём.

Теперь в каждый вечер
Повествует нам сказку
Белый алтарь –
Лилий прозрачные слёзы.

Молитва моего пути

Молитва моего пути
Всегда на небо смотрит.
Туда покорно я её несу,
Когда с усталости споткнувшись,
Над сердцем власть имеет мука.
Она уносит мысль мою
К венцу, сплетенному из терна,
И взгляд встречает Божий.

Я поднимаюсь, вновь иду,
Пока на небе солнце светит,
Пока я слышу пенье птиц,
Пока моя судьба,
Моя душа
Ещё живут здесь.

Перевела Лайма Дебесюнене

Валентина Киселева

Литва

Родилась на Украине. Окончила Ленинградский финансово-экономический ин-т им. Вознесенского. Первый сборник стихов «Стихи для сердца, для души» вышел в 2012 году. Вторая книга – рассказы и стихи «Тропинками памяти» – в 2015 году.

Колокольный звон

Искусство – и не надо перевода,
Искусство – и не надо лишних слов,
Искусство – это гордость всех народов,
Искусство – это сгусток всех времен.

Звучит труба горниста на рассвете,
Поет и плачет скрипка до утра,
В час радости, беды и лихолетья
Над миром всем звонят колокола.

Тот нежный звон, порой такой тревожный,
О радости и горе сообщит,
Подарит всем надежду на спасенье,
От зла он нас спасет и защитит.

И если сердце ваше камнем сдавит,
Покажется, что жизнь уже прошла,
Спасенье есть, пока живет надежда,
Пока в душе звонят колокола.

2014 г.

Святое постоянство

Церковь, как лебедь, расправила крылья,
Звонниц корона на голове.
Манит к себе она небылью, былью,
Дарит надежду – и мне, и тебе.

Я захожу под высокие своды –
Храм тишиной и покоем объят.
Лишь, освещая картины, иконы,
Свечи, как звезды на небе, горят.

Взгляды святых так спокойны, торжественны,
Мудрость и веру хранят нам в веках,
Дева Мария, прижав к груди, с нежностью
Божьего Сына несет на руках.

В мире веками считались священными
Родина, Вера, и Честь, и Семья.
Кто-то придумал, чтоб стать современными,
Надо сменить все от «А» и до «Я».

Родину нынче сменить не проблема:
Сел в самолет – и другая страна,
Но не забудь ты, что Родина в сердце,
Ведь от рожденья она нам дана.

С верою в Бога – тут странно все вышло:
Был православным – теперь мусульманин,
Бывший католик теперь уже Кришна,
Веру ли, Бога, себя он обманет?

Крепость-семья создается с любовью,
Ты для детей готов сердце отдать.
Как же теперь – однополые браки,
Папой и мамой кого называть?

Что же до Чести – тут случай особый:
(Не прикрывайся злодейкой-судьбой)
Будь всегда честен пред Родиной, Верой,
Перед семьей и, конечно, собой.

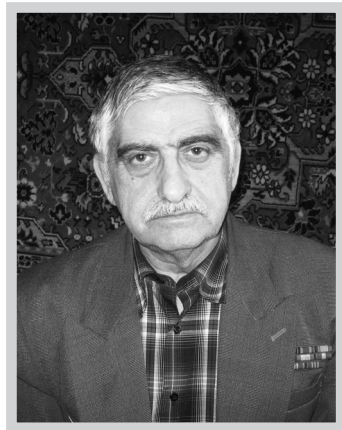
2013 г.

Автандил Кукин

Россия

Стихи пишет со школьных лет. Был членом литературных студий «Логос», «Родник» в Вильнюсе. Печатался в различных сборниках и альманахах. С 2010 г. живет в Московской обл. В 2013 г. выпустил сборник стихов «Времён различных отражень».

Молясь, беги путей лукавых,
Чти Бога и не спорь с глупцом.
А. С. Пушкин

Молитва

Если за дело взяться пора,
А ты не знаешь, что делать с утра, –
Встань на молитву.

Время идёт, а решения нет,
И ты не можешь найти ответ –
Встань на молитву.

Если на сердце твоём тяжело,
И ты хочешь, чтоб отлегло –
Встань на молитву.

Если предал единственный друг,
Ты не ищи утешений вокруг –
Встань на молитву.

Если обиду терпеть нет уж сил,
Ты у Бога совета спроси –
Встань на молитву.

Если ты чувствуешь тяжесть грехов,
И нет избавленья от этих оков –
Встань на молитву.

Если потеря так тяжела,
Что больше жизнь уже не мила –
Встань на молитву.

* * *

Исповедальный аналой накрыт.
На нем Евангелие и крест лежит.
К ним подойдя, я должен
Покаяться в своих грехах
И вспомнить то, что вопреки
Учению Христа
Я совершил и в мыслях, и в делах...

После Прощёного Воскресенья

Я выполнил своё предназначенье
И сделал в этой жизни всё, что мог,
Полвека пронеслось в одно мгновенье –
Теперь меня зовёт иной чертог.

Покину этот мир я с лёгкою душою,
Вчера простил я всех, быть может, и меня
Простили все, живущие со мною,
Уйду я, никого не упрекая, не виня.

И с грустью лёгкой взгляд последний кину
На этот лучший из всех миров,
Затем увижу райскую долину,
Где душам есть простор, полёт и кров.

Сергей Лавров

Литва

*Автор четырёх поэтических сборников.
Лауреат Республиканских конкурсов русской
поэзии, награждён Почётной грамотой
Департамента национальных меньшинств
«За большой вклад в развитие творческих
связей между литовской и русской культу-
рами». Консультант литобъединения «Логос».*

Открывая жизни двери

*Памяти прот. о. Романа (Лукиянова),
основателя и настоятеля
Богоявленского храма
в г. Бостон (США)*

Не остановит время человек,
Но наслаждаюсь радостью покоя...
Проходят дни. Свободно и легко мне
Остановить стремительный разбег

И созерцать медлительный ток рек,
Прощающихся с здешней красотой.
Нет жалости к минутам и годам,
Пусть жизнь пройдёт – её не пожалею.

Я светлое призвание лелею:
И честь, и совесть Богу я отдам.
Не покоряясь злу, Ему воздам
Всё то, что я в себе имею...

Тот тихий плеск вечернего весла,
Тот тёплый вздох нагрянувшего ветра,
Тот поцелуй прощального привета
Призывно память в сердце принесла.

Я иногда так верю снам –
А снится мне, что песня не допета.
Давным-давно, в прошедшие века
Звучала жизнь симфониями века,

В ней жил герой, и плакал в ней калека,
В ней сочетались радость и беда –
И догадался я, наверное, тогда,
Что заменить меня как будто некем.

И только ветер, тучи, да луна,
И человек, который очень верит,
И целый мир, а в нём цветы и звери,
И памяти прощальная волна...

Я понимаю: жизнь даёт сполна,
Тому, кто открывает жизни двери!

Непреходящее

*...Рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего
сначала, по порядку описать тебе, досточтимый Феофил,
чтобы ты узнал твёрдое основание того учения,
в котором был наставлен.*

(Еванг. от Луки, 1:3)

Евангелист Лука премудрый
Писал про житие Христа.
С большого лба спадали кудри
Белей бумажного листа.

В ночной тиши дрожали тени
От свеч, зажжённых до утра.
Слагалась вечность из мгновений
Под скрипом гибкого пера.

Лука лицом бледнел порою,
И взор мутнел от тусклых слёз,
Когда писал, как сатанюю
Подвергся искусу Христос.

Как повели Его к Пилату,
И «Смерть Ему!» – кричал народ,
Забыв в безумстве про расплату,
А Страшный суд уже грядёт...

Лука порою хмурил брови,
Была тяжёлой голова:
«Что будет там, в далёкой нови,
В двухтысячном от Рождества?»

Он открывал окно ночное,
Взирал сквозь мглу на россыпь звёзд:
В грядущем видел он бывшее
И возводил меж ними мост.

Самопостижение

Был спящий ум безмолвно недвижим,
Был дух опутан паутиной лени,
Когда пред светлым образом Твоим
Меня поставил Ангел на колени.

Живые ткани сердца разорвав
Завесой недостроенного храма,
Учитель мой, к груди Своей прижав,
Влил в кровь струю священного бальзама.

Глаза в глаза, дыханье затая,
Всем существом я пил блаженство света.
О, сколько жизней погубил я зря
В себе самом, пока постиг всё это!..

Эльвира Поздня

Литва

Стихи и проза публикуются в изданиях Литвы, Беларуси, России, Латвии, Эстонии, Германии. На стихи Э. Поздней написаны песни и романсы. Выпущено несколько сборников стихов и прозы. Автор проекта и ведущая литературно-музыкальной гостиной «Русские посиделки» в Вильнюсе (с 2002 г.). Обладатель «Золотого пера» Европейской академии литературы и искусства (2015).

Ты прости...

(Я родилась в России)

Я гуляю по осени,
И подраненной птицей
Лист, подёрнутый проседью,
В мою осень стучится.
Ты прости меня, Родина,
За моё немолчанье –
По колдобинам пройдено,
Что дано изначально.
Ты прости за Есенина...
Ты прости за Рубцова...
В этой жизни не ценим мы,
Отвергая, живого.
В этой жизни отчаянно
Бьётся сердце поэта.
Слава, будто нечаянно,
После смерти воспета...
Вёрсты осеней пройдены,
И израненной птицей
Боль потерянной Родины
В моё сердце стучится...

Тихая Родина

Стынет опять непогодина –
Захороводил февраль...
Как тебе, тихая Родина?..
Снеги завьюжили даль...
А по весне звонким гомоном
Птицы разбудят тебя.
Только пустынно и голодно
Нынче на жухлых полях.
Филин бездомно заушает,
Ветер калитку качнёт
И одичалыми муками
В брошенной хате замрёт.
Сердцу забиться в народе бы,
Да не угодно судьбе.
Милая тихая Родина,
Как же...
Без сердца...
Тебе?..

* * *

«Ночь не тает. Ночь как камень»
Иннокентий Анненский

Ночь не тает. Ночь как камень.
Затерялся след в ночи.
Чуть подрагивает пламень
Оплывающей свечи.
Лёгкой тени дуновенье
Потревожит сон в тиши.
Вздохи выплеснут томленье
Переполненной души.
Редким эхом отзовется
Всплеск русалочьей воды,
И тревожно шелохнётся
Покрывало темноты.
И украдкою по ночи

Расползается молва,
Словно кто-то напроорочил
Ей коварные слова.
А свеча к рассвету тает,
Застывают нити слёз.
И надежда увядает,
Провожая стон колёс...

* * *

По краю, по краю ступаю.
По краю, по краю бреду.
Туда ли бреду, я не знаю,
По тонкому, хрупкому льду.
Какая рука – провиденье
Ведёт осторожно меня?
Пошли мне, Господь, озаренье
В пути уходящего дня.
Где бродит любовь неземная
Мне, самой земной, подскажи
И к двери волшебного рая
Мне правильный путь укажи...

Валентина Скарджюене

Литва

Лауреат Республиканского конкурса современной русской поэзии «Люблю Отчизну я...» (2005). Состояла членом Литературного объединения «Русло». Публиковалась в периодических изданиях Литвы. В мире детской поэзии – Валентина Илианд. Автор книжки стихов для детей «Подарок радости и смеха, или По следам детского лепета» (2011).

* * *

Если плохо, иду в храм и молюсь:
«Обопрись на меня, Господи...»
(Из притчи)

Спят белые надежды,
Ликующие прежде...
Томит усталость вежды.
Но –

боли злой оскал:
За нас
решили
судьи.

Они вершили судьбы.
Так кто же эти люди,
Которых Бог послал?

То ль правда торжествует
И силы испытует?
То ль мелочно балует
Прекаверзный искус?..
И снова в исступленье
Пить чашу искупленья
И возносить моления –
Простить ошибок груз.

Клубами небо пало,
Как будто бы устало
И сил его не стало
Держать густую синь...
А слабый человеке
Напряг худые плечи,
Спиной упёрся в Вечность
И вышел из руин.

Свеча

И вновь поставлена свеча...
Как жизнь, ещё не прожитая.
НО!
Огнём гонимы, по плечам
Разгадки каплями стекают.

Вот эта капелька – слеза
Из трудно прожитого года.
А в этой – лютая гроза
Над ясным (в прошлом)
небосводом...

Нагромождение сует
Оплывы воска отражают

И современный силуэт
Свечи надменно искажают.

На что огонь в избытке сил
Стеснил нагар былых терзаний,
Упав, который, испустил
Шипенье, словно в назиданье:

«Не обратитесь, мол, вернусь
Уж не одним грехом, а скопом...»
Повержен мрак.
А я молюсь,
Чтоб окроплённой быть иссопом...

Свеча молению вняла.
В трудах любви не отступая,
Слепив из воска два крыла,
Как птица стала перед стаей:

Главою огненной своей
И золотистым клювом точит
Пространства высь, да всё
хлопочет,
Чтоб нам
последовать
за ней...

«Земных же дел – недолог срок», –
Вдохнул поникший фитилёк
И ТАК уткнулся горячо
В её остывшее плечо.

* * *

Пасть распятем в осенние
травы.
Напоить их горячей слезой.
И полынного счастья отраву
Поразбавить дождём да грозой.

Умудрённую силу пригоршней
Зачерпнуть бы!..

Да струпья одни...
Знать, ничто не умеет быть
горше,
Чем расплата за внешние дни.

* * *

Не пишутся стихи,
Читаются молитвы,
Лишь сердцем, без словес.
И в таинстве поста
Припомнятся грехи,
Суетами сокрыты.
И, к радости небес,
Безмолвствуют уста.

Проспект Гедиминыса

*Перспективу проспекта
в Вильнюсе с одной стороны
венчает Архикатедра,
с другой – Православный храм.*

Лежит проспект лучом упрямым:
В Костёл ли, в Храм избрав
дорогу,
Свершая путь стопами прямо,
Душой придёшь едино – к Богу.

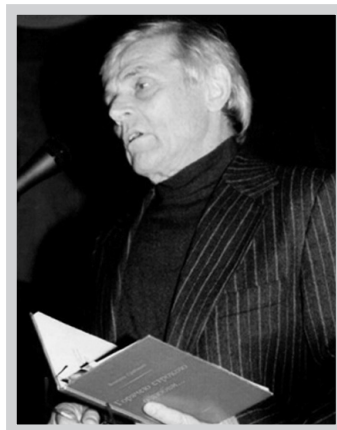
Валерий Срибный

(2. 01. 1942 – 17. 02. 2016)

Литва

Член СП России.

Автор нескольких поэтических сборников.

* * *

Падоша со звонниц колокола
Под крики, улюлюканье и хохот,
А церковь защититься не могла,
Взирая на толпы весёлый рокот.
А церковь ожидала, что вот-вот
Проснётся человеческое что-то,
И чей-то искажённый болью рот
Взовёт к толпе – Очнитесь! Ну хоть кто-то!

Падоша со звонниц колокола
Со стонами, с приглушенным рыданием,
И молча вслед кренились купола,
Сподвигнутых безбожьем на закланье.
Сползал к земле тяжёлый монолит
Цепляясь за карниз и за отвесы,
А там, внизу резвились, словно бесы,
Заблудшие в пыли крестов и плит.

Падоша со звонниц колокола
Безропотно, покорно-обречённо.
Не их вина, что страстно, увлечённо
На «подвиг» сей неправда позвала.
Печален в чёрных остовах пейзаж
Взошедшей скорби, дышащий тоскою.
Как чернозём, что вспух шальной весною,
Но восход не давший – мёртвый как мираж.

*

Насупился, нахмурил брови свод
Небесный после долгого томленья
И, кажется, всему на удивленье
Разверзлось небо вслед потоком вод.

Не ведая к земле путей простых,
За дальней пеленою редколесья
Взметнулись молнии, запутавшись в густых
Изогнутых ресницах поднебесья.

Стирая утомлённый летний зной,
Поток дождя парчовою завесой
Хлестал, смывая словно грех земной,
Печалью барабана в кронах леса.

Вода в реке не стала вспять бежать,
Деревья не осыпались листвою,
Седело небо только над толпою,
Но как же трудно век было дышать.

* * *

Загадочны подчас часы уединенья:
В уютный плед нырнув, под всхлип усталых лип,
Как будто невзначай в другое измеренье
Вдруг повернул, и вот – ты видишь *Этот* лик
И Гефсиманский сад, и ночь – канун Голгофы,
И мерный ток судьбы у случая в плену,
Молитва поутру, и вскрик дремавшей дрофы,
Нарушивший покой, хранивший тишину.
Я будто бы вхожу под сень раздумий сада,
Сойдя тропинкой вниз, что жёстка и крута,
Внимаю и молчу, сейчас мне это надо –
Вдохнуть, пройти, прожить библейские лета.
Там, так же как тогда, в плодах шумят оливы,
И так же как сейчас, ложились тени в сад
Под бег времён седых, таких неторопливых,
Что кажется я *там* и этой встрече рад.

* * *

Меня вели.

Я не сопротивлялся,
Пытаясь груз оков с груди сорвать,
В безгрешности своей уже не клялся,
Увидев, как в толпе рыдает мать.

Меня вели...

Он в красном полотнище
Тревогой рос в познавших боль глазах.
А небо становилось будто чище,
Умытое в младенческих слезах.

Дорога в ад?

Но я ведь шёл на плаху
Ступенями ведущими наверх!
А там внизу, в толпе, никто не плакал,
Уверовав – наказывают грех.

Знобил рассвет.

Мне голову склонили
С наброшенным без прорезей мешком,
Верёвкой руки в ссадинах скрутили,
И кто-то палачу дал знак рожком.

Ужасен взмах...

Топор был с полпланеты!
Отдал бы всё, чтоб это было сном.
И я вскочил с постели смятой – это
Мой сон был прерван криком под окном.

Так кто же был казнён там на рассвете –
Моё сознание, тело или дух,
Или сквозь сон хлестали *совесть* плети? –
Я спрашивал себя всё утро вслух.

* * *

Гладь небесную чертят, играя, стрижи...
Мне ль летать не дано? Я ль так слаб? –
Два часа в спелой ржи,
Два часа в спелой ржи –
И я больше не раб!

Упаду на упругий ковёр колосков,
Поцарапав запястья, лицо.
Но уже без оков.
Без цепей и оков,
Разорвав слов гадюшных кольцо.

Задышу полной грудью, чем так дорожил,
Будто прежде не жил, не дышал.
Будто ветер вскружил,
Надорвав связку жил,
Избавляя от яда и жал.

Утолю жажду запахом спелых полей
И бескрайних небес синевой.
Сердцу станет теплей,
Слыша крик журавлей,
Что, курлыча, летят надо мной.

И распятым в синь кружев небесных уткнусь,
Застывая на миг миражом.
А себе поклянусь –
Больше не оглянусь,
Пролетая над прошлым стрижом.

Нина Хижий

Литва

*Художник-оформитель, литератор.
Печаталась в периодических
изданиях Литвы.*

Степь, да степь...

Догорает огонь, приоткрыта каминная дверца,
Поздний вечер сгустился, вокруг ни единой души...
Под гитарный аккорд растревожено песнею сердце
О судьбе ямщика, что в степной замерзает глуши.

Ночь диктует слова, под мотив подбирается рифма,
От избытка эмоций срывает струну на фальцет,
Тихий голос певца отправляет прощальные письма
Оставляя, как рану на сердце, зияющий след.

А седая пурга белой пылью завьюжило небо
Только кони да друг, да вокруг непроглядная мгла,
Да горячее сердце уносится в вечную небыль,
Забирая навеки частицу любви и тепла.

Догорел огонек, ночь-колдунья смежила ресницы.
И уютной подушки привычно коснулась щека,
Но все видится мне, как судьба – перелетная птица –
Беспощадно толкает на гибель того ямщика.

По ту сторону черты

Еще немного – и черта...
И голос больше не простужен,
И все не так, и я не та,
И мне уже никто не нужен...

Всего лишь шаг до пустоты,
А что потом – никто не знает...
Из беспросветной темноты
Лишь холод руки простирает...

Не прозвучат во тьме слова,
Исчезнут все воспоминанья,
Не закружится голова,
Не будет сердца замиранья,

Угаснет ум, остынет кровь,
Исчезнет прежнее сознание...
Я просто превращусь в любовь,
В основу сути мирозданья!

Жизнь коротка

Проходит все, стирает время грани...
От юности до старости – полшага.
Всего лишь миг нам дан для осознаний
Добра и зла, никчемности и блага.

Беспечна юность полная мечтаний,
Готовая свернуть любые горы,
В ней много пылких слов и ожиданий,
Которых не оправдывают годы.

Аллуром мчится время безудержно,
Срывая календарные страницы...
Лишь молодость, как прежде безмятежно
Надеется, что старость не случится...

Людмила Хорошилова

Литва

Юрист. Секретарь Союза писателей и художников «РАРОГ», Руководитель Клуба любителей поэзии и музыки «Desiderija». Автор четырех поэтических сборников.

Прости

Прости меня, за все прости,
за опечаленную осень,
за эти долгие дожди,
за появившуюся проседь.

За тусклую, как тень, зарю,
и размышленья у порога,
за то, что часто я хандрю,
за то, что я грешна пред Богом.

За то, что нет в душе огня,
прости. Любить я не умела.
Еще за то прости меня,
что я в любви была несмелой.

За то, что все мосты сожгла,
за то, что дуют ветры злей.
Прости, что поздно поняла:
ты – самый лучший на земле.

Посвящение поэтам

Любимый, ты знаешь, есть остров на свете,
Где души поэтов находят приют.
В Элладе Парнасской тот край на планете,
Страною любви этот остров зовут.

Прекрасней, чем рай, это место святое,
Там славных поэтов звучат голоса,
И слышится русское слово родное,
И к родине милой плывут паруса.

Там Пушкинский дух откровенный и смелый,
Цветаевой боль, и Ахматовой свет,
Есенинский клен заиндевелый...
Душою живет, сердцем видит поэт.

Мой ангел в страну ту чуть-чуть припозднился:
Лет на сто я к вам опоздала, друзья,
Но луч апполоновых Муз засветился,
Прекрасное творчество манит меня.

Там ранней весной прорезаются крылья,
Молитвой ложится рождаемый стих.
Там смерть и отчаянье, грусть – в изобилии,
Там море любви и страданий чужих.

Рифмуют поэты слова, даже точки,
Сердца заставляя в напряге стучать.
Пишите, творите, безумствуйте строчки,
Любите... не должно поэтам молчать.

Андрей Ястремский

Беларусь

*Окончил философский факультет
Белорусского государственного университета.
Работает ведущим инженером.*

Златовласая фея

Вот и вновь ты пришла ко мне, милая
Златовласая Фея моя.
Прослезилась плакучими ивами
В незабвенной тоске сентября.

Отпускаешь тепло сокровенное
В синеву побледневших небес.
Моя тихая, грустная, верная.
Как люблю я твой дремлющий лес!

Как мне дороги зори янтарные
И протяжные песни дождей,
Твои очи озёрно-туманные
И прощальный полёт журавлей!

Как прекрасен, ветрами подхваченный,
Шумный вальс облетевшей листвы!
И не жаль мне, что лето растрчено,
И последние вянут цветы!

Улыбнись же скорее, родимая
Златовласая Фея моя!
Как же долго я ждал тебя, милая!
Как же сильно люблю тебя я!

Там небо льется через край

Там небо льётся через край!
Там солнце пьют бездонной чашей!
Художник так рисует рай
Загробной вечной жизни нашей!

Смиренно дышит плоть холста,
Любуясь новой дерзкой мыслью.
А где-то Бог, сомкнув уста,
Рисует Мир... Другою кистью...

Тамара Янова:

«Мне выпало невероятное счастье – творить»

Редко кто из нас воспринимает свою судьбу как подарок. Особенно в зрелые годы. Гораздо чаще можно услышать от собеседника рассказы о тяготах и испытаниях, выпавших на его долю.

Казалось бы, и для девочки, родившейся осенью 1941 года в Сталинграде, чей отец-лётчик погиб на фронте, так и не увидев дочери, нелёгкие испытания были уготованы с первого вздоха и первого шага. Их и вправду выпало немало – ничуть не меньше, чем у других. И всё же известный вильнюсский скульптор Тамара ЯНОВА глубоко убеждена: её судьба сложилась на редкость счастливо.

«А ну-ка, песню нам пропой, весёлый ветер!..»

Она – яркий пример того, как порой бывает обманчива наша внешность. Подвижная, весёлая, наравне с мальчишками лазающая по деревьям и гоняющая по заснеженным улицам старого Каунаса на самодельных коньках, Тамара в детстве едва доставала до плеча своим одноклассникам. Но при этом, если надо было защищать их от дворовых опасностей или уличных хулиганов, именно она первой кидалась на помощь – и непременно побеждала. Не силой, конечно, а самой решимостью, отчаянностью.

С этой весёлой решительностью, подкреплённой постепенно оживающей после страшной войны страной, бодрыми песнями из репродуктора – «А ну-ка песню нам пропой, весёлый ветер!..», ясным и чистым пионерским детством, незамысловатым коллективным бытом, зато самыми светлыми надеждами на будущее. Тамара шагала по этой жизни довольно энергичным шагом.

Школа в старинном каунасском парке возле русской церкви, интересные уроки, любимые учителя, верные подружки, велосипеды-коньки, прятки-догонялки... Мама – красавица, певунья и рукодельница, строгий, но любящий отчим, появление на свет братишки, важная и ответственная роль старшей сестры...

После 7-го класса Тамара пришла учиться в техникум, где поначалу просто не поверили, что ей 15 – выглядела она едва одиннадцатилетней.

Возвращение домой

Но учиться взяли, и через четыре года дипломированный молодой специалист – техник-технолог столярно-мебельного производства, правда, полтора-метрового росточка и такого же «воробьиного» веса, оказалась на клэйпедской мебельной фабрике.

Шум, гам, работа в сборочном цеху, в две-три смены. Иногда под утро уставшего маленького мастера можно было обнаружить сладко посапывающей под станком в ящике со стружками, но, как она сама вспоминает, на комбинате её никогда не обижали и ценили за старательность. А вскоре даже повысили в должности («Может, просто пожалели?» – думает теперь Тамара) – посадили за стол в отдельном кабинете, назвав инженером по научно-технической информации и пропаганде.

Казалось, всё складывалось не хуже, чем у всех: нормальный заработок, понятная карьера, весёлая и почти беззаботная юность в городе у моря, ухажёры, влюблённости, молодая семья, их первое с мужем Колей собственное 8-метровое жилище... Тамара искренне была готова идти этой дорогой и дальше. Ради повышения квалификации даже поступила на заочное отделение Ленинградской лесотехнической академии, начала усердно учиться.

Так судьба стучится в двери

Она отлично его помнит, этот самый день: «Пришла заниматься в библиотеку, набрала книжек по высшей математике, сижу над ними – вздыхаю, и вдруг отчётливо понимаю, что вообще всё это совершенно не моё – вся эта математика, фабричные цеха, планёрки-разборки, планы-соцсоревнования. Я аккуратно собрала взятые учебники, сдала их библиотекарше и тут же обменяла на книги по искусству. И вот их стала изучать уже совсем иначе, с совершенно иными чувствами. И изучаю до сих пор».

Такого поворота в Тамариной судьбе, казалось, не предвещало ничто. Ни она сама в детстве и никто из её родных миру искусств не принадлежали, к краскам-карандам не тянулись, художественных альбомов не покупали и не листали. Но оказалось, именно в этой семье Бог нежно поцеловал в макушку одного из детей – ту самую бойкую каунасскую девочку с весёлым, смелым и упорным мальчишеским характером.

Характер этот ей пригодился в жизни ничуть не меньше таланта и неуёмного творческого воображения. Войти и освоиться в совершенно новом для себя мире, успешно поступить на отделение скульптуры столичного Художественного института (ныне – Академии художеств), одновременно растить дочку-первенца и одно за другим осваивать новые умения и навыки – изучать композицию, рисунок, историю искусств, учиться понимать и побеждать глину, дерево, камень, бронзу...

«Я думаю, что попала в искусство случайно, быть может, даже по наивности, – рассуждает сегодня Тамара, – просто искренне поверила в похвалу скульптора К. Багдонаса при виде моей ещё совсем незрелой работы. А дальше всё было, как в любимой песне: «Кто весел – тот смеётся, кто хочет – тот добьётся!» И мама меня на этом пути искренне одобрила, и муж поддержал, и многие хорошие люди помогли. Так неожиданно я получила от жизни огромный кусок счастья – творить!»

Паганини

В диалоге с собой

Для скульптора Тамары Яновой, кажется, давно не существует никаких творческих барьеров – ни тематических, ни стилистических. За сорок лет плодотворной работы она делала медали и парковые скульптуры, торжественные «парадные» головы и ироничные ансамбли для современных офисов, создавала кабинетные композиции и изумительные вещи в жанре малой пластики, способные преобразить и украсить любое помещение.

В ней поразительным образом уживаются зрелый мастер и необыкновенно скромный человек. В отличие от многих деятелей заведомо сольного вида искусства Тамара всегда испытывает нелов-

кость, когда внимание направлено именно на неё. И, похоже, эта постоянная внутренняя борьба дала неожиданный эстетический результат.

«Мне всегда хочется, – говорит скульптор, – чтобы мои работы выглядели не как новые, а будто найденные где-то, случайно откопанные. Вот почему они у меня все слегка обломанные, потёртые, в трещинках – эдакая псевдоархаика... Потом и в самом деле начинаешь верить, что это не ты сама сделала, а где-то нашла, откопала. Однажды у меня родился камень, из которого женская фигура лишь проступает, и непонятно до конца, то ли давным-давно статуя упала и обтесалась за многие века до состояния большого булыжника, то ли в большом булыжнике, наоборот, пыльное воображение угадывает контуры женского тела...»

Даже для небольших по размерам работ Янова старается найти монументальное пластическое решение, яркий образ. Коллеги по цеху, не скрывая восхищения, не раз говорили о том, как она изящно, по-женски, преодолевает сугубо технические сложности скульптурного ремесла, удачно маскируя элементарное отсутствие могучей физической силы, необходимой ваятелю, тонкой стилизацией.

Самыми податливыми и послушными после пластилина и глины оказываются в её руках шамот и терракота, которые Тамара умеет необыкновенно насытить и расцветить живописными вкраплениями натуральных оттенков. Впрочем, если скульптор берётся за укрощение твёрдого крас-

ного дерева, камня или бронзы, то и они отзываются мягкими, теплыми, почти телесными на ощупь формами.

Как поясняет сама художница, «время бронзы» у неё наступает, когда недостаточно идей: «Когда в голове и сердце пустота, берешься за физическую работу. А, по сути, я навсегда влюблена в глину. Во всём ей доверяю. Беру в руки кусочек, разминаю его, расслабляюсь, и глина меня сама ведёт, никогда не обманывает. По правде говоря, в этом весь секрет моего творчества. Я не знаю наперёд результата этого интуитивного сеанса, ведь диалог с самой собой идёт постоянно...»

Сегодня за плечами Тамары Яновой уже четыре десятка лет активной творческой работы в жанре малой пластики, монументальной и портретной скульптуры, медальерном искусстве, акварели. Она – признанный и уважаемый коллегами профессионал, член Союза художников Литвы, лауреат Государственной премии (1986 г.) и множества конкурсов. Её работы можно увидеть во многих музеях страны (Вильнюсе, Каунасе, Клайпеде, Тельшяй), а также в Московской Третьяковской галерее, Российской Академии художеств, Британском музее Лондона, Музее Олимпийских игр в Лозанне, в частных галереях и коллекциях Голландии, Франции, США, Канады, Германии, Израиля, России, Польши, Швеции, Дании, Исландии...

Тамара Янова – художник очень плодотворный, что даёт ей возможность чуть ли не ежегодно устраивать персональные экспозиции и участвовать ещё в двух-трёх коллективных – не только в Литве, но и за её пределами.

Татьяна Ясинская
«ОБЗОР» № 44 (773), 3 ноября 2011 – 9 ноября 2011 г.

Содержание

Проза

Елена Антипова. Два конца, два кольца, посередине – ангел	5
Валерий Бочков. Никотин.....	23
Нина Гейде. В леса-чудеса мы поедem с тобой	36
Эльчин Гусейнбейли. Письма серого осла	44
Антанас Суодис. Пророк	50

Поэзия

Наталья Горбаневская. Стихи.....	60
Зинаида Дырченко. Стихи	66
Евгения Рузина. Стихи.....	70
Чарльз Симик. Стихи.....	78
Борис Старосельский. Стихи.....	87
Эляна Суодиене. Стихи	93
Роза Шорникова. Стихи	97
Владимир Штокман. Стихи.....	103
Мария Теплякова. Звонарь	109

Драматургия

Анна Банщикова, Елена Оносовская. Живет моя отрада	119
--	-----

Наследие

Вислава Шимборская. Стихи.....	151
Вера Виногорова. С шести сторон света	161

Emigrantica

Ивона Анна Ндьай. Бунинский «Апофеоз бездомья»	164
Вера Виногорова. Третья волна	173

Штудии

Эляна Суодиене. Ад и Рай Гинтараса Патацкаса.....	174
---	-----

Философский семинар

Валентин Кащеев. Характер и роль эстетических требований в физике	186
--	-----

Уроки мастерства

Александр Ольбик. Взойти на эшафот, чтобы воскреснуть... ..	193
---	-----

У нас в гостях

Манифест Балтийской гильдии поэтов	201
Юрий Касянич. Потеснить сныть. Стихи.....	202
Николай Гуданец. Дитя света. Стихи	210
Милена Макарова. Стихи	214
Евгения Ошуркова. Стихи	219
Николай Романенко. Стихи	226
Александра Бандурина. Стихи.....	231
Сергей Смирнов. Стихи	235
Владимир Френкель. Из городского путеводителя. Стихи.....	241

Мы помним...

Сергей Кольцов. Стихи	250
-----------------------------	-----

Журнал в альманахе

Журнал «Покрова»

Третий международный фестиваль Духовной поэзии.....	254
Элеонора Андриевская. Стихи	257
Ева Ахтаева. Стихи	258
Арон Гаал. Стихи	259
Лайма Дебюсенене. Стихи.....	262
Олег Долгунов. Стихи	264
Валентина Екатериничева. Стихи.....	266
Валерий Иванов. Стихи.....	268
Регина Канаева. Стихи.....	271
Юле Кильчаускене. Стихи.....	273

Валентина Киселева. Стихи.....	275
Автандил Кукин. Стихи.....	277
Сергей Лавров. Стихи.....	279
Эльвира Поздняя. Стихи.....	282
Валентина Скарджювене. Стихи.....	285
Валерий Срибный. Стихи.....	287
Нина Хижий. Стихи.....	291
Людмила Хорошилова. Стихи.....	293
Андрей Ястремский. Стихи.....	295

Журнал «Покрова» — Вернисаж

Татьяна Ясинская. Тамара Янова: «Мне выпало невероятное счастье – творить»	297
---	-----